

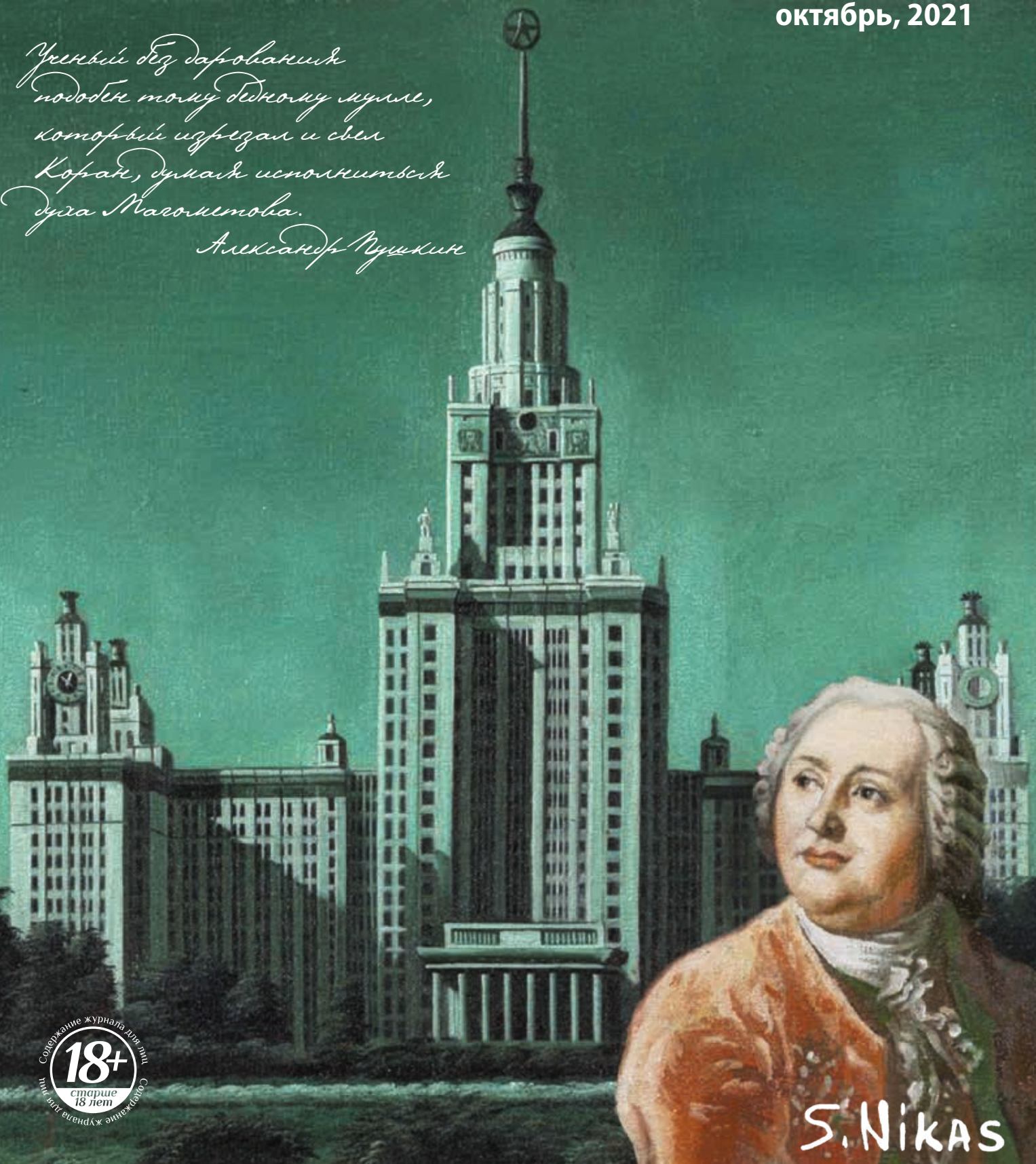
АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 10 (61)

октябрь, 2021

*Ученый без дарования
подобен тому бедному мулле,
который изрезал и свел
Коран, да так и исполнился
духа Магометова.*
Александр Пушкин

Содержание журнала
18+
старше
18 лет
Содержание журнала

S. Nikas

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вашему вниманию представлен октябрьский номер литературно-исторического журнала «Александръ».

Осенний «Александръ» – это особый номер.

Во-первых, мы отмечаем небольшой юбилей: ровно пять лет назад, в октябре 2016 года, был выпущен первый номер журнала «Александръ», что стало началом долгого интересного пути. Коллектив и редколлегия журнала благодарны всем, кто был рядом с нами и оказывал помощь в издании на протяжении пяти лет – а это 60 номеров с произведениями разнообразной тематики и многих жанров.

Во-вторых, юбилейный для нас 2021 год – это Год науки и технологий. И мы с удовольствием представляем вам творчество современных русских учёных: академиков, докторов наук, – взяв за основу и подтверждая слова Александра Пушкина, написанные на обложке нашего «Александра»: «Учёный без дарования подобен тому бедному мулле, который изрезал и съел Коран, думая исполниться духа Магометова». И уважаемый читатель убедится в том, что наши учёные в первую очередь творческие люди.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЪ»!

Завершается 2021 год, объявленный Годом науки и технологий, это особый период, чтобы оценить состояние научной и общественной мысли в стране, осмыслить и понять развитие нашего общества, которое невозможно без науки.

Учитывая, что журнал является литературно-историческим, прежде всего, хотел бы отметить важность и необходимость совместной работы учёных-историков, литературоведов, особенно сейчас, когда всё чаще приходится сталкиваться с попытками фальсификации истории России, искажения исторической правды. Система духовно-нравственных ценностей должна объединять нас в совместной работе по сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов России.

Ещё одним важным фронтом нашей совместной работы является развитие русского языка, укрепление его позиций в мире. Россия как многонациональное государство призвана сохранять и защищать культурное и языковое многообразие общества, поддерживать пользование родными языками и их изучение. Языковая политика, регулирование процессов использования языков являются частью общегосударственной политики.

В этих условиях всем нам нужно обращаться к лучшему опыту и традициям популяризации национальных языков и российской культуры в нашей стране и за рубежом.

Желаю читателям журнала «Александръ» творческих успехов и достижений в этой работе.

Александр Михайлович СЕРГЕЕВ,
президент Российской академии наук,
академик РАН

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В год науки и технологий, как ни в какой другой, к каждому из нас должно прийти понимание, насколько необходимо поднять престиж российской науки на подобающий ей достойный уровень.

Стоит отметить, что наука впервые возведена в ранг ключевых национальных приоритетов. Для её поддержки и развития был создан отдельный национальный проект «Наука», рассчитанный на 2019–2024 годы. По результатам его реализации Россия должна войти в пятёрку мировых научных лидеров по приоритетным направлениям, уменьшить отток учёных за границу и повысить привлекательность мест работы для иностранных учёных.

В современных условиях, как никогда, существует необходимость пройти исторический путь, подобный тому, каким повёл нашу страну Пётр I, взяв лучшие иностранные технологии и сделав аналогичный отечественный продукт. Данный аспект касается всех научных направлений, и садоводства в частности, ведь здоровое питание является основой здоровой нации. К сожалению, сейчас мы начиная с детского возраста подсаживаем наше подрастающее поколение на импортные продукты, искусственные витамины и содержащую ГМО пищу – а ведь человек должен питаться урожаем той земли, на какой он живёт. И это при том, что, в отличие от Запада, в России самая чистая почва и более качественные сорта, но есть проблема с запуском этого поистине бесценного потенциала в широкое производство.

Популяризация российской науки и её достижений средствами массовой информации и русскими писателями является важной задачей: она способна перевернуть мышление людей, от которых зависит развитие современного общества.

Ирина ДОННИК,
Вице-президент Российской академии наук,
академик РАН

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Год науки и технологий – это год, которого ждало научное сообщество России. Прорыв в технологиях, экономике и достижение социального прогресса возможны только при высокой востребованности науки. Во главе любого процесса должна стоять наука! И именно наука должна говорить, что делать, с чего начинать работать, развиваться.

Можно выделить три первоочередные задачи, которые необходимо решить для того, чтобы исправить катастрофическую ситуацию, связанную с демографией в нашей стране:

1. Обеспечение населения здоровым питанием. Можно провести прямые параллели «питание – здоровьесбережение – демография». У российской науки есть все ресурсы для обеспечения качественными продуктами питания отечественного производства.

2. Развитие российской экономики. В первую очередь избавление от импорта, внедрение современных отечественных технологий, развитие интенсивного садоводства, цифровизация. Но всё это необходимо внедрять с учётом специфики российских территорий.

3. Сохранение кадрового потенциала на всей территории России. Сегодня ситуация катастрофична: пустеет село, падает уровень знаний. Никто не читает художественную литературу, что крайне необходимо. А лучшие люди должны прийти именно в науку, а для этого необходимы серьёзные меры стимулирования и переворот сознания людей.

Укрепление научного потенциала России – это долгосрочная и системная работа. Развитие исследовательской инфраструктуры, создание научных центров, разработка системы поддержки молодых талантов и привлечение к научным проектам отечественных учёных – вот условия для спасения и правильного развития России.

***Николай ДОЛГУШКИН,
главный учёный секретарь Президиума Российской академии наук,
академик РАН***

СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ИСКУССТВ
ЗОЛОТОЙ ПУТЬ

Журнал издан за счёт грантов, выделенных из бюджета Тамбовской области, предоставляемых в целях финансового обеспечения затрат на реализацию лучших социально значимых проектов в средствах массовой информации

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 10 (61), октябрь 2021 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.10.2021 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ФЛАГМАН САДОВОДЧЕСКОЙ НАУКИ

8 Центр садоводства

ПОЭТИЧЕСКИЕ ФРЕСКИ

14 Людмила Царёва-Лебедь.
Акварельная ода

САД СЕРДЦА

17 Императорский Никитский
ботанический сад

19 Юрий Плугатарь.
Жозефина

22 Зинаида Клименко.
Н. А. Гартвис – второй директор
Никитского сада

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

24 Владимир Милосердов.
Судьба русского крестьянства

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

31 Николай Тюрин

ФЕЛЬЕТОН

33 Александр Сёмин.
Один день из жизни кафедралов

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

38 Константин Емельянов

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

40 Анатолий Труба.
Судьба художника

РАЗМЫШЛЕНИЯ

45 Галина Бутко.
Наука сердца

МАЛАЯ РОДИНА

48 Геннадий Беспехотный.
Портреты именитых владельцев
еланских земель

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

54 Наталья Адлер

ВОКРУГ СВЕТА

56 Валерий Ганичев.
В Палестине

ДЕБЮТ В ЖУРНАЛЕ

63 Андрей Шутов

65 Екатерина Юрьева

НАСТАВНИКИ

67 Владимир Ряполов.
Тамбовские корни воронежского
профессора философии

ПОЭЗИЯ

71 Евгений Харитонов

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

74 Вадим Кулинченко.
Потёмкинские деревни

ТРАГИЧЕСКИЙ ЮБИЛЕЙ

79 Любовь Рыжкова.
«Похлёбка классовой борьбы»

СУДЬБЫ

Тамара Ковальчук.

86 На родину деда

88 Мария

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

91 Тамара Андреева.
Презентация журнала «Александръ»
в Севастополе

93 Анжелика Ерогодская.
Мост дружбы

ЦЕНТР САДОВОДСТВА

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Всероссийский селекционно-технологический институт садоводства и питомниководства» организовано в 1930 году на базе Московской областной сельскохозяйственной опытной станции, которая была учреждена 1 июня 1913 года.

- 1960 г. – Научно-исследовательский зональный институт садоводства Нечернозёмной полосы
- 1992 г. – Всероссийский селекционно-технологический институт садоводства и питомниководства
- 1999 г. – Государственное научное учреждение Всероссийский селекционно-технологический институт садоводства и питомниководства (ГНУ ВСТИСП Россельхозакадемии)
- 2004 г. – присоединение ГУ НПП «Садмаш»
- 2005 г. – присоединение ГУ ОС «Центральная» ВСТИСП
- 2007 г. – присоединение Московской опытной станции растениеводства
- 2013 г. – организация на базе ВСТИСП Селекцентра по Центральному региону Российской Федерации
- 2014 г. – Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Всероссийский селекционно-технологический институт садоводства и питомниководства» (ФГБНУ ВСТИСП) Федерального агентства научных организаций (ФАНО России)

ФГБНУ ВСТИСП – многопрофильное научное учреждение, целью которого является проведение фундаментальных, поисковых и прикладных научных исследований в области биотехнологии, физиологии, вирусологии, сохранения биоразнообразия, фитопатологии и энтомологии, генетики и селекции, питомниководства, агротехники и механизации садоводства, направленных на решение важнейших проблем и задач развития отрасли растениеводства; создание научно-технической продукции по заказу государственных органов, предприятий различных форм собственности

и помощь по её освоению; оказание юридическим и физическим лицам научно-технических, консультационных услуг, связанных с основной деятельностью института.

ОПЫТНО-НАУЧНАЯ БАЗА (ПЛОЩАДКА) ИНСТИТУТА ОРЕНБУРГСКАЯ ОПЫТНАЯ СТАНЦИЯ САДОВОДСТВА И ВИНОГРАДАРСТВА (Г. ОРЕНБУРГ)

Институт является обладателем более 600 патентов и свидетельств на изобретения, селекционные достижения, полезные модели и базы данных.

За 30-летний период выпущен посадочный материал и заложены сады семечковых культур – на площади более 8 тыс. га, косточковых – 6 тыс. га, ягодных кустарников – 22 тыс. га. Ежегодная закладка маточников и плодоносящих плантаций земляники материалом ВСТИСП составляет от 40 до 100 га.

Институт является координатором научных исследований в области садоводства России по следующим направлениям: создание на базе новых гендоноров и источников ценных признаков сортов садовых культур и винограда, соответствующих мировым стандартам; усовершенствование и создание экономически обоснованных технологий оздоровления и размножения растений, обеспечивающих высокое качество посадочного материала садовых культур и винограда; разработка высокоточных зональных, низкзатратных, экологически безопасных технологий возделывания, хранения, переработки и доведения до потребителя высококачественной продукции садоводства и виноградарства. ВСТИСП – учредитель периодических изданий «Садоводство и виноградарство» (выпускается с 1838 г.), «Плодоводство и ягодоводство России» (выпускается с 1969 г.), входящих в Перечень ВАК РФ, базу РИНЦ. Журнал «Садоводство и виноградарство» размещен в международных базах AGRIS, RSCI, CABI.

ВСТИСП разработано и создано:	всего	за последние 6 лет	в том числе	
			за 2016 г.	за 2017 г.
методов и методик	148	12	1	2
технологий, технологических регламентов и рекомендаций	327	24	4	3
ГОСТов и ТУ	35	—	—	—
сортов и доноров	353	51	9	7
конструкторских документаций и опытных образцов техники	183	5	1	1
Опубликовано:		54	12	6
- монографий, книг и глав в монографиях				
- научных статей,		1427	237	257
в том числе в изданиях из перечня ВАК РФ,		617	103	123
в зарубежной печати		155	30	19

ГЕНЕТИКА И СЕЛЕКЦИЯ

Исследования по селекции садовых растений в институте ведутся с 30-х годов XX века по направлениям: частная генетика растений; выявление закономерностей наследования отдельных признаков у культурных растений; определение генетического потенциала садовых растений; создание доноров ценных признаков на моно- и полигенной основе; создание ценных генотипов при помощи отдалённой и внутривидовой гибридизации, насыщающих скрещиваний, мутагенеза, биотехнологических приёмов; создание новых адаптивных, высокоурожайных сортов садовых культур с плодами высокого качества, удовлетворяющих современным требованиям ведения интенсивного садоводства; расширение культигенного ареала садовых культур путём создания и внедрения зимостойких сортов.

Основные селекционные достижения в создании сортов плодовых и ягодных культур связаны с именами известных учёных-селекционеров: д. б. н., заслуженного деятеля науки А. В. Петрова; В. А. Ефимова, к. с.-х. н. М. Н. Симоновой; к. с.-х. н. Н. К. Смольяниновой; д. б. н. Х. К. Еникеева – лауреатов Государственной премии; С. Н. Сатаровой; д. б. н. А. С. Равкина; к. б. н. Т. С. Кантор; к. с.-х. н. Т. П. Филосовой; В. М. Литвиновой; д. с.-х. н. И. В. Поповой; к. с.-х. н. Ю. А. Петрова; д. б. н. В. В. Кичины; Л. Ф. Тулиновой; к. с.-х. н. Н. В. Ефимовой; к. с.-х. н. А. И. Евстратова; к. с.-х. н. А. М. Михеева; к. с.-х. н. В. С. Симонова; к. с.-х. н. Н. Г. Морозовой; к. с.-х. н. А. А. Высоцкого; д. с.-х. н., академика РАСХН И. В. Казакова; д. с.-х. н. С. Д. Айтжановой; д. с.-х. н. С. Н. Евдокименко; д. с.-х. н. Ф. Ф. Сазонова и др., которые принесли институту широкую известность.

ФГБНУ ВСТИСП является основоположником создания сортов яблони колонновидного типа, сочетающих компактность (ген *Co*), иммунитет к парше (гены *Vf*, *Vm*) с высокой зимостойкостью, продуктивностью и качеством плодов (Останкино, Президент, Валюта, Червонец, Триумф, Медок и др.); малины ремонтантного типа, отличающейся экологической

адаптивностью, крупноплодностью (до 8–12 г), высокой урожайностью (до 20–25 т/га) (Атлант, Абрикосовая, Брянское диво, Геракл, Евразия, Жар-птица, Оранжевое чудо, Пингвин, Рубиновое ожерелье и др.), и малины, пригодной к механизированной уборке урожая (Бальзам, Спутница, Бригантина); вилтоустойчивой земляники садовой (Троицкая, Боровицкая, Коррадо и др.); бесшипного и сферотекоустойчивого крыжовника (Смена, Битцевский, Грушенька, Снежана и др.), а также зимостойких и продуктивных сортов груши (Банановая, Велеса, Видная, Ровесница и др.), вишни (Ассоль, Булатниковская, Сильва и др.), черешни (Синявская, Фатеж), сливы (Утро, Синий дар, Яхонтовая и др.), крупноплодных сортов смородины чёрной (Вера, Вологда, Гамаюн и др.) и красной (Серпантин, Натали), обладающих высокой адаптивностью.

Направления научных исследований, заложенные авторитетными учёными в области селекции и генетики во ФГБНУ ВСТИСП, получили развитие в селекционных школах А. В. Петрова и Н. В. Ефимовой – по созданию высокзимостойких и высокопродуктивных сортов яблони и груши; Х. К. Еникеева – по созданию зимостойких, высокопродуктивных сортов сливы, вишни и черешни; Н. К. Смольяниновой и В. М. Литвиновой – по селекции высокопродуктивных сортов смородины чёрной и красной; И. В. Поповой – по селекции бесшипных, сферотекоустойчивых сортов крыжовника и вилтоустойчивых, высокопродуктивных сортов земляники садовой; В. В. Кичины – по селекции колонновидной яблони и крупноплодной штамбовой малины; И. В. Казакова – по селекции ягодных культур, в том числе экологически устойчивой высокопродуктивной малины ремонтантного типа.

В настоящее время гибридный фонд плодовых и ягодных культур составляет свыше 30 тыс. сеянцев и ежегодно пополняется. Комплексные исследования по его изучению ведутся в сотрудничестве с физиологами, биохимиками, защитниками растений и другими специалистами института и профильных учреждений.

Приоритетными направлениями селекционных программ являются: создание зимостойких, высокоустойчивых к абиотическим и биотическим факторам сортов, обладающих компактностью габитуса, самоплодностью, пригодностью к механизированной уборке урожая, а также высокими вкусовыми качествами плодов.

С 2010 года выделено около 90 источников для селекции. В целях расширения ареала распространения плодовых культурных растений выделены 8 сортов ягодных культур для условий Северо-Западного региона России и внедрения в практическое садоводство. С использованием метода массового отбора созданы 137 селекционных образцов озимой и яровой пшеницы, ячменя, тритикале и спельты, устойчивых к энзимо-микозному истощению семян (ЭМИС). Выделено 200 гибридов и линий скороспелых, высокопродуктивных, не поражающихся болезнями томатов. Получено 50 селекционных образцов столовых корнеплодов, устойчивых к абиотическим и биотическим факторам среды.

С этого времени получены 38 патентов на сорта смородины черной (Вера, Исток, Бармалей, Брянский агат, Гамаюн, Миф, Стрелец, Чародей), земляники садовой (Берегиня, Любава), крыжовника (Матвеевский), малины (Атлант), яблони (Червонец, Триумф, Малюха), вишни обыкновенной (Сильва), черешни (Синявская), сливы (Тулица, Величавая, Алексей), актинидии коломикта (Надежда, Памяти Колбасиной, Услада, Чемпион, Элла, Солнечный, Дачная), актинидии полигама (Красна девица), лимонника китайского (Дебют), сафлора красильного (Краса Ступинская), капусты цветной (МОВИР 2009, Отечественная-2, Московская ультра), капусты краснокочанной (Михневская красавица), капусты белокочанной (Татьяна), чеснока (Лидия), томатов (Заря Подмосковья, Лавина), пастернака (Атлант), петрушки (Альбина), дайкона (Осенний красавец), редиса (Михневский), базилика овощного (Жемчужина Подмосковья), груши (Летняя забава, Брянский сувенир). Большинство этих сортов включено в Государственный реестр селекционных достижений, допущенных к использованию. Они составляют основу сортимента для Центрального и других регионов России.

РЕГИОНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СЕЛЕКЦИОННЫХ ДОСТИЖЕНИЙ ВГБНУ ВСТИСП

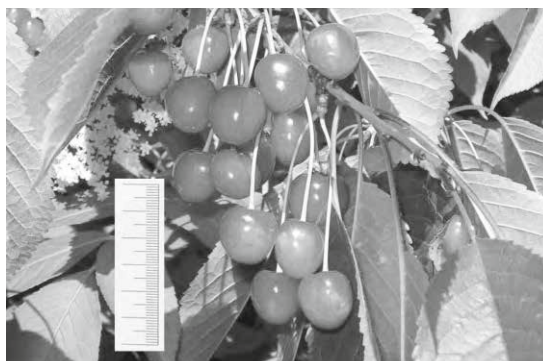
В период с 1930 по 2017 год в ФГБНУ ВСТИСП создано более 300 сортов плодовых, ягодных, овощных и других культур. В Государственном реестре селекционных достижений, допущенных к использованию, институтом, как патентообладателем и оригинатором, поддерживается более 250 сортов, в т. ч. 34 – семечковых, 40 – косточковых, 103 – ягодных, 71 – декоративных, 9 – овощных, 1 – масличных культур.

Культура / Сорт (код региона допуска по Госреестру*)
Яблоня / Антоновка обыкновенная (2,3,4,5,7,9,11), Аркадик (3), Брусничное (3), Валюта (3), Гордеевское (3), Диалог (3), Легенда (3), Лобо (5), Лукомор (3), Марат Бусурин (3), Маяк Загорья (3), Малюха (3), Мانتет (2,3,4,5,6,7,8,10,11), Мелба (2,3,4,5,6,7,8,10,11), Налив белый (2), Налив розовый (4), Останкино (3), Подарок Графскому (3), Президент (3), Спартан (3, 5), Триумф (3), Уэлси (2, 3, 5, 6, 8, 11), Червонец (3).
Груша / Банановая (3), Брянская красавица (3), Велеса (3), Верная (3), Видная (3), Детская (3), Дюймовочка (3), Нарядная Ефимова (3,7), Петровская (3), Ровесница (3), Юрьевская (3).
Вишня обыкновенная / Ассоль (3), Багряная (3), Брюнетка (3), Булатниковская (3), Владимирская (2, 3, 4, 5, 7), Волочаевка (3), Гриотмосковский (3), Любская (2, 3, 5, 6, 7, 8), Малиновка (3, 7, 9), Молодёжная (3), Память Еникеева (3), Расторгуевская (3), Русинка (3), Сания (3), Сильва (3), Черешнёвая (3), Шубинка (2, 3, 4).
Клоновые подвоикосточковых культур / ВЦ-8, Измайловский, Московия, Фундаментальная (по всем регионам РФ).
Слива домашняя / Алексей (3), Венгерка московская (3), Занятная (3), Кантемировка (3), Память Тимирязева (3), Синий дар (3), Скороспелка красная (2, 3, 5, 7), Смолинка (3), Сухановская (3), Утро (3), Фиолетовая (3), Яичная синяя (3), Яхонтовая (3).
Слива китайская / Красный шар (3), Скороплодная (3, 5, 12).
Черешня / Подарок Рязани (3), Синявская (3), Фатеж (3), Чермашная (3).
Актинидия коломикта / Надежда, Памяти Колбасиной, Услава, Чемпион, Элла (по всем регионам РФ). Актинидия аргута / Дачная, Солнечный (3, 4, 5, 6, 7, 8, 12) Актинидия полигама / Красна Девница, Добрый Молодец (3, 4, 5, 6, 7, 8, 12).
Крыжовник / Защитник (3), Колобок (3, 4, 5, 11), Родник (3), Розовый – 2 (3, 11), Северный капитан (2), Смена (1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 12), Снежана (3).
Лимонник китайский / Дебют (по всем регионам РФ).
Смородина белая / Белая фея (3), Смольяниновская (3, 4).

Смородина красная / Голландская красная (1, 2, 3, 4, 7, 8, 10, 11), Задунайская (2, 3), Йонкер ван Тетс (2, 4, 5), Константиновская (3), Красный крест (3, 4, 7, 8, 9, 10, 12), Натали (2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11), Рачновская (2, 7), Серпантин (3).
Смородина черная / Бармалей (3), Бирюлёвская (2), Брянский агат (3), Валовая (4,9,10), Вера (3), Верность (3,10), Вологда (2,3,4,7,9,12), Гамаюн (3), Дубровская (3, 4), Душистая (3), Загадка (3,4,6), Измайловская (2,3), Миф (3), Московская (2,3,4), Оджебин (1,2,3,4,7,9), Памяти Равкина (3), Стрелец (3), Чародей(3,9).
Земляника / Альфа (3), Берегиня (3), Боровицкая (4, 12), Витязь (2, 3, 7), Деснянка кокинская (4, 10), Зенга Зенгана (2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9), Зенит (3, 4, 7), Золушка (2, 3, 4, 5, 6, 10), Калинка (2, 4), Кокинская ранняя (2, 3), Коррадо (3, 12), Красавица Загорья (2, 3, 6, 7, 8, 9, 10), Кубата (3), Любава, Найдёна добрая (4), Ред Гонтлет (2, 3, 4), Росинка (3), Русич (3, 7), Руслан (2, 3, 4, 10), Славутич (3, 7), Сударушка (2, 3, 4, 7), Торос (12), Троицкая (2, 3), Царица (3), Эстафета (3, 4).
Земклуника Купчиха (по всем регионам РФ).
Малина / Абрикосовая (3), Августина, Атлант (по всем регионам РФ), Бабье лето (2,3,6), Бабье лето-2 (3), Бальзам (2,3,4,5,6,7,10,11), Беглянка (3), Бригантина (5, 11), Бриллиантовая (3), Брянская (3,4,70), Брянское диво (по всем регионам РФ), Вольница (2, 3), Геракл (3), Гусар (2,3,4,6,7), Евразия, Жар-Птица (по всем регионам РФ) Жёлтый гигант (2), Журавлик (4,6,7), Золотая осень (по всем регионам РФ), Золотые купола (3), Каскад Брянский (3), Киржач (2,3,4,6), Коралловая (2), Красный дождь (3), Лазаревская (3), Малаховка (3), Метеор (1,2,3,4,5,7), Новость Кузьмина (1,2,3,4,5,6,7,8,9), Оранжевое чудо (по всем регионам РФ), Пересвет (3, 4), Пингвин, Подарок Кашину, Поклон Казакову (по всем регионам РФ), Рубин (2,6), Рубин Брянский (2,4), Рубиновое ожерелье (по всем регионам РФ), Скротница (2,3,4,5,6,7,10), Советская (8), Солнышко (3,4,6), Сполах (4,9), Спутница (2,3,6), Элегантная (3), Янтарная (по всем регионам РФ).
Декоративные культуры – свыше 70 сортов (сирень, флокс метельчатый, пион, ирис, жимолость татарская) (по всем регионам РФ).
Капуста / Татьяна (2, 4, 5, 8, 9, 11), Михневская красавица, МОВИР 2009, Московская ультра, Отечественная 2 (по всем регионам РФ). Базилик / Жемчужина Подмосковья (по всем регионам РФ). Чеснок / Лидия (по всем регионам РФ). Томат / Заря Подмосковья, Лавина (по всем регионам РФ). Петрушка / Альбина (по всем регионам РФ). Пастернак / Атлант (по всем регионам РФ), Редис Михневский-1 (по всем регионам РФ), Дайкон Осенний красавец (3).
Сафлор красильный / Краса Ступинская (по всем регионам РФ).
* Северный – 1, Северо-Западный – 2, Центральный – 3, Волго-Вятский – 4, Центрально-Чернозёмный – 5, Северо-Кавказский – 6, Средневолжский – 7, Нижневолжский – 8, Уральский – 9, Западно-Сибирский – 10, Восточно-Сибирский – 11, Дальневосточный – 12. Синим цветом выделены интродуцированные культуры и сорта.

Акварельная ода

Людмила ЦАРЁВА-ЛЕБЕДЬ

АКВАРЕЛЬНАЯ ОДА

В янтарных локонах толпятся тополя,
Их отражения сгустились в зыбких водах,
В осенней дремоте плывут поля,
Всё утонуло в акварельных нотах.

О мир, бездонный акварельный мир,
В нём всё прозрачно, призрачно, лучисто!
Как будто свежих, мягких красок пир,
Всё мелодично, нежно, бархатисто!

Рука легко рисует этот мир
И эти бесконечные размывы,
Как утончённый красотой факир
Устроил фейерверк цветочных переливов.

РУМЯНЕЦ ОСЕНИ

А осень ослепляла всех вокруг
Ошеломляющим щемящим светом,
И удивительный небесный круг
Хранил тепло, накопленное летом.

И, прикрывая летнюю жару
Оранжево-жёлтым покрывалом,
Царица-осень шла по сентябрю
С прекрасным солнечным румянцем и загаром.

А небо расплескалось синевой,
Купаясь в солнечных дождинках света,
И осень тихо рыжею лисой
Шла медленно, грустила чуть о лете.

ПЬЮ СОЛНЦЕ

Пью солнце, пью небо и пью синеву
Реки сарафанной в осеннем квартале
И слушаю их разговор и молву,
Берёзовый звон в позолоченной раме.
Щемит моё сердце от броской красы,
От всплеска сентябрьской ликующей пляски,
От лёгкого взлёта осенней листвы,
Мелодии, дерзко взметнувшей все краски.

* * *

Оторванным листом вниз по реке,
Как по судьбе, гонимой ветром,
От стужи убежать, пробиться к полынье,
На лёд дрожащий, вымеренный метром,

Жить только в сумерках иль при свече,
Не угасающей до самого рассвета,
Не слышать шорохов и никаких речей,
Лишь шла б строка, как звёздной ночи мета,

Шагнуть по тонкому и зыбкому лучу,
В согласии быть с Медведицею мудрой,
А чтоб измерить тишину – я закричу,
Но город спит, прикрытый снежной пудрой...

В ОБРУЧЕ ЗВЁЗД СЛЕЗА

В обруче звёзд слеза –
Осени поздней кладь,
Смотрит во все глаза,
Бьётся за каждую пядь.

Словно иду во тьме,
Время как будто вспясть.
Голых берёзок рать
Что-то кричит во сне.

ГЛАЗА ПРОПИТАНЫ ЗИМОЙ

Глаза пропитаны зимой,
Нет места цвету и свеченью,
По тропке с ёлочной каймой
Седой декабрь крадётся тенью.
Дни скрючены до немоты,
И в полусне маячат тени.
Луна упала с высоты
И примостилась на колени.

ЗАШТОРЕНО МОЁ ОКНО

Зашторено моё окно,
Лишь лунный луч в него пускаю,
Когда луна в своё седло
Садится, тишину лаская...
Я в струйках звёздного дождя
Ловлю снежинок лёгкий ворох,
В объятьях снежного воя
Внимаю нежный лунный шорох...
В морозных пальцах седины
Застыли ручейки и речки,
Кружатся первые колечки –
Позёмки белые хвосты...
Ноябрь как будто бы во сне,
И всё уже во власти снежной.
И гордый лик зимы мятежной
Застыл в узорчатом окне.

СТРАЖ В ДОЩАТОЙ НАКИДКЕ

Листья влетают в просвет
Старой глазницы дома,
Он тут стоит столько лет
Без звука и без поклона.
И сиротливо тропа
Вьётся без края, без края...
Здесь немота – пустота
Беззвучной зевотой пугает.
Как бутафорский марш –
Лестница у калитки,
Жалкий насупленный страж –
Домик в дощатой накидке.
Здесь собеседник – земля,
Ночь и луна над крышей,
Дремлют леса и поля –
Звёздную ночь не слышат...

ТАЕТ МОЯ СВЕЧА

Тает моя свеча,
Клонит к закату день,
Шторой из кумача
Я опускаюсь в тень,
В длинную, как недуг,
В тонкий серебристый луч,
В коконе синих туч
Я опускаюсь с круч.
Тонкий пунктир свечи
Вспыхнул и вдруг затих,
Чёрные, как грачи,
Сны спеленали мой стих.

ЛЬЁТСЯ СЕДАЯ ПРЯДЬ

Льётся седая прядь
В сумерках быстротечных,
Осени гордая стать,
Знаю, увы, не вечна.

Снег припорошил мосты,
Реки и все зеркала,
Кутает осень холсты
В белое покрывало...

* * *

Неслышно как-то падал снег,
Так нежно, будто извиняясь,
Ветвей и трав слегка касаясь,
Не прекращал неспешный бег.

И в невесомой тишине
В своём торжественном убранстве
И молчаливом реверансе
Октябрь кружил своё шене...

МЕЛАНХОЛИЯ

Леденящая скорбь охладила все чувства
И ссутулила вечер, в котором так пусто.
Вечер снежный, а в нём одиноко, безлико,
Ночь – огромная птица, смотрящая дико.
Я в бездонный колодец смотрю неотрывно,
В нём ничто не колеблется – тьма непрерывна.
Лишь немая луна проплывает бесшумно
И фонарь у подъезда мигает бездумно.
А сугробы рисуют хрустящие соты,
Звёзды в небе холодном как забытые ноты!

БЕЛОКРЫЛАЯ ЛЕБЕДИЦА

Белокрылая лебедица,
Величава и холодна,
Заплетаешь метели в косицы,
Твоя речка сейчас изо льда.
И по ней ты пускаешь позёмки
И сметаешь сугробы в столпы,
И скользят по речушке девчонки,
Сереблятся на ножках коньки.
А морозец, как друг наречённый,
Угождает своей госпоже,
Своей тросточкой утончённой
Он творит, будто сам Фаберже.

ЛЕДЯНАЯ ЗАВОДЬ

В огромной заводи
Спит ночная звезда,
Как творение Гауди
Водный мир изо льда.
Во дворце есть пуховая
Колыбелька для сна,
И звезда непутёвая
Ждёт, когда к нам весна,
Что вдохнёт своё солнышко
В рукава холодов
И растопит тихонечко
Звёздный дом изо льдов.

МАРТ

Свёрнутый лист судьбы,
Грустный скользящий взгляд,
Но почему-то сны...
Черпают дни назад.
В ту круговерть Весны,
В запах счастливых гроз,
Вглубь самых нежных грёз
Где-то в кудрях сосны...
Снова, как та Весна,
Пусть на мгновение рай,
Пусть в зазеркальный край
Выйду я с полусна...
Сброшу я ком беды,
Скопище талых грёз,
Встану и побегу...
Ветер куда-то унёс
Годы, и та же прыть
Будто, как той Весной,
Где не устало лить
Солнце медовый рой...
Но убегает вдаль,
Прячется за горой
Юности лёгкий слой
За легкокрылой Весной...

Императорский Никитский ботанический сад

Зарождение, история, расцвет и слава Никитского сада напрямую связаны с царской фамилией. Высочайшие особы неизменно интересовались его судьбой и оказывали своё покровительство.

10 июня 1811 года по ходатайству херсонского военного губернатора Армана-Эммануэля Ришелье был подписан царский указ о создании в Крыму (недалеко от Ялты) казённого ботанического сада, известного впоследствии как Никитский ботанический сад.

20 сентября 1812 года (4 октября по новому стилю) были сделаны первые посадки, и эта дата считается официальной датой основания Никитского ботанического сада.

В мае 1818 года император Александр I, подписавший семь лет назад указ об основании Никитского сада, посетил его и остался дово-

лен проделанной здесь работой настолько, что разрешил саду именоваться императорским.

Так Никитский ботанический сад стал первым императорским ботаническим садом в Российской империи. Столичный ботанический сад (на тот момент Аптекарский огород, а ныне Ботанический сад Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН) получил этот титул лишь спустя пять лет, в марте 1823 года.

Сад любили посещать высочайшие особы. В 1817 году здесь побывали великие князья Николай Павлович и Михаил Павлович. Прохаживались по саду и императоры: в 1837 году сюда приезжал император Николай I с супругой, а 26 апреля 1855 года церковь Преображения Господня в Никитском ботаническом саду посетил император Александр III с

18-летним цесаревичем, будущим императором Николаем II.

Любимыми цветами императрицы Марии Фёдоровны, супруги Александра III, были розы. Она повсюду окружала себя цветами, в которых особенно ценила ароматы. Неизменно радовало её благоухание роз, а любимыми духами были White Rose. В саду императрицы в Ливадии росли прекрасные розы, в том числе и чайно-гибридный сорт La France, созданный во Франции в 1867 году. Эта роза нежно-розовой окраски и сегодня растёт в Никитском саду и восхищает своим замечательным невероятно

сильным ароматом. И хотя по своим качествам она давно уже уступает потомкам, тем не менее она – первая чайно-гибридная роза, с которой началась эпоха современных садовых роз.

Сад активно снабжал царские имения своими саженцами. Массандровский дворец Александра III, а также Массандровский парк славились своими аллеями из роз. Розы поставлялись сюда вторым директором Никитского ботанического сада Николаем Гартвисом. Первая отправка растений в Массандру – 186 кустов роз – состоялась отсюда в 1834 году. В следующей партии (1836 г.) во дворец были отправлены 75 саженцев роз одиннадцати сортов.

С 2015 года в Никитском ботаническом саду традиционно проходят исторические балы, посвящённые открытию ежегодной выставки роз «Розовый вальс». Необыкновенно модные в конце XIX – начале XX века романтические розы, которые так любила царская семья, по-прежнему активно представлены в экспозиции Никитского сада и всё так же пленяют и волнуют и публику, и селекционеров.

С 2015 года на летней эстраде проходят концерты «Сад сердца» (от названия дневников императрицы Александры Фёдоровны).

1812 год, сентябрь, пожар в Москве, Бородинская битва... И в эти отчаянные для России дни в Никитском ботаническом саду в Крыму высаживают первые деревья и первые розы... Как объяснить этот парадокс? Рассказывает директор НБС-ННЦ, чл.-корр. РАН Юрий Плугатарь:

– Всё-таки история мира – это во многом биографии великих людей. И наш император Александр I, вероятно, думал о том, что смело смотреть в будущее может лишь государство, развивающее науку. На самом деле всё в жизни переплетается самым удивительным образом: война и мир, ненависть и любовь... Но даже он вряд ли мог предположить в те сентябрьские дни, что уже через полтора года будет вести светские беседы в замке Мальмезон в Париже не с кем-нибудь, а с самой Жозефиной Богарне, первой женой Наполеона Бонапарта.

? – Какой неожиданный и интересный поворот! Почему именно там?

– Именно в Мальмезоне расположен один из самых старых садов, существующих по сей день. К 1814 году, когда там побывал наш император, в саду произрастало 250 сортов роз. Впрочем, последние исследования специалистов доказывают, что коллекция Мальмезона насчитывала более 600 различных сортов роз!

ЖОЗЕФИНА

А основала всё это великолетие именно Жозефина Богарне. Впрочем, Жозефиной прозвал её Бонапарт, родители звали дочь Розой, и, как видим, домашнее имя этой поразительной женщины оказалось очень символичным.

? – Эти факты впечатляют!

– Конечно! Жозефина страстно увлекалась ботаникой, а её розы вдохновили выдающегося бельгийского художника Пьера-Жозефа Редуте на создание целой серии их «портретов». Эти 186 рисунков, вошедших в его знаменитый труд

Юрий Владимирович ПЛУГАТАРЬ

Директор Никитского ботанического сада с марта 2014 года, член-корреспондент Российской академии наук, доктор сельскохозяйственных наук, заслуженный работник науки и техники Республики Крым, начальник отдела аппарата Президиума РАН по взаимодействию с научными организациями Республики Крым и города федерального значения Севастополя

«Розы», и сегодня воспринимаются как подлинный шедевр ботанической иллюстрации...

Именно в Мальмезоне завершились отношения Наполеона и Жозефины, он отдал ей дворец после развода, причиной которого стала её неспособность иметь детей. Кто-то впал бы в отчаяние, но только не Жозефина, которая сотворила здесь настоящий рай. Легенды зачастую молчат о том, что Богарне отнюдь не была обычной восторженной любительницей цветов. Она не просто коллекционировала их, её увлечение основывалось на глубоких знаниях, и Жозефина мечтала создать подобие сельскохозяйственной академии, где разводились бы редкие культуры на радость французам.

Наполеон всегда помнил об этом умиротворённом уголке, где он мог отдохнуть и расслабиться. Удивительно, но ведь именно сюда, к бывшей жене, он приехал после разгрома Ватерлоо и провёл здесь четыре дня, прежде чем отправиться на остров Святой Елены. И уже там, перед самой своей смертью, Наполеон прошептал: «Армия. Франция. Жозефина...» Думаю, и императору Александру I было крайне любопытно побывать в её имении, ведь слухи о роскошном розарии Мальмезона будили воображение, все мечтали взглянуть на этот волшебный уголок.

❓ – Как же оказался царь-победитель, разбивший Наполеона, в гостях у его бывшей супруги?

– Он встретился с ней в Мальмезоне весной 1814 года. Одна из их совместных прогулок в саду закончилась для Жозефины воспалением лёгких и смертью. Её розы осиротели... Однако память о розарии жива в именах цветов, названных в её честь, – «Лапажери» и «Воспоминания о Мальмезоне». Конечно, мы тоже не могли обойти вниманием эту королеву роз. На одном из наших интродукционных участков у нас растёт роза «Жозефина де Богарне», которая, несомненно, станет украшением нового розария Никитского ботанического сада. Выведена она носителем одного из самых прославленных имён в селекции роз – Жан-Батистом Андре Гийо – во Франции в 1865 году. Вот таким необычным образом в Никитском саду, появившемся благодаря Александру I, отныне

прочно займёт своё место его долгожданная прекрасная гостья – Жозефина, пусть и в облике розы.

❓ – Какая романтическая история! Невольно задумаешься о том, что у каждой розы – своя судьба, а может быть, и характер, как у человека... Вот Ваша кипучая натура, к примеру, никому покоя не даёт! Ещё пару лет назад совершенно невероятной казалась поставленная Вами перед коллективом задача открытия парка «Монтедор», который пережил почти 30-летнее забвение и был закрыт для публики. Сегодня этот прекрасный отреставрированный парк стал неотъемлемой частью Южного берега Крыма. Но Вы опять словно доказываете всему свету: мечты нужны для того, чтобы сбываться! Но так ли уж был необходим Никитскому саду новый розарий? Разве и без него не прекрасна коллекция роз сада? Она – одна из богатейших в России, что же не устраивало Вас? Как пришла идея разработки ещё одной площадки?

– Все знают, какой шикарный был в Никитском саду розарий. Однако тот участок получил другое предназначение, и мы подобрали новый. Когда в НБС на одну из конференций съехались блестящие представители ландшафтной архитектуры из многих стран мира, мы показали им потенциальную будущую площадку под розы, находящуюся в самом центре сада, граничащую с заповедником «Мыс Мартыан». Все были от неё в восторге: это действительно прекрасное место, да и площадь немаленькая – около трёх гектаров. Мы задумали представить розы во всей их красе – шикарно, броско. Решили использовать при этом вертикальное озеленение, чтобы всё заиграло красками, оттенками, запахами. Чтобы этот благоухающий аромат поднимался дальше, к верхним паркам. Мы задумали показать в новом саду всю непростую, полную романтики и тайн историю селекционных работ по этой культуре в родном Отечестве и в мире. Ещё

ПО ХОДАТАЙСТВУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ АРМАНА ЭММАНЮЭЛЯ ДЕ РИШЕЛЬЕ И ИЗВЕСТНОГО РУССКОГО УЧЁНОГО-НАТУРАЛИСТА М. БИБЕРШТЕЙНА 10 ИЮНЯ 1811 ГОДА ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I ПОДПИСАЛ УКАЗ О ЗАКЛАДКЕ КАЗЁННОГО САДА НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ ТАВРИДЫ, В ОКРЕСТНОСТЯХ ДЕРЕВНИ НИКИТА.

одна цель – расширить уже имеющийся в коллекции НБС генофонд для дальнейших исследований. В новом экспозиционно-коллекционном розарии будет высажено более 15 тысяч кустов роз из разных садовых групп. По сути, новый розарий – это генетический банк ценных видов, форм и сортов роз для интродукционных и селекционно-генетических исследований по созданию высокодекоративных, обладающих хозяйственно ценными качествами, устойчивых к заболеваниям отечественных сортов садовых роз для условий юга России.

? – Новый розарий свяжет Нижний и Верхний парки в один уникальный комплекс, словно медальон-талисман. На всё это понадобилось немалое время и колоссальный труд... Как всё же удалось осуществить задуманное?

– Я бы добавил: нам понадобились не только время и труд, но и немалые деньги. Сам по себе неровный участок площадью в три гектара в чудесный розарий не превратится, нет у нас ни тыквы, ни феи с волшебной палочкой... Мы ладили террасы, перекрывали плитами водотоки, осуществляли очень серьёзные подготовительные работы. Они были бы невозможны без гранта Российского научного фонда, полученного под создание нового розария. Всё это вдохнуло в сад новую жизнь, а сами учёные словно обрели второе дыхание, почувствовали силу для настоящих научных прорывов, ставят перед собой самые амбициозные цели. У розоводов, к примеру, одна из них – создать сорта вечнозелёных плетистых роз, да ещё с практически постоянным цветением. А сорта для

открытого грунта, цветущие более двухсот дней в году, уже созданы, существуют! Они к тому же ещё и холодостойкие, в условиях субтропиков обходятся без дополнительного укрытия.

? – Сразу захотелось в своём небольшом саду посадить такие. А если бы они ещё и ароматными были...

– Именно! Экспозиция «Сад ароматов» займёт в новом розарии особое место. Изучив около двух тысяч сортов, наши учёные отобрали около ста из них с наиболее интенсивным ароматом. Поясню для чего. Дело даже не в том, что розы имеют примерно 24 типа ароматов и могут дразнить нас запахом не только собственно розы, но и фиалки, яблока, подснежника,

лимона, груши, апельсина, да ещё и с разнообразными оттенками. Это, конечно, само по себе сказочно, но ещё и целебно! Учёными доказано: чтобы снять сердечные приступы и спазмы, не обязательно закладывать под язык таблетку – достаточно вдыхать определённые ароматы роз. Вот почему розоводы Никитского сада в течение последнего времени активно работали над таким подбором состава розария, чтобы, проведя в нём даже полчаса, посетитель мог избавиться от некоторых своих недугов. Данное направление ещё предстоит изучать, и очень активно: оно актуально и перспективно для крымских санаториев и пансионатов.

❓ – Неужели розы начнут конкурировать своими целебными свойствами, к примеру, с эфиромасличными травами?

– Полезны те и другие. У нас это будут не соперники, а союзники: эфиромасличные сорта роз по задумке соседствуют с пряными и ароматными травами Крыма. Так что наш розарий – это ещё и экспериментальная площадка для дальнейших исследований физиологами благоприятного и оздоравливающего влияния запахов на человека. Он поистине уникален, ничего подобного нашему будущему Саду розы нет, это воплощение заветной мечты наших цветоводов и ландшафтных дизайнеров, всех других специалистов, которые работают одной командой. Думаю, не за горами то время, когда мы представим здесь около двух тысяч сортов роз и более двадцати тысяч растений.

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ ГАРТВИС – ВТОРОЙ ДИРЕКТОР НИКИТСКОГО САДА

Родился в Латвии в 1793 году и был десятым ребёнком в семье.

Учился в Дерптском университете на экономическом отделении, но не окончил его, уйдя в 1812 году на военную службу за 2 года и 2 месяца до окончания учёбы. Принимал участие в походе против французских войск, был награждён орденом Св. Анны и получил чин подпоручика.

Был назначен на должность помощника директора и смотрителя Никитского ботсада

в 1824 году благодаря протекции генерал-губернатора Новороссийского края М. С. Воронцова. В 1827 году принял директорство из рук Х. Х. Стевена.

Приобрёл имение в Артеке, где заложил парк в ландшафтном стиле из редких древесных растений, виноградник и плодовый сад. Дубликат каждого привезённого в Никитский сад растения высаживал в парке возле своего дома, чтобы гарантировать большую сохранность с трудом доставляемых в Крым экземпляров. В своём имении делал вина столь высо-

Зинаида КЛИМЕНКО

Доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники АР Крым, главный научный сотрудник лаборатории цветоводства, работает в НБС-ННЦ с 1956 года

Член учёного совета и диссертационного совета НБС-ННЦ. Заведующая созданной на базе Никитского ботанического сада кафедрой садово-паркового и ландшафтного искусства Уральского государственного аграрного университета.

Выведенному ею сорту «Коралловый Сюрприз» на Международной выставке садоводства в г. Эрфурте (ГДР) в 1986 году присуждена Большая золотая медаль, а сорт «Пёстрая Фантазия» награждён первым призом на ежегодном Княжеском садовом фестивале ландсграфа Мориса Гессенского (Франкфурт-на-Майне, ФРГ) в 2012 году.

За успехи в области интродукции и селекции садовых роз награждена Золотой, Серебряной и Бронзовой медалями ВДНХ СССР, медалями «За трудовую доблесть» и «Ветеран труда»; благодарственным письмом и почётной грамотой от правительства Крыма за весомый вклад в развитие и процветание Республики Крым.

кого качества, что получил серебряную медаль на первой выставке сельских произведений в Таврической губернии в 1846 году. На этой же выставке его супруга была отмечена за то, что научила местное население изготавливать оливковое масло.

Гартвис свободно владел немецким, французским и русским языками, на которых писал свои отчёты, дневники и письма.

Был женат трижды. Единственная дочь от второго брака умерла через три дня после рождения.

Первым не только в Украине и России, но и в Восточной Европе начал селекцию садовых роз, получив с 1827 по 1834 год около ста сортов. Шедевром селекционной деятельности Гартвиса стала роза «Графиня Воронцова» (Comtesse de Woronzoff).

Гартвис оказал помощь в создании и пополнении коллекций роз в ботанических садах Одессы, Екатеринослава (Днепропетровска), Кутаиси, Сухуми. Он принимал живое участие в создании и формировании имения Карасан генерала Н. Н. Раевского и царского имения Ореанда, где был создан великолепный парк.

Во время посещения сада государем Николаем I в 1837 году Гартвис лично сопровождал его и императрицу и удостоился высочайшей благодарности и одобрения своей деятельности.

За годы его руководства коллекция винограда была удвоена до 600 сортов и организована Магарацкая школа виноделия с погребным хозяйством «Магарац». В энотеке «Магараца» до сих пор хранится мускат розовый урожая 1836 года – самое старое русское вино, занесённое в «Книгу рекордов Гиннеса».

Гартвис положил начало селекции декоративных растений: роз, пионов, рододендронов, камелий, азалий и пассифлоры в Украине и России.

С 1812 по 1861 год с помощью Никитского сада было создано 80 садов и питомников. Посадочный материал в прибрежные районы доставлялся на специально зафрахтованных кораблях.

Коллекции дендрария НБС при Н. А. Гартвисе выросли более чем в два раза.

В знак глубокого уважения к достижениям Н. А. Гартвиса в области интродукции, растениеводства и селекции в 1887 году в Никитском саду установлен обелиск с надписью: «В память заслуг Н. А. Гартвиса, бывшего директором Императорского Никитского сада с 8 марта 1827 по 24 ноября 1860 г.».

Имя Гартвиса увековечено Х. Х. Стевенем, который в 1857 году назвал в его честь новый вид – дуб Гартвиса. Уже в наши дни один из соавторов книги, селекционер З. К. Клименко, также назвала его именем сорт крупноцветковой плетистой розы – «Николай Гартвис».

В настоящее время в парках Южного бережья произрастают 99 видов из числа интродуцированных Гартвисом.

До сих пор не обнаружено ни одной фотографии Николая Андреевича Гартвиса, в этом материале дано фото стелы-obeliska, установленной в его честь в нижнем парке Никитского ботанического сада.

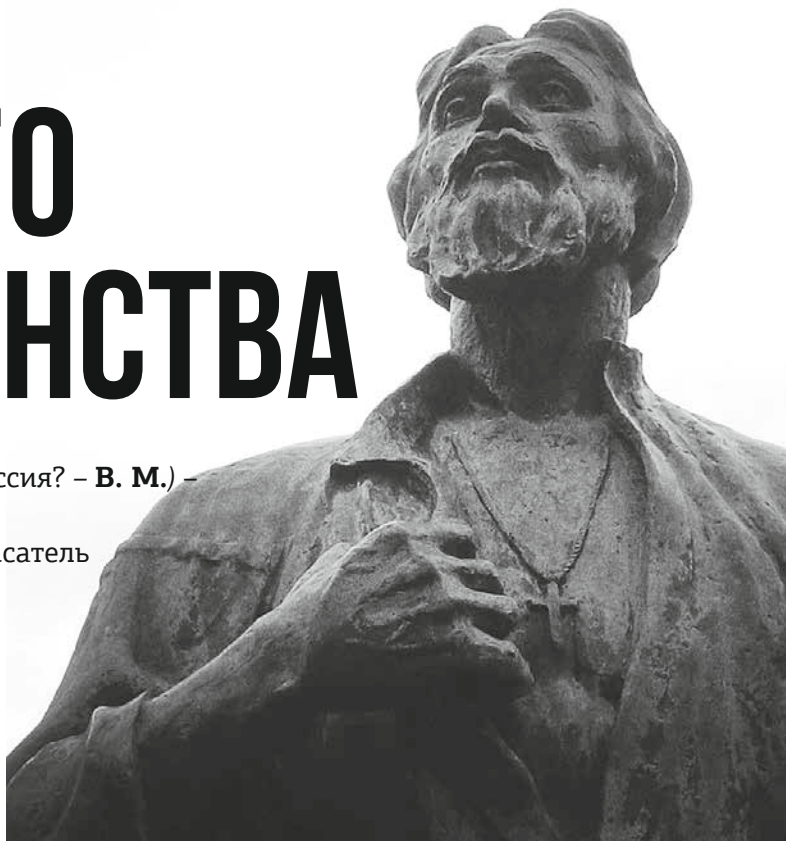
Зинаида КЛИМЕНКО

СУДЬБА РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

*А что если наша Земля (или Россия? – В. М.) –
ад какой-то другой планеты?*

Олдос Хаксли, английский писатель

Сложность русской исторической судьбы объясняется многими причинами. Душа русского народа была сформирована Православной церковью, она получила чисто религиозную форму. В душе русского народа всегда присутствовал сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русских равнин. История показывает, что Россия сильна идеей, завещанной ей веками, всецелостностью и духовной нераздельностью народа, способностью в годину суровых испытаний проявить величайшую волю ради подвига великодушия. В древние времена предки крестьян – люди или смерды – выступали не только в качестве земледельцев, но и свободных, самостоятельных землевладельцев. Они обладали хозяйственными усадьбами с пахотными землями и разными угодьями. Но тогда уже обозначилась большая разница между смердами и другими землевладельцами. Смерды владели таким количеством земли и угодий, которые они могли разработать силами

своей семьи или рода. Князья и их дружины обогащались на войне пленными и добычей, в мирное время – даями, судебными пенями и пошлинами. Они имели возможность прилагать к земле труд многочисленной челяди и таким путём разрабатывать большие пространства земли и угодий. Князья брали со смердов дань. Как человек, приносящий князю доход, смерд в некоторых случаях стал приравниваться к холопу, терял экономическую самостоятельность. Этому способствовали княжеские убоицы и нападения кочевников-половцев. Татарские набеги, нашествия поляков, многочисленные шайки разбойников, походившие своей громадностью на целые армии. Они разоряли жилища, уводили скот. Уничтожались самостоятельные земледельческие хозяйства.

Нужда заставляла оставшихся без крова и средств существования вольных людей искать пристанище, подсаживаться к тем, у кого уцелели хоть какие-то остатки капитала и хозяйственного обзаведения. Большая часть

пристраивалась к князьям, боярам, духовенству, лишь бы найти себе какую-нибудь защиту, потому что закон был совершенно бессилён оградить их. Так появился многочисленный класс крестьян – возделывателей чужой земли. Этому содействовала и общая социально-экономическая эволюция, совершавшаяся в XIII–XIX веках. Ещё ранее размножившиеся князья и их дружинники оказались не в состоянии жить только за счёт дани и поборов с населения и вынуждены были заняться сельским хозяйством, расширялась распашка земель. Постепенно всё большая часть крестьян из самостоятельных землевладельцев превращалась в пользователей чужой земли. В XVI веке договор, заключаемый свободным человеком на известный срок, уступает место ссудной записи, по которой крестьянин обязуется жить постоянно при своём господине. Таким образом, крестьянская ссудная запись получила значение крепостного акта, утвердившего личную зависимость без права землепользователя прекратить её. Уничтожение крестьянских переходов было выгодно и государству. Этим закреплением обеспечивалась устойчивость в уплате государственных повинностей тяглецами и в отбывании служб дворянами. Правительство нуждалось в исправном служилом человеке.

Таким образом, судьба российских крестьян существенно отличалась от западноевропейских и американских. Если, например, в Европе их закрепощение происходило насильственно, преимущественно путём захвата территорий, когда завоеватели отбирали у местных жителей собственность, оставляя часть её в пользование за известные работы, подати, то в России – они закрепощались постепенно и добровольно. Наше древнее общество сложилось путём непосредственного распространения рода, без участия каких-либо пришлых, чуждых ему элементов. Тогда быт был семейно-общинный. Семья на одном корню разрасталась в род, т. е. в кровную совокупность старших и младших семей, и становилась общиной семей. Словом, род – семья семей. «Родовое чувство, родовое начало, управляющее нашим старым бытом, есть в сущности родовая идея, которая

была творцом нашего единства, нашей народной силы, всех наших народных добродетелей и всех наших народных напастей, государственных и общественных»¹. Из этого следует, что существом и непосредственною силою русского быта был род. Древняя власть по преимуществу была родовая. А отсюда и своеобразие нашей истории. В западном обществе в основу бытового развития, а следовательно, и в основу бытовой власти легли отношения завоевателей, право сильного. Там бытовою связью людей руководило по преимуществу право – закон, властные отношения: властный человек чувствовал себя как победитель, подвластный – как побеждённый. У нас, наоборот, всю бытовую связь людей одухотворял смысл рода.

Появление термина «крестьянин» (первоначально – «христианин») относится к XIV веку, когда его стали применять в отношении почти всего сельского населения. На ранней стадии развития страны крестьянин – это свободный человек, занимающийся земледелием. В. О. Ключевский писал, что существенную роль в определении, кто такой крестьянин, составляло *занятие*: вольный человек становился крестьянином с той минуты, как «наставлял соху» на тяглом участке, и переставал быть крестьянином, как скоро бросал хлебопашество и принимался за другое занятие. Именно вольный хлебопашец в Древней Руси назывался крестьянином. Его свобода выражалась в праве переходить от одного землевладельца к другому. Такой крестьянин, как правило, не имел ни своего жилья, ни лошади, ни рабочего инвентаря. Словом, перекаати-поле. Всем этим обеспечивал бездомных и безлошадных крестьян помещик. Крестьянин брал у помещика такое количество земли, какое мог обработать. Ведь за неё надо было платить. Холоп, пахавший землю своего господина, не считался крестьянином, потому что не был вольным.

Государство начинало знать крестьянина как плательщика поземельной подати после того, как он принимался за обработку земли.

¹ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1992. – С. 19.

Таким образом, земля входила в состав крепостного права не как юридический элемент, а как экономическая необходимость. Ибо без достаточного земельного надела невозможно прочное обеспечение быта крепостных крестьян и исправное исполнение ими государственных повинностей. Следовательно, крестьянское поземельное тягло в Древней Руси падало не на крестьянина, обрабатывающего землю, а на землю, кто бы ею ни владел. В Древней Руси не существовало крестьян-собственников. Отношения крестьян с землевладельцем состояли в том, что вольный хлебопашец сидел на чужой земле по договору с землевладельцем. Историк И. Е. Забелин писал, что всё наше общество по духу своей внутренней жизни представляло одну громадную совокупность родни, где не было и не могло быть членов, строго разграниченных своими правами. Не только семья и род, что очень естественно и обыкновенно, держались крепко и твёрдо стихиею родительской опеки; но ею же держалось всё общество, ею же строилось наше государство, ею вырабатывалась и эта необычайная государственная плотность и стойкость народа¹.

Первоначально поземельные отношения налагали обоюдное ограничение как на право крестьянина, так и на произвол землевладельца в отношении к крестьянину. Ближайший советник императора Александра I, составитель Свода законов Российской империи М. Сперанский писал: «Законное крепостное состояние в существе своём есть состояние крестьянина, водворённого на помещичьей земле с взаимной обязанностью: **со стороны крестьянина** – обращать в пользу помещика половину своих рабочих сил, **со стороны помещика** – наделять крестьянина таким количеством земли, на коем мог бы он, употребляя остальную половину рабочих сил, трудами своими обеспечивать себе и своему семейству достаточное пропитание». Постепенно понятие о крестьянине начинает меняться. Из свободного хлебопашца он превращался в закрепощённого земледельца,

который уже не мог свободно переходить от одного хозяина к другому. Судебник Ивана III установил, что крестьянин может перейти из одних волости, села в другие только за неделю до Юрьева дня (26 ноября) и неделю после него. Чтобы приостановить уход крестьян и в этот период, помещики стали удерживать их в связи с их задолженностью. Должников становилось всё больше. И переходы как нормальное явление крестьянской жизни вскоре исчезли. Крестьяне стали самовольно покидать помещичьи имения, устраивали побег с нарушением долговых обязательств. В XVII веке землевладелец по отношению к крестьянину, работавшему на его земле, рассматривался уже не как одна из договаривающихся сторон в поземельной сделке, чем он был прежде, а как орган правительства, обязанный по закону отвечать за своих крестьян. Вследствие поземельного прикрепления крестьяне попали в неволю. Помещик стал правительственным агентом, надзирателем крестьянского хозяйства и сборщиком казённых податей. Он присвоил себе уголовную юрисдикцию над крестьянами с правом подвергать их наказанию. Крестьян жестоко избивали. Указом 1760 года землевладельцам было предоставлено право ссылать своих крестьян «за продерзостные поступки» в Сибирь. Жена по закону следовала за сыльным, малолетних детей помещик мог удерживать при себе. Закон предусматривал продажу крестьян целыми семьями и в розницу. Дворянство имело над крестьянами полную власть.

*Я барину твердил, что бедствиям нет края,
Но этот ветрогон с душою негодяя
Лишь ковырял в зубах, ни слова не роняя.*

Перед Великой реформой помещичьи (крепостные) крестьяне составляли 37% всего населения. Они делились на барщинных (работавших на барском поле) и оброчных (плативших помещику денежный оброк). На крепостном положении находились и монастырские крестьяне. Близкими по своему положению к помещичьим были крестьяне, принадлежащие царской семье. Их называли дворцовыми, а с

¹ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1992. – С. 23, 22.

1797 года – удельными, так как для управления этими крестьянами был утверждён Департамент уделов. В этот период их насчитывалось 463 тыс. душ мужского пола. Отмена крепостного права, проведение аграрных реформ в удельной (в 1863 г.) и в государственной (в 1866 г.) деревнях уравнивали правовой статус различных категорий крестьянства. В конце XIX века 87% населения страны (81,4 млн человек) жило в сельской местности. Из-за незавершённости реформы и роста населения в деревне увеличивалась группа безземельных, шло «раскрестьянивание», т. е. отказ крестьян от сельскохозяйственного труда, происходило расслоение крестьян по имущественному положению.

Постепенно поземельное устройство, сельский уклад, порядок отношения крестьян к своим работодателям менялись. Старая хозяйственная система, сочетавшая общинное землевладение с личным хозяйством независимого крестьянского двора, в котором самостоятельно трудилась крестьянская семья, уходила в прошлое, и тех крестьян, которые духовно сло-

жились до революции, в современной деревне уже не стало. На смену старой хозяйственной системе пришла новая, сочетающая многообразие форм хозяйствования. В условиях этой системы сформировался новый крестьянин, а доля сельских жителей, относящихся к крестьянам, резко сократилась. Всё большую часть населения деревни стали составлять служащие, рабочие и интеллигенция. В 70-е годы прошлого столетия в деревне произошёл колоссальный переворот. На селе жили и работали: агрономы, зоотехники, ветеринары, лесоводы, инженеры, техники, врачи, педагоги, библиотекари, бухгалтеры, финансовые инспекторы, а также служащие сельсоветов, милиции, народных судов, почты, кооперации, заготовительных органов, производственных предприятий, колхозов и, наконец, рабочие. Деревня стала неоднородной. В ней появилась существенная и очень влиятельная прослойка сельской интеллигенции, рабочих и служащих, т. е. лиц городских профессий. Наибольшие изменения произошли в последние 20 лет, в связи с многоукладностью аграрной экономики, новыми отношениями

селян к работодателям, с разрушительными процессами в отрасли, обеднением и вымиранием сельского населения.

Но как бы ни менялся крестьянин, он всегда был тесно связан с землёй. Земля была

всегда прямо и органично связаны с идеалами нравственными, а главное, что из них только одних и выходят. Вера в вечные (а не условно – выгодные) идеалы придаёт политике духовный смысл, поддерживает нравственное здоровье

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ ПИСАЛ: «...РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК С САМОГО НАЧАЛА И НИКОГДА НЕ МОГ И ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЯ БЕЗ ЗЕМЛИ... УЖ КОГДА СВОБОДЫ БЕЗ ЗЕМЛИ НЕ ХОТЕЛ ПРИНЯТЬ, ЗНАЧИТ, ЗЕМЛЯ У НЕГО ПРЕЖДЕ ВСЕГО, В ОСНОВАНИИ ВСЕГО, ЗЕМЛЯ – ВСЁ, А УЖ ИЗ ЗЕМЛИ У НЕГО И ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ, ТО ЕСТЬ И СВОБОДА, И ЖИЗНЬ, И ЧЕСТЬ, И СЕМЬЯ, И ДЕТИШКИ, И ПОРЯДОК, И ЦЕРКОВЬ – ОДНИМ СЛОВОМ, ВСЁ, ЧТО ЕСТЬ ДРАГОЦЕННОГО»

главным источником приложения его труда и источником его существования. Ф. Достоевский писал: «...русский человек с самого начала и никогда не мог и представить себя без земли... Уж когда свободы без земли не хотел принять, значит, земля у него прежде всего, в основании всего, земля – всё, а уж из земли у него и всё остальное, то есть и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь – одним словом, всё, что есть драгоценного»¹. При этом нужно чаще обращаться к историческим исследованиям. Они способствуют восстановлению истины, рассказывают о развитии событий, тенденциях, позволяют анализировать идеологию, не изолируя от учреждений и социальных структур, рассматривать выдающихся лиц и широкие народные массы, даже если власти относились к ним с презрением. Чем большую дозу истории мы будем обсуждать, тем более сложная и более богатая красками картина предстанет перед нами.

История важна для того, чтобы посмотреть, как решать важнейшие задачи внутреннего государственного порядка, поставленные на очередь. Для достойной и долговечной жизни народам и государствам необходимо свято хранить высокие идеалы, ибо, как только по истечении времени начинал расшатываться и ослабевать в какой-либо национальности её духовный идеал, так тотчас же начинала падать и национальность, а вместе с нею и весь её гражданский устав, меркли все те гражданские идеалы, которые успевали в ней сложиться. Стало быть, гражданские идеалы

и величие нации. История имеет обыкновение повторяться, что обусловлено бессознательным стремлением к сохранению тех ценностей, которые не облегчают разрыв с прошлым, а приводят к восстановлению старой системы в новом обличье. «Не будучи в состоянии отрешиться от сознания, – писал С. М. Соловьёв, – что история – объяснительница настоящего и потому наставница, человек хлопочет часто изо всех сил, чтобы высвободиться из-под руководства этой наставницы. Покорствуя интересам настоящей минуты, он старается исказить исторические явления, затемнить, извратить законы их. Понимая важность истории, он хочет её указаниями освятить свои мнения, свои стремления и потому видит, ищет в истории только того, что ему нужно, не обращая внимания на многое другое: отсюда односторонность взгляда, часто непомерная... История – это свидетель, от которого зависит решение дела, и понятно стремление понудить этого свидетеля, заставить его говорить только то, что нам нужно. Таким образом, из самого стремления искажать историю всего яснее видна её важность, необходимость, но от этого не легче».

**Владимир
МИЛОСЕРДОВ,
академик РАН,
д. э. н.,
профессор**

¹ Дневник писателя. – С. 306.

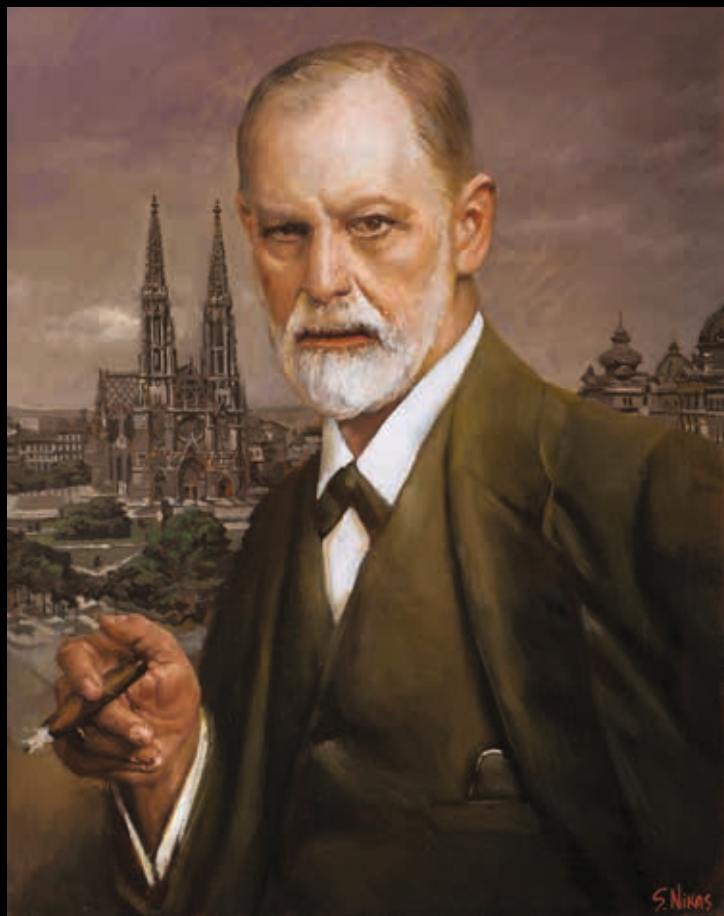
Михайло Васильевич Ломоносов.
Раздумья. Х. м. 56 x 40, 2007

Алферов Жорес Иванович.
Бумага, сангина. 44 x 32, 2011

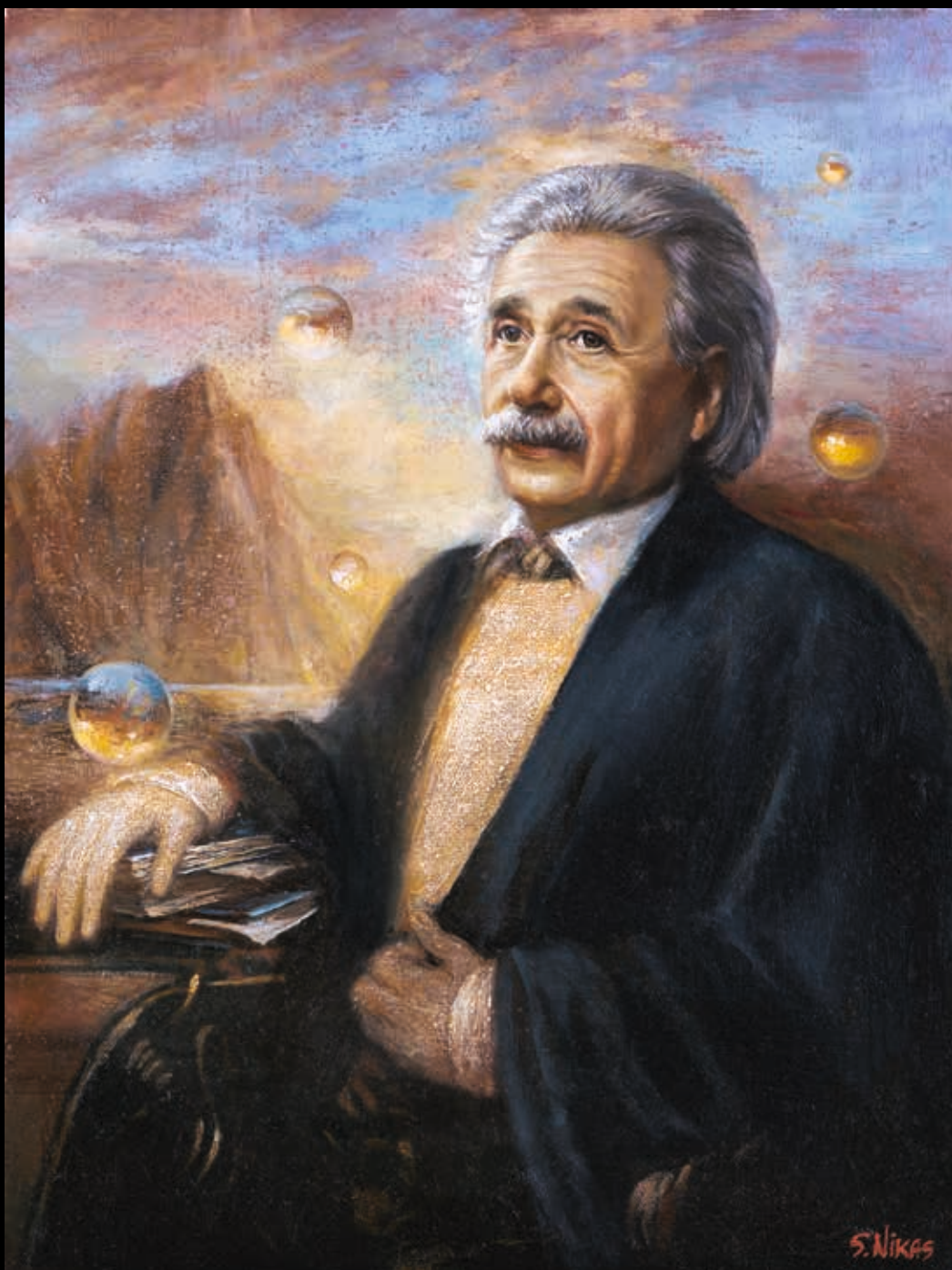

Кутафин Олег Емельянович.
Бумага, сангина, 44 x 32, 2011

Зигмунд Фрейд. Х. м. 50 x 40, 2019

S. NIKAS

S. Nikas

Эйнштейном тронутое
время. Х. м. 40 x 30 2019

Курчатов
Игорь Васильевич

Портрет Сергея
Петровича Капицы.
Бумага, сангина. 44 x 32

Николай ТЮРИН

Мичуринск

* * *

Ой ты, Русь, моя Родина светлая!
Как нежна ты на ранней заре.
Словно песня, никем не допетая,
Как цветы в золотом октябре.

Обниму я просторы любимые,
Из озёр твоих счастья напьюсь.
Мы привязаны нитью незримою,
Моя милая добрая Русь.

Я скажу тебе самое честное:
Без тебя я никто и ничей,
Незнакомое имя безвестное,
Без дождей пересохший ручей.

По крупицам надежду отмеривал,
Перепутав успех и печаль.
Словно лист, оторвавшийся с дерева
И ветрами пинаемый вдаль.

Лист погибнет, но утро весеннее
Молодую забрызжет листвою.
Так в надежде укрыто спасение.
Я воскресну волшебной травой.

Прорасту я в других поколениях,
С новым светом и верой в рассвет,
И останется пусть откровение,
Что прекраснее Родины – нет.

Ты и близкая, ты и далёкая,
И сурова бываешь порой.
Но люблю я тебя, синеокая.
Мы повенчаны Богом с тобой.

Ты мне снишься с зелёными косами,
С ароматом цветущих садов.
Травы буйные, сочные, росные
Целовать я от счастья готов.

Жизнь, как сон, завершится, нескладная,
Но и в том неизвестном краю
Про Россию мою ненаглядную
Я душевную песню спою.

* * *

Я сошью тебе платье из самого лучшего ситца.
Да такое, что в мире нигде ни за что не купить.
Будешь в нём на рассвете по росному лугу
кружиться
И смеяться так звонко, что я не смогу
позабыть.

Это всё для тебя, чтобы ты улыбалась почаще,
Чтобы солнцу всегда говорила с надеждой
«привет».
Для тебя для одной подарю я волшебные
чащи,
На ладонях зарю и сердечный малиновый свет.

Только ты не грусти, сохраняя во мне веру на
чудо,
Даже если расстаться нам будет с тобой
суждено.
Всё равно я любить тебя нежно и искренне
буду,
И писать тебе песни, и сердце дарить
всё равно.

В жизни есть свой предел,
оборвётся однажды дорога.
Счастлив тот, кто сумел распусться
и буйно процвести.
Я в тиши помолюсь на коленях украдкой Богу
За любовь, за мечту. И спасибо скажу,
что ты есть.

Я сошью тебе платье из самого лучшего ситца.
Да такое, что в мире нигде ни за что не купить.
Будешь в нём на рассвете по росному лугу
кружиться.
И смеяться, и плакать, мечтать
и, конечно, любить.

* * *

Люблю я в природе холодную томность,
Какую-то странную тишь над полями.
Деревья, уже позабывшие скромность,
Бросаясь листвою, прощаются с нами.

Повсюду разлита щемящая нежность.
Что может быть лучше блаженства покоя?
Душа, всё забыв, обрела безмятежность.
В ней только хорошее что-то такое.

Качнёт ветерок золотистые нивы
Так нежно и кротко, как будто погладит.
И птички щебечут: «Спасибо, мы живы»,
А там и другой день с надеждою грянет.

В небесную высь обращаю свои взоры,
И сердце летит за звездой в бесконечность.
Вновь будут с луной до утра разговоры
Про смысл бытия, про любовь и про вечность.

И кажется: нет в этом мире тревоги,
Что доброе слово из облака льётся,
Забыты печали, открыты дороги...
И сердце уставшее радостно бьётся.

МАТЬ-ГЕРОИНЯ

*Епистиния Фёдоровна Степанова
(1874–1969) – русская женщина, девять
сыновей которой погибли на войне,
кавалер орденов «Мать-героиня» и
Отечественной войны I степени.*

Мать родила девять сыновей.
Да каких сынов! Богатырей!
Выдались и статью, и лицом.
Восхищались ими мать с отцом.
И сыны росли все как один,
Словно прототипы для картин.
Что ещё для счастья пожелать?
Дочка родилась – и рада мать.
Только счастье ходит чередой
Друг за другом с чёрною бедой.
Окатило, как холодный душ:
Вскоре от болезни умер муж.

Поднимала мать детей одна,
Помогала в этом ей страна.
Много испытала и смогла,
Но детей для жизни сберегла.
А потом раздался страшный гром:
Враг напал на наш родимый дом.
Заклубился над страной дым.
Горе старым, горе молодым.
Гул орудий, самолётов вой.
Уходили сыновья на бой.
В Сталинграде, Ржеве, под Орлом
Воевали доблестно с врагом.
Доверяя боль свою свечам,
Мать за них молилась по ночам.
Словно стая чёрных журавлей,
Похоронки прилетели к ней.
В них писали: был жестокий бой,
В том бою убит был ваш герой.
Друг за другом восемь их легло,
Лишь один пришёл домой в село.
Мать рыдала в радости такой:
Раненый, но всё-таки живой!
Довелось ему недолго жить,
Как же больно сына хоронить!
Чтобы в горе матери помочь,
Утешала неустанно дочь:
«Мама, ты не плачь. Ведь всё не зря.
Глянь, над миром новая заря.
С детским смехом не пустой наш дом.
Победили мы в борьбе со злом.
А во внуках – жизнь твоих детей!»

И на сердце матери теплей.

Мать родила девять сыновей.
Да каких сынов! Богатырей!!!

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ КАФЕДРАЛОВ

Самая большая проблема для любого мыслителя – сформулировать проблему так, чтобы это позволило её решить.

Бертран Рассел, британский философ, математик, общественный деятель

Перед обсуждением диссертационных работ молодых учёных кафедры управления – одной из старейших в университете – педагоги собрались на чай.

За годы работы в системе высшей школы и отечественной науки преподавателям чего только не доводилось слышать от своих дипломников, аспирантов и соискателей учёных степеней! Какие порой выкрутасы приходили им в головы, какая словесная эквилибристика, какие эпитеты и сравнения они записывали затем на бумаге,

произносили вслух при защите или обсуждении творческих потуг молодой смены!

Сослуживцы привычно сдвинули несколько кафедральных столов, создав, таким образом, большую площадку, где расставили домашние пирожки и салаты, чей-то пышный манник, аппетитные колбасные нарезки, всевозможные соленья и прочий «закусон». Чашек и стаканов хватало на всех.

Сначала трапезничали молча, сосредоточенно, а вскоре, как обычно, неспешно полились

разговоры – плавно, как река в своём тихом истоке.

Молодой преподаватель, увидев, что заведующий кафедрой завершил чаепитие, обратился к нему с вопросом:

– Василий Сергеевич, расскажите о каких-нибудь курьёзных случаях из вашей богатой практики, которые случались при предварительной защите или обсуждении диссертационных работ, пока до заседания ещё полчаса времени...

Заведующий задумчиво пожевал губами, окинул долгим и зорким взглядом, как Александр Македонский боевые фланги, своих притихших и внимательных педагогов.

– Случаев, сами понимаете, было очень много, всё сразу и не припомнишь... Ну вот однажды при защите кандидатской по экономике один из членов диссертационного совета решил поддержать соискателя, задав ему простейший вопрос: «У вас в работе есть формула, которая касается производительности труда... Поясните, пожалуйста, из каких элементов она состоит?»

Соискатель не заставил себя долго ждать: «А как же я её искать-то буду, на 180 страницах?»

– Вот это будущий учёный! – весело воскликнул кто-то.

– А как, друзья, коверкается русский язык! – тотчас оживился заведующий. – Отдельные соискатели, а чаще – будущие выпускники экономических факультетов, выступая с докладами, говорят «средствá» вместо «средства». Педагоги, как бы оправдывая таких нерадивых горе-специалистов, в шутку говорят: «До защиты, пока они ещё не стали экономистами, говорят „средствá“, а после защиты, уже грамотные,

заявляют о „средствах“». Молодое поколение вряд ли знакомо с изречением В. И. Ленина: «Кто хочет работать, тот ищет средства, кто не хочет – ищет причину».

Клан старейшин вежливо покашлял, а кто-то и посмеялся.

– Вспоминается мне и защита диссертации, на которой соискателя попросили вернуться к какому-то из слайдов, – продолжил Василий Сергеевич. – Молодой человек уныло произнёс: «Вертаемся обратно».

Члены диссертационного совета переглянулись: такое словесное выражение чрезвычайно покорило присутствующих.

– А бывали моменты, когда и оппоненты, и рецензенты грешили жутким сленгом. Так, в открытой дискуссии на очередной защите один из членов совета стал энергично расхваливать диссертацию одной фигуристой молодой аспирантки. Он вещал примерно так: «Восхищают стройность, логика построения работы и доклада, как всё выпукло и рельефно, умеренно и широко... Приятно привлекает и *толстость* представленной работы».

Грянул смех.

– Создавалось впечатление, что член совета перечисляет не достоинства диссертации, а прелести фигуры девушки-соискателя. Правда, в целях объективности следует заметить, что у аспирантки были чудесные стройные ножки, высокая грудь и крутые бёдра, – с улыбкой повествовал заведующий кафедрой.

Он вальяжно и расслабленно откинулся в мягком кресле.

– Но бывали, друзья, и критические выступления. Как-то я услышал, как один из питейских профессоров отчитывал аспирантку, которая внесла совершенно конкретные предложения по совершенствованию торговых операций. Она назвала их «разгулом мечты». И критика, коллеги, звучала примерно так: «Это что у вас за разгул мечты? Вы хотите, чтобы торговые

Списывание с одного источника – плагиат, с двух – компиляция, с трёх и более – диссертация.

сети свободно принимали продукцию из личных подворий граждан, включая садоводов?» Оскорбительно заметив: «Вы в своём уме?» – он продолжил на повышенных тонах: «А вы знаете, что продукцию крупные сети ещё не от каждой солидной фирмы возьмут, а вы тут – "садоводы-огородники"! Им подавай объёмы, стандартизацию, умеренные цены, качество», – не унимался севший на своего конька рецензент.

По окончании этой фразы дверь кафедры наполовину распахнулась, кто-то заглянул внутрь и быстренько прикрыл её обратно. Заведующий посмотрел на часы:

– Всё, коллеги, пора! Прошу пройти в зал учёного совета для предварительных обсуждений работ нашей талантливой молодёжи.

Педагоги неохотно встали с насиженных мест и направились по указанному пути.

ТАК, В ОТКРЫТОЙ ДИСКУССИИ НА ОЧЕРЕДНОЙ ЗАЩИТЕ ОДИН ИЗ ЧЛЕНОВ СОВЕТА СТАЛ ЭНЕРГИЧНО РАСХВАЛИВАТЬ ДИССЕРТАЦИЮ ОДНОЙ ФИГУРИСТОЙ МОЛОДОЙ АСПИРАНКИ. ОН ВЕЩАЛ ПРИМЕРНО ТАК: «ВОСХИЩАЮТ СТРОЙНОСТЬ, ЛОГИКА ПОСТРОЕНИЯ РАБОТЫ И ДОКЛАДА, КАК ВСЁ ВЫПУКЛО И РЕЛЬЕФНО, УМЕРЕННО И ШИРОКО... ПРИЯТНО ПРИВЛЕКАЕТ И ТОЛСТОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕННОЙ РАБОТЫ».

Аспиранты и соискатели уже давно разместились на положенных им местах – в креслах, стоявших вдоль стен уютного зала заседаний диссертационного совета. На столах было приготовлено всё необходимое для докладов, включая презентации и мультимедийную технику.

Первой выступала Света Василькова – аспирант третьего года обучения. Она бодро доложила основные положения наполовину завершённого диссертационного исследования, связанного с экономикой труда и заработной платой.

После вкусного чаепития и забавных рассказов заведующего кафедрой мэтры вяло реагировали на происходящее, и только профессор Игольников был оживлён и неуёмен:

– У вас в диссертации, – обратился он к Светлане, – довольно много описательных сцен. К примеру, на странице 76, когда речь идёт о производительности труда, вы говорите, что

Анна, танцуй, словно тебя никто не видит! пой, словно никто не слышит! Пиши диссертацию, словно её никто не будет читать...

Atkritka.com

Незабудкин П.В. пришёл на работу в весёлом и приподнятом настроении, что он уже не пил три дня, вступив в общество анонимных алкоголиков, на нём была свежая рубашка в мелкую голубую клетку. И к станку он подошёл играючи... Вы что, занимались в литературном кружке?.. Вообще-то подобный художественный метод активно применял нобелевский лауреат по литературе Сол Беллоу. Его романы часто смахивали на черновой набросок диссертации. Не от него ли вы заразились этой болезнью, милочка?.. А теперь взгляните, что вы написали об учёных, можно сказать, о классиках, ранее занимавшихся данной проблематикой. «Мною была изучена глистообразная вереница предшественников в данной теме». Как это прикажете понимать? И почему вы умудрились назвать саму диссертацию так: «Туманные перспективы развития агропромышленного комплекса России»? Вы что, работаете на метеостанции и изучаете туманы, дорогая?

– Профессор, я же говорила не в прямом, а в переносном смысле... Заявляя о туманных перспективах, я имела в виду неопределённость и неполную ясность реализации практик в данной сфере, – пыталась оправдываться аспирантка.

– Вероятно, вы имели в виду неопределённость развития, сложность прогнозирования, влияние и непредсказуемость воздействия на АПК внешней турбулентной среды, не так ли?!

– Да, профессор, как вы догадались?

– Опыт, деточка, опыт, многократно помноженный на теоретические знания, – снисходительно ответил Игольников.

Он гордо оглядел присутствующих и уткнулся в очередной талмуд.

Но в отличие от большинства сотрудников кафедры, вполне равнодушно наблюдавших за происходящим, наиболее маститые учёные всё же пытались задавать вопросы, пусть и кратко, но комментировали выступления молодёжи.

– Работа у вас, милочка, получилась интересная, – отметил, например, седовласый профессор Двоегорбунских. – Но если «прогнать», извините за выражение, ваш текст через систему антиплагиата, то оригинальность текста составит, думаю, не более 40 процентов. А сегодня требования ужесточились, и вы знаете об этом. На страже чистоты русской науки стоит теперь не только ВАК, но и общественные сетевые организации – порождение современной цифровизации, – образно и красноречиво выразил свои мысли опытный профессор, знаток жанра написания научных текстов.

– И что вы на это можете возразить, что противопоставить? – обратился к соискателю другой маститый исследователь.

– Уважаемый Самсон Иосифович, отчасти вы правы и не правы, я бы сказала так. Дело в том, что вкрапление в диссертацию даже чужих мыслей уже создаёт новый текст, иное звучание работы, в том числе – смысловое. В конечном итоге получается уже другое произведение, и не так важно, поставила ли я кавычки, квадратные скобки в конце абзаца или законченного предложения. Я не выдаю информацию, размещённую в тексте, за свою, мною придуманную. Я также не пишу о том, что это мои мысли, а в тех местах работы, где в тексте приводятся не общеизвестные истины, сведения и результаты, сделаны обязательные ссылки. Если, к примеру, речь идёт о заимствованных методиках оценки тех или иных экономических явлений, достигнутых резуль-

татах, я обязательно ссылаюсь на авторов и их произведения. Правда, бывает и так, что приходится указывать научное или образовательное учреждение, так как авторы порой неизвестны. Я однажды читала, не припомню где, что при написании любой работы, особенно диссертации, очень важно аргументированно излагать собственные мысли, а те или иные выражения, умозаключения следует размещать в тех местах произведения, где это наиболее уместно.

Взволнованная аспирантка перевела дух, мягко улыбнулась и продолжила:

– Все мы пользуемся одним и тем же алфавитом, употребляем схожие выражения, применяем известный понятийный аппарат. Набор фраз, тезисов, выводов и даже результатов вполне может совпасть с итогами деятельности других исследователей, но искусство научного языка состоит в том, как этим набором грамотно воспользоваться... Хочу продемонстрировать это на примере своей одежды, – она достала из дамской сумочки небольшой газовый шарфик. – Обратите внимание на этот лёгкий дамский аксессуар, который может оказаться в пользовании каждой современной девушки. Но далеко не любая из них способна применить этот шарфик так, чтобы придать своей одежде, всему дамскому облику новое и более интересное выражение...

После этого соискательница неожиданно, с завидной ловкостью стала демонстрировать, как можно по-разному носить и повязывать такой полупрозрачный шарфик.

– Уважаемый Самсон Иосифович, согласитесь, что шарфик – один и тот же, а результат получается разным. Он может находиться у многих женщин, но элегантно и красиво его носит далеко не каждая из них, – заявила Светлана. – То же самое – и с научными текстами...

Неожиданно в полемику вступил профессор Безугольников – страстный любитель поэзии, обычно молчавший на кафедральных токовищах.

– Коллеги! – пылко обратился он к присутствующим. – Я лично так понимаю: переработать строчку или целый абзац – это не значит украсть. Возьмём известную строчку из

А.С. Пушкина «Любви все возрасты покорны...» и переработаем её на «В любви все возрасты проворны». Мы получим совершенно другой смысл выдающегося изречения. Ну как?! – торжествуя и улыбаясь, обратился он к залу.

– В оправданиях плагиатчиков можно зайти очень далеко, – пробасил 67-летний декан экономического факультета, давно облысевший на ниве научных изысканий и страстной любви к противоположному полу. Его голова напоминала бильярдный шар и невольно привлекала внимание зала. – Тогда давайте уж менять и эти знаменитые строки: «Любить надо искусство в себе, а не себя в искусстве». Результат подобного перефразирования заведомо известен: «Любить надо науку в себе, а не себя в науке». И ещё: «Наука – это та женщина, которая тебе никогда не изменит, если ты сам не изменишь ей».

Раздались робкие аплодисменты.

– Да уж, женщин ты познал, как никто, глубоко и всесторонне, – негромко, но веско заметил Василий Михалко, бывший декан.

– Я не хочу показаться оригинальной, – кокетливо умничая, взяла слово Юлия Черпак, молодящаяся, постбальзаковского возраста доктор экономики с базовым педагогическим образованием, – но даже Шекспир, создавая свои великие пьесы, часто работал с материалами из других источников. К примеру, он «позаимствовал» сюжет, всех персонажей и место действия рассказа под названием «Ве-

нецианский мавр», превратив его в знаменитого «Отелло». А пьеса «Ромео и Джульетта» была «украдена» из эпической поэмы 1562 года, имевшей название «Трагическая история Ромеуса и Джульетты». И как мы будем судить: Шекспир – это оригинальный писатель или махровый плагиатор?

– Тогда добавьте сюда же Михаила Шолохова и Алексея Толстого – сталинских лауреатов, – вставил свой «пятак» доцент Милоевский.

– Есть известная цитата:

«Хорошие художники копируют, а великие художники воруют», – поддержал направление развернувшейся дискуссии заведующий кафедрой управления профессор Долгопрудников. – Забавно, что всякий раз данная цитата из разных уст и звучит по-разному. Томас Элиот, лауреат Нобелевской премии, например, говаривал: «Незрелые поэты имитируют, зрелые – крадут...» На мой взгляд, главное в том, что Элиот очерчивает очень важный элемент творчества: суть не в том, чтобы создать что-то оригинальное с нуля, а в том, чтобы позаимствовать у других и создать новое, преобразовать разные элементы в нечто иное, потрясающее и желательно намного лучше. Заимствование, создание на основе этого чего-то своего и есть творчество. Сие, друзья, я не выдумал, а в своё время прочитал в книге Гранта Фолкнера «Начни писать». Очень советую прочесть её всем, особенно молодым исследователям...

После этого заведующий кафедрой подвёл итоги дискуссии, завершив её ещё одним выступлением. Процедура голосования не состоялась, поскольку обсуждение диссертационных работ было предварительным. Хотя поводов для размышлений – и опытным, и начинающим учёным – оказалось, как никогда, предостаточно...

Александр СЁМИН,
академик РАН, д. э. н., профессор,
член Союза писателей России

Константин ЕМЕЛЬЯНОВ

(Александрия, штат Вирджиния, США)
Родился в г. Алматы, Казахстан, в 1966 году.
Окончил факультет журналистики Казахского
госуниверситета в 1989 году. Стихи печата-
лись в журналах России, Германии, Финляндии
и США.

ИСПОВЕДЬ ИММИГРАНТА

На своей советской стороне
Пробивал я дырки на ремне,
И влезал я в джинсы без труда
Меньше на размер, а то и два!
Был ещё я молод и не бит,
Поднималась пыль из-под копыт!
И казалось мне, что мой удел –
Поднимать страну для важных дел!
Быстро пролетело двадцать лет –
От страны остался силуэт.
И уже позвал далёкий край:
Ты прости, Отчизна, и прощай!
А теперь в российской стороне
Люди мрут, как мухи на окне.
Вдоль дорог – рекламные щиты
И ларьки горят из темноты.
Дни проходят, словно на бегах:
Шум и гам слышны на площадях,
Стоны, крики, мегафонов вой –
А вокруг ОМОН стоит стеной!
На Садовом – иномарки в ряд.
В переходах нищие сидят.
На моей родимой стороне
Всё идёт, как будто бы во сне,
Люди, звери, воздух и вода
Вроде не такие, как всегда.
Долго колебаться не дано:
Если выжил – значит, суждено.
О родимой стороне своей
Узнаю теперь из новостей.
Дни бегут в тревоге и тоске,
Мысли рвутся в новом языке,
И порою ночью до утра
Вспоминаю то, чем жил вчера.
По родной тоскую стороне:
Тихий двор и шторка на окне,
Из-за гор вздымается рассвет,
А за ним – дорога в сорок лет.

ХРАНИТЕЛИ РОДНОГО ЯЗЫКА

Уж двадцать лет мы Родину не видели,
Она нам пальцем крутит у виска,
А мы сидим, плюёмся в телевизоры –
Хранители родного языка.
И сериалы русские – убожество,
Из новостных каналов хлещет яд,
Про литжурналы говорить не хочется,
А хочется брать в руки автомат!
И в интернете тоже наказание:
Вернулись сразу в средние века.
Вот и сидим молчим в своём изгнании –
Хранители родного языка.
В эфире не смолкают споры бурные,
Кипит, сипит холодная война.
Ругаются мужи литературные –
Настали бесовские времена.
Но мы, без подкрепленья и провизии,
Дерёмся, как солдаты из полка,
Из той, почти разгромленной, дивизии
Хранителей родного языка.

МОЕЙ РОДНОЙ АЛМА-АТЕ

Городок, в котором я родился,
По тебе я больше не скупаю.
И хотя ты сильно изменился,
Я тебя другим не представляю.
Все твои крутые небоскрёбы,
Что друг к дружке на проспектах жмутся,
Не запомнят моё имя, чтобы
Я хотел и мог туда вернуться.
Шум машин и окон строгий глянец,
Незнакомые названья улиц...
В этом городке я иностранец,
Мы, видать, надолго разминувшись.
Где-то там, наверное, остались
Все мои ровесники, ребята
И девчонки, что со мной расстались
В девяностых и восьмидесятых.
Где-то там, вдали, осталась школа,
Тысячи забытых биографий.
Не спасёт от мыслей невесёлых
Куча чёрно-белых фотографий.
Городок, в котором я родился,
По тебе я больше не скупаю.
Мне вчера случайно ты приснился,
Чтоб под утро, как туман, растаять...

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЭТ

Я почти не сочиняю,
А всё больше наблюдаю:
У окна сижу, дышу
И немножечко пишу.
У реки расселись утки,
В поле пляшут незабудки,
Жизнь так кажется свежа
Со второго этажа!
Вот мужик прошёл с собакой,
Паренёк в цветной рубахе,
Кучка девок и ребят,
Как скворцы весной, галдят.
Все толкаются, хохочут,
Им стихов не надо, точно!
Я же кисну у окна.
Вот такая уж весна!
Запер сам себя в скворечник:
То ли птица, то ли грешник.
Но когда я не грешу –
Я страдаю и пишу.
А когда дойду до точки –
К чёрту выброшу все строчки.
Лучше уж в окно глазеть,
Чем над рифмами корпеть.
Больше я не сочиняю,
А всё больше наблюдаю.
Жизнь прекрасна и свежа
Со второго этажа!

НА КАРАНТИНЕ

Вся жизнь моя как будто бы прокисла
С тех пор, как мы сидим на карантине.
И напряжение в воздухе повисло,
Как над скользящим горным серпантином.
На улице гляжу на всех с опаской,
И страхом, словно ветром, обдувает.
Живу, дышу и мыслю, будто в маске,
Где воздуха всё время не хватает.
И больше ничего не остаётся,
Как встречи ждать с чудесною вакциной...
Как будто в небе стало меньше солнца
С тех пор, как мы сидим на карантине.

ДЕНЬ И НОЧЬ

В полнолуние не спится,
Неподвижны небеса.
День промчался шустрой птицей,
Ночь крадётся, как лиса.
В воскресенье сон не в руку,
Звёзды плачут под луной.
День приносит боль и муку,
Ночь – спасенье и покой.
В этот час пустой и звёздный
Понимаешь вновь и вновь,
День приносит смех и слёзы,
Ночь – прощенье и любовь.
Рвать уже не стоит глотку,
Раз надумал, так держись!
День раскачивает лодку,
Ночь кричит тебе: «Крепись!»
Пусть меня сомненья точат
И закроет окна тень,
Но без дня не будет ночи,
А за ночью встанет день.

НОЧНАЯ СМЕНА

Глубокой ночью
Звезда не хочет
Сама с собой о чём-то говорить.
Затихли звуки,
Шаги и стуки,
Когда во дворик выйдешь покурить.
Ночная смена,
И лишь сирена
То тут, то там прорежет тишину.
Ожили маски
И вновь погасли,
Чтобы вернуться медленно ко сну.
Погасли лица,
Огни больницы,
В приёмной шумно толпится народ.
Ночная смена,
Стальные стены,
И санитары ходят взад-вперёд.
Пустые тени
Чужих сомнений
Узором кроют тёмный потолок.
Но враз взлетают
Как птичья стая,
Как только утром выйдешь за порог...

СУДЬБА

ЖИЗНЬ ЛЮБОГО ТВОРЦА ОЧЕНЬ ДИНАМИЧНА. ПОСТОЯННАЯ РАБОТА, ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСТАВОК, УЧАСТИЕ В ИХ ОТКРЫТИИ, РАЗЛИЧНЫЕ ПРОЕКТЫ, В Т. Ч. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ, ЕСТЬ ЕЩЁ ТЕЛЕВИДЕНИЕ, РАЗЛИЧНЫЕ ИНТЕРВЬЮ И ПР. ВСЯ ЭТА СУЕТА ОКУТЫВАЕТ ХУДОЖНИКА. ЗА НЕЙ НЕ РАЗГЛЯДЕТЬ ТАКОГО ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА-СОЗИДАТЕЛЯ, КАК НИКАС САФРОНОВ.

Николай родился в городе Ульяновске, жил в раннем детстве с родителями и братьями в бараке, который построили после войны пленные немцы для рабочих автозавода, выпускающего машину УАЗ.

Отец, Степан Григорьевич, родился в 1910 году в этом же городе, но назывался он в то время Симбирском и был после революции особым городом, поскольку в нём родился в 1870 году Владимир Ильич Ленин. В этой связи вплоть до 90-х годов и конца перестройки городу всегда уделялось повышенное внимание в плане благоустройства и частично в плане снабжения.

В семье Сафроновых по линии отца было 12 поколений священнослужителей. Династия предков – православных священников упоминается в Симбирской летописи, относящейся к середине XVII века. А до того – начиная с кентерберийских монахов, которые приехали в Московию проповедовать католицизм в XVI веке. Но предок Никаса принял православие и взял греческое имя Сафроний, которое позже превратилось в фамилию Сафронов. В советское время принадлежность к роду священнослужи-

телей была не просто клеймом на всех членах семьи, но сулила немалые опасности. В частности, деда Никаса репрессировали именно по этой причине. Отец же каким-то образом не был отсеян при подаче заявления в танковое училище. Он его окончил ещё до войны, причём везение сопутствовало ему и дальше – получил направление на службу на Сахалин, где с точки зрения репрессий было существенно безопасней, чем в центральной части России.

Степан Сафронов поехал в командировку в Сибирь и там встретил девушку Анну, будущую мать художника, влюбился и привёз её на Сахалин, где они и поженились. Далее была война, и Степан воевал с японцами, как и все проживавшие там русские. А после войны, в 1947 году, они вернулись уже в переименованный город Ульяновск, где и родился пятый по счёту сын Николай.

С особой теплотой Никас вспоминает самое любимое, наверное, что есть у каждого из нас, – детство, оно было яркое и, пожалуй, самое душевное, даже если оно и было барачное. Бараки у нас обычно ассоциируются либо с немецким концлагерем, либо с нищетой и крайней степенью

ХУДОЖНИКА

падения человека. Действительно, послевоенный барак – это длинный коридор, где по двум сторонам идут квартиры – как правило, одна или две комнаты, в которых и живут все члены семьи. Кухня-печь также находилась в этой небольшой квартирке, а вот бытовые удобства были всегда расположены во дворе. Сегодня, наверное, эта картинка представляется кому-то ужасной.

Но на самом деле барак, как часто и коммунальные квартиры, – это не обязательно скученность и плохие условия жизни. Это зачастую было удивительное сообщество людей, которые дружили, ходили друг к другу в гости, справляли всем баракom, а иногда и несколькими, праздники, часто делились последним, там устраивали душевные свадьбы, именины, проводы или приходы из армии. Собирались и по печальным поводам: уход из жизни того или иного жителя.

Так что барак имел свой особый образ жизни, и для ребёнка или подростка это был целый мир, который зачастую определял его дальнейшую жизненную траекторию.

В барачных застольях еда всегда была вкусная, пусть и не всегда изысканно поданная. Вкусная, потому что всё было выращено на огородах. Тогда ещё мальчик Николай не догадывался и не думал, что когда-то станет художником. Но именно из-за некрасивой, как ему казалось, сервировки стола стал мечтать, что когда он вырастет, то станет поваром, чтобы вкусно готовить и красиво подавать.

Помимо этого, нужда и романтика заставляли детишек лазать в чужие сады, частные или колхозные, где сторожа ловили ребятишек, иногда их могли и выпороть или вслед убегающим стреляли солью. Николенька (как звала его мама) бежал к Волге отмачивать раны и так же мечтал, что станет ещё и садовником и тогда

всем будет бесплатно раздавать огромные, как у Мичурина, вкусные яблоки. Тогда кто-то из взрослых сказал, что в Москве яблони растут просто на улицах, и яблоки с них может любой человек сорвать и съесть.

Может, именно тогда у Коли Сафронова и зародилась мечта когда-нибудь жить в Москве. Потом, спустя много лет, он действительно убедился, что на Воробьёвых горах, около МГУ, есть места, где растут, как сейчас принято говорить, в свободном доступе яблоки, но оказалось, их есть совершенно невозможно, т. к. они все пропитаны выхлопными газами, свинцом, совсем как отравленное яблочко в сказке о Мёртвой царевне. Но до этого ещё было далеко.

Мама заставляла Николая и его братьев читать молитвы, кропотливо объясняла их содержание, и малышам это нравилось. А когда мама водила его в церковь, он видел красивые иконостасы, иконы, святые на них очень походили на живых людей. И ему захотелось иметь свою такую.

И вот как-то пятилетний мальчик шёл мимо школы, где была собрана школьниками-пионерами макулатура. И там Коля увидел журнал, на обложке его было изображение, которое он принял за лик Боженьки. Он вырвал обложку и принёс домой, повесил её в спальне и стал молиться на неё...

Позже он узнал, что это актриса Софи Лорен. Но она стала его иконой на всю жизнь. Таким вот диковинным образом иногда линии судьбы причудливо пересекаются.

Учёба в школе Николаю запомнилась многим, и особенно когда зимой всё время ожидали, что завтра будет мороз и занятия отменят. В те годы морозы в Поволжье часто бывали за 30 градусов, и влажность была высокая. Ложились в

семье Сафроновых спать поздно, уже далеко за полночь, а вставать надо было в 7 часов. Дети расквашивались до 7.30, и уже в полдевятого начинался урок, поэтому они постоянно недосыпали. Но когда объявляли, что мороз и занятия в школе отменяются, все тут же просыпались и вместо того, чтобы поспать или сидеть на уроках в тёплых классах, бежали на улицу, на мороз, играть в снежки или просто на коньках кататься.

Поступление в мореходное училище в 15 лет, как и некоторые другие события жизни, тоже имеет под собой литературную и мифологическую основу. Николай зачитывался книгами о пиратах и решил, что больше не хочет быть ни поваром, ни лётчиком (была и такая мечта), а стал мечтать о пиратстве. Хотел окончить мореходку и путешествовать по всем морям, стать неким капитаном Бладом. Но детские мечты в очередной раз столкнулись с реальностью – оказалось, что мореходка давала возможность стать в будущем, в лучшем случае, капитаном рыболовецкого судна, где надо было всю жизнь просто ловить рыбу и отгружать её на склад для дальнейшей продажи или переработки.

В общем, проучившись год, он понял, что это точно не его стезя, и решил переехать к тётке, она была врачом, как раз в это время уезжала работать по контракту в Сибирь и предложила ему возможность пожить у неё до армии.

Встал вопрос – «А чем же там буду заниматься?». И тут Николай вспомнил, что неплохо рисовал в школе, и учитель советовал ему стать художником. А однажды, учась в третьем классе, он нашёл в школьной библиотеке книгу «Озорные рассказы» Бальзака с иллюстрациями Густава Доре и влюбился как в писателя Бальзака, так и в художника Доре. После этого стал в блокнотах, в учебниках, на партах рисовать замки, дворцы, рыцарей, жизнь средневековых людей. А учитель рисования говорил на своих уроках: «Вы должны смотреть на мир иносказательно, не так, как он есть. Это всё уже увидели Шишкин, Васнецов, а вы изображайте своё представление о том, что вы увидели, скажем, глядя в небо. Там не просто облака, это и слон, и медведь, и дельфин, и так далее. Всё это надо увидеть, почувствовать и передать».

Позже преподаватель в училище, говорил, что если вы увидите зелень на луне, пишите её ярче, сильнее. Если на зелёном дереве увидели коричневое, то надо больше давать этого коричневого, то есть цвета надо усиливать – художник может позволить себе показать то, что другие только отдалённо почувствовали, но никак не могут передать творческими приёмами.

Пятёрки в школе по рисованию ему были обеспечены. Хотя будущий великий художник Никас Сафронов, а тогда Николай Сафронов, даже не помышлял о профессии художника по жизни и никогда не доводил свои рисунки до конца, учитель ставил ему всегда отличные оценки.

И вот с этими школьными работами он и решил попробовать поступить в училище, да ещё и в знаменитое Ростовское художественное училище имени М. Б. Грекова. Оно имело славную историю – в 1895 году благодаря энтузиазму выпускника Московского Строгановского училища А. С. Чинёнова были созданы Ростово-Нахичеванские рисовальные классы, которые многократно меняли своё название, но сохранили школу, традиции, высокий дух творчества.

В это замечательное учебное заведение Николай Сафронов сунулся со своими школьными рисунками. Как ни странно, его взяли. Члены приёмной комиссии соглашались, что у него нет специальной подготовки, но фантазией он владел отменно. Комиссия решила: пусть попробует, если не потянет до Нового года, то отчислим.

Тогда и решил Николай Сафронов всем доказать, что его приём в училище не был ошибкой комиссии, и начал очень усиленно работать.

И уже на втором курсе сокурсник Сафронова купил на всю стипендию одну из его работ. Правда, деньги они в этот же вечер вместе и потратили на пиво с раками, которые на Дону, как вы знаете, лучшие в мире.

Такой была первая продажа работы художника. Вторая же продажа состоялась очень не скоро. Но это не являлось основным источником средств для жизни. Николай Сафронов учился днём, после 15:00 работал в ростовском ТЮЗе художником-бутафором, а ночью – сторожем. Некоторое время там же рядом работал дворником, а по субботам и воскресеньям разгружал

вагоны. По окончании третьего курса решил отслужить в армии.

Служил Николай Сафронов в ракетной части в Эстонии, в городе Валге, и там основные сложности у него были на почве всё той же живописи.

Во-первых, он рисовал на боевом дежурстве и за это получал взыскания, т. к. нарушалась обороноспособность страны. Там был один капитан по фамилии Валюхов, который ловил рядового Сафронова за рисованием, отбирал эти картины и сжигал их на костре. При этом ругал его на чём свет стоит, и только когда картины догорали, он уже более спокойно говорил: «Я из тебя сделаю хорошего солдата».

А ещё в начале службы была сложность: старослужащие-срочники пытались заставить Николая рисовать для них дембельские альбомы. Сначала он делал это с удовольствием, потом стал категорически отказываться, за что его наказывали: закрывали в туалете с зубной щёткой, чтобы Сафронов там сантехнику ею чистил. И тогда Сафронов объявил голодовку. И от него отстали. В конце службы он даже получил две грамоты за хорошую службу.

После армии Николай поехал в Литву, сначала жил в родном городе матери, Паневежисе, где некоторое время работал художником в драматическом театре под руководством Д. Баниониса, параллельно также на льнокомбинате, затем переехал – в Вильнюс. Проучившись там по классу дизайна, через три года переехал в Москву на постоянное место жительства.

И хотя искусство всё ещё кормило художника слабо, он всё время находил различные дополнительные приработки, к которым можно отнести и так называемый бизнес. В 90-е годы половина страны занималась именно этим промыслом.

Так или иначе, но благодаря этому удалось накопить деньги и купить в те годы собственную квартиру, что было почти нереально молодому человеку в советское время. А потом появились условия не только для жизни, но и для работы уже в собственной мастерской. Переезд в Москву был отчасти спонтанным.

Один товарищ, Володя Мительман, сказал: «Никас, если ты хочешь состояться как художник, то надо ехать жить в Москву». И хотя Мо-

сква была далёким и не очень вначале желанным для Никаса городом, с 1983 года он стал жить в столице, в которую вскоре влюбился без памяти.

Вначале он жил в Тёплом Стане, в те годы – на окраине Москвы.

А далее Никас переехал уже в центр, на Малую Грузинскую, где и началась его основная творческая деятельность и знакомство с большим миром, миром центра города.

А осознал Никас, что стал художником, когда учился на 4-м курсе института уже, не училища, а института, а до этого всё время думал: «Я художник по профессии, но всё-таки я не хочу им быть всю жизнь. Возможно я ещё что-то найду по душе». Внутри, во всяком случае, до конца ещё себя художником не чувствовал.

И вот однажды в своём, наверное, тогда пророческом сне он увидел, как идёт по галерее, где висят его картины, которые в реальности он ещё не написал. А рядом идёт старик и делает всё время замечания: «А здесь у тебя свет неправильный». Никас: «Согласен». – «А вот здесь у тебя с графикой не так...» – «Вот здесь я не согласен». Спорили всё время, в один момент Сафронов обернулся за советом, а старик куда-то исчез. Он поднял голову вверх и увидел, что старик улетает и что это не просто старик, а сам Леонардо. И тут он закричал: «Леонардо, куда ты?» На что старик молча бросил ему странный шар, который Никас поймал. И вдруг он проснулся и понял, что внутренне состоялся как художник.

Наконец пришло осознание, что нужно и дальше заниматься и развиваться в искусстве. Тогда, да и позже, он не стремился быть известным. Просто хотел быть профессионалом. Но со временем профессионализм привёл к успеху. Любой секрет успеха один – труд, поиски и не щадить себя, не расслабляться. И быть бесконечно ответственным в своих обязательствах.

Исторический опыт показывает, что искусство может менять мир. Если нет искусства в стране, то нет и государства как такового. Исторически сложилась схема – в богатом государстве всегда будет процветать и культура. Были моменты в истории, когда «будет хлеб, будут и песни» и т. п. Иными словами, иногда

приоритет отдаётся материальному, а искусство, в полном соответствии с учением Маркса, мыслится как надстройка. Но искусство не надстройка. Когда развито искусство, культура, то и государство сильное и богатое.

Необходимо пояснить некоторые моменты творчества Никаса Сафронова. Обратимся непосредственно к картинам. Фактически всю жизнь Никас занимался символизмом, а это значит, что он не только интуитивно зашифровывал в своих картинах послание, но постоянно разрабатывал собственный язык. Человек, который посмотрит только одну его работу, вырванную из контекста всей живописи, ухватит только небольшую часть её смысла.

Как говорил великий русский художник Филонов, «интересен не только циферблат, но и механизм, и ход часов». В этом смысле циферблат – это картина, нечто законченное само по себе, но за ней кроется целый механизм внутреннего содержания, она встроена в контекст живописи автора и в конечном счёте в контекст мировой живописи.

Зачастую живопись способна рассказать историю языком, казалось бы, чистых эмоций. Один маленький пример: однажды Никаса попросили написать полотно в память 11 сентября, когда в результате авиаатаки террористами были разрушены два высотных здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Но он написал не падающие башни, а плачущего ангела, сидящего на развалинах.

Если бы написал башни-близнецы и кричащих вокруг людей – это была бы история конкретной трагедии, а он написал историю всех трагедий, которые происходят на земле. А написав своих Барбару и Сигизмунда, Никас создал ещё одно отражение этой истории любви, а зритель может при этом увидеть что-то своё – и не конкретных исторических персонажей, а то, что созвучно только ему. Так многие истории перетекают друг в друга, многократно отражаются и уже становятся неотъемлемой частью культуры разных веков и народов.

Созданный Никасом Сафроновым стиль под названием Dream Vision не мог появиться, если бы он не опирался на знание классической школы.

Эта техника и стиль прочно основаны на знаниях и школе, которую он изучал долгие годы. Но при этом он активно использует всё своё воображение, и интуицию, и подсознание. Dream Vision возник, с одной стороны, как бы случайно. Первый толчок был, когда Никас приехал в Помпеи как турист. Его потрясли полустёртые росписи на стенах, и там начал плакать ребёнок. Многие, кто был рядом, решили, что это кошки кричат. Но экскурсовод сказал, что это плач ребёнка, который попал в коридор времени, после того как 2 000 лет назад было извержение вулкана. Этот звук слышится время от времени уже долгие века. На художника это произвело сильное впечатление. И когда он приехал в Москву, то полустёртые настенные росписи стали всплывать в воображении. Он попытался их по памяти воссоздать, и так стал рождаться этот неповторимый стиль.

Много есть интересного и в жизни, и в творчестве нашего героя. И чтобы понять хоть частицу его подсознания, которое выливается на его полотна, нужно изучать историю искусства, культуру разных народов. И тогда нам, зрителям, интереснее будет жить с тем человеком, который обогащает наш мир.

Анатолий ТРУБА,
д. э. н., профессор

НАУКА СЕРДЦА

СЛОВО О СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Мы с тобою лишь два отголоска:

Ты затихнул, и я замолчу.

М. Цветаева

Татьяна получила приглашение на международный форум и в предвкушении встречи с коллегами, обсуждения современных проблем приступила к оформлению материала по заявленной научной проблеме. В финансировании поездки от вуза на научный форум был вновь получен отказ. Неудачи никак не сломили её, а, напротив, от прочитывания бесхитростных, простых по содержанию кантов получала

внутреннее равновесие и желание работать. Встречи с единомышленниками окрыляли и как будто привносили в обычный рацион живую надежду на научное сотрудничество в будущем.

Прошло почти полвека с её первого посещения этого вуза. Стремление учиться было колоссальным. На научном пути, как на ковровой зелёной дорожке, встретились корифеи,

авторитеты медицинской науки. Наверное, так устроен человек, что мысленно можно общаться с ушедшими учёными. Конечно, нельзя считать, что молодое поколение – «сухие рационалисты» и карьерные скептики, но всё же удивительно, как иногда легко можно согласиться на высокое место в обществе, не имея никаких данных, а потом, обладая властью, не созидать в полном смысле, а старательно разрушать. И какими пророческими становятся слова «В мире скорбны будете» (Ин. 16, 33).

Удивительно то, что, не имея практически свободного времени, всё-таки удавалось заниматься наукой с думающим студенчеством и аспирантами, радоваться защитам выпестованных кандидатов и докторов. И это несмотря на то, что при нагрузке профессора на 0,25 ставки приходилось выполнять огромный пласт полностью аудиторной нагрузки, участвовать в работе диссертационных советов и поддерживать гранты. При этом постоянно нужно подтверждать свой профессиональный уровень, проходя переподготовку, занимаясь часто на платных курсах в четверть своей зарплаты. И всё-таки путь в науку не спонтанный, а длительный усердный труд. Ситуация с коронавирусом показала, что важно не только победить болезнь, но и вернуть человека к жизни.

Ровной гладью с отдельными изгибами лежал её путь к матушке Серафиме. Татьяна переключила скорость, впереди ещё один спуск, трасса изгибалась змейкой, сужалась. Значит, начинается плавный переход на скорость не более 60 км/ч. Новенькая Toyota Avensis устраивала её во всех отношениях. Дорога успокаивала, можно привести мысли и чувства в гармонию.

Прошедший год оказался непростым и послужил хорошим уроком, и ей захотелось перейти в другое состояние – от насыщенных приёмов, научных конференций различных уровней, презентаций – к познанию себя изнутри.

Среди многочисленных храмов Верхотурья она любила Свято-Покровский женский монастырь. И именно к одной иконе, «Умиление», всегда был прикован её взор.

Мысли быстро переключались с одного события на другое. Стучало в висках, а сердце билось ужасно. ...Вот она вошла в комнату, где заседала комиссия, и кто-то воскликнул: «Интересно посмотреть на эту юную даму – монстра в медицине!» И всё из-за того, что отстаивала строго научные интересы. Ей хотелось объяснить, ответить кратко, что признаёт единственную ошибку – то, что решила проводить совещание только со специалистами. При чём тут присутствие клерков? Она понимала, что давить на администрацию нельзя, но *интересы дела были для неё на первом месте*. И только впоследствии она поняла, что, если бы её убрали из микрокардиохирургии, то она потеряла бы *всё и в науке, и сейчас, в практике, чем жила, что любила до фанатизма*.

Вот перед глазами обычная рабочая обстановка. Татьяна редко заходила отдыхать в ординаторскую и после утомительного ночного дежурства, конечно, задремала. Вдруг вбегает перепуганная медсестра и кричит: «У пациентки клиническая смерть!» А это значит, что даётся всего лишь две-три минуты – и на искусственное дыхание, и на наружный массаж сердца. Она молниеносно выбежала в чём была, понимая, что отвечает за две жизни. В таком виде и реанимировала.

Татиана, так ласково называли самые близкие, старалась не отвлекаться. Всего полгода как получила долгожданные права. Водитель из неё, как сама считала, не ахти какой. С целью безопасности того, перед кем была в ответе, она и решилась на такой шаг. Её обижали пациенты за непредвзятость и даже за сдачу на права без особого влияния. Да, сдать удалось со второго раза, но зато без влиятельного вмешательства.

Мысли достигают сердца, кажется, что никуда от них не деться. Она сделала маленький перерыв, отъехав от города километров 150. И вот всего-навсего десять минут, а кажется, что стоишь тут давно, глядя прямо в глаза солнцу, и впитываешь его неудержимый оптимизм. Удивительное всё-таки у солнца свойство – *смягчать и раскрывать Душу*.

Светлые дни, они и людей делают другими, более доброжелательными, что ли. Она и этой поездкой хотела помочь своим самым родным, в том числе и ставшему в какой-то момент чужим мужу. Да, он любил её безумно, по своим понятиям. «Мы тогда оказались в одной компании», – улыбался, вспоминая первую встречу. Они пришли к друзьям, каждый со своими знакомыми. А увидев бездонные и глубокие глаза Татьяны, невозможно было не «утонуть» в них. Татьяне понравились его одарённость и чувство юмора, которые сейчас, казалось, погасли и мешают жить и справляться с проблемами. Он сгорал от ревности к каждому её успеху в науке как возможному объекту, терял голову и демонстративно пренебрегал её чувствами. Предчувствовали ли они, что из этого получится? Нет, конечно! В 21 год не думаешь, за кого выходишь замуж, за студента-медика или за выдающуюся личность. Просто любишь и хочешь быть счастливой, до конца дней, до окончания века.

Её семья... Какая она, задавала мысленно обычный вопрос. Они были почти неразлучны. Ещё она помнит слова сына, а потом внука: «Бабушка для меня не профессор, не международный академик, не доктор медицинских наук и не почти главный кардиолог большого города. Для меня ты – самый дорогой человек и большой друг, который играет нам с друзьями-учениками свою музыку». Наверное, в этой последней фразе были самые искренние и драгоценные слова, почти как исповедь. Чтобы не разрыдаться, она приостановилась. Она бесконечно любила единственного внука Ники и то небольшое свободное время, когда она провожала мальчика в спортивные секции, на музыку, и при этом всегда в перерывах не расставалась с ноутбуком. Научные помыслы были состоянием её души, смыслом жизни.

И вдруг пожалела, что внезапно приняла решение побывать в монастыре без своих кровиночек. Возникло острое обжигающее чувство вернуться.

* * *

Трасса резко изменилась и дала крен вправо. Татьяна замедлила ход.

Нет, она твёрдо уверена, что справится. Это потрясающе – вернуть человеку вновь жизнь. Вот он, казалось бы, бессильный, сдавшийся под напором переживаний и жизненных обстоятельств, лежит перед тобой, почти обнажённый. И ты должна сконцентрироваться, забыть про свои собственные переживания и обстоятельства, приложить все знания и талант, чтобы этот человек выжил, вернуть его к жизни. Она вновь и вновь, в очередной раз, убеждалась, как это важно.

Достаточно ли врач, в конце концов, силён духом, чтобы брать на себя чужие страдания, ведь, по большому счёту, нет более православной профессии, скорее миссии, чем Врач.

Впереди открывались бескрайние просторы, и уже отдалённые купола верхотурских монастырей зазвучали, как от лёгкого взмаха кисти живописца. И ей вновь и вновь, как в соцветии радуги, являлись новые научные гипотезы как лечащему врачу, педагогу с постоянным поиском истины в науке. Сердце подсказывало, что можно выехать за свой счёт на международный форум, представить новое явление детище, ведь научная точка зрения имеет большое значение как в теории, так и в практике.

Галина БУТКО,
д. э. н., профессор.
Екатеринбург – Верхотурье – Лобва

ПОРТРЕТЫ ИМЕНИТЫХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ЕЛАНСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Многие страницы истории Волгоградской области связаны с фамилиями именитых россиян. Некоторые из них владели огромными земельными вотчинами, другие посещали наш край, о чём свидетельствуют названия многих населённых пунктов и мест. В разное время здесь побывали Пётр I, А. В. Суворов. Поволжскими землями владели: полковник Себряков, астраханский генерал-губернатор Бекетов. На минеральных водах в районе Сарепты лечились братья графы Орловы, граф К. Г. Разумовский, генерал Н. И. Бахметьев, князь П. А. Вяземский. Об этих фактах имеются многочисленные и интересные публикации. Однако практически не встречаются сведения о семье одних из самых крупных землевладельцев – Нарышкиных, связанных родственными узами с царствующей фамилией.

В начале XIX века слобода Елань и другие селения были заложены в Заёмный банк. Оказавшись неплатёжеспособными, Нарышкины предложили своим крестьянам вольную за выкуп. Помещик «Обер-Камергер двора Его Императорского Величества Александр Львович Нарышкин уволил 2973 души мужского пола по седьмой ревизии с женами их и детьми обоего пола, как в ревизию записанными, так и после оной рожденными, исключая вдов и девок, выданных в замужество в другие вотчины». Так наши прадеды, крепостные крестьяне, стали «вольными хлебопашцами» за полвека до отмены крепостного права в России. Но более чем 200-летняя история Елани была связана с фамилией её владельцев. Нарышкины – старинный род, представители которого оставили

значительный след в российской истории, чем и вызвали тот интерес, который хочется передать уважаемым читателям. Поскольку два события являются главными фактами в истории земли Еланской: первое – закрепощение крестьян в конце XVII века и второе – жалование «вольной», вернее, выкуп на волю в начале XIX века – то и хронология данного исследования ограничена соответственными временными рамками.

Первоначально возникает вопрос: почему Пётр I передал огромную вотчину размером в полмиллиона десятин земли именно Льву Кирилловичу, а не главе рода Нарышкиных, своему деду по матери – Наталье Кирилловне Нарышкиной – боярину Кириллу Полуэктовичу или старшему дяде Ивану Кирилловичу Нарышкиным? Боярин К. П. Нарышкин (1623–1691) после рождения внука Петра в 1672 году был пожалован своим зятем, царём Алексеем Михайловичем, в окольничие, но в 1682 году, во время стрелецкого бунта, по настоянию стрельцов был пострижен в монахи и под именем инок Киприяна сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где и скончался в 1691 году. Иван Кириллович Нарышкин (1659–1682), старший из братьев, был убит в 1682 году во время стрелецкого бунта, организованного Софьей и Милославскими: на глазах юного Петра он был брошен на копья стрельцов, так же как и другой его брат, Афанасий Кириллович Нарышкин.

Лев Кириллович Нарышкин (1664–1705) пользовался особым расположением своего крестника – племянника. С 1689 года он заведовал Посольским приказом, а во время отъезда Петра I за границу был назначен первым членом боярского Совета четырёх, фактически управлявшего Россией. Как мы видим, еланские земли в конце XVII века принадлежали второму лицу в Российском государстве. Любимцем Петра I был также и следующий еланский вотчинник – сын Льва Кирилловича Александр Львович Нарышкин (1694–1745). Двоюродный брат российского императора, он, так же как и Пётр Алексеевич, путешествовал по Германии, Франции, Италии, учился мореплаванию в Голландии и в 1724 году был назначен директором

*Пётр Никитин (вторая половина XVII в.).
Портрет Натальи Кирилловны Нарышкиной,
матери Петра Первого. Находится в
Таганрогской картинной галерее*

Морской академии. После смерти Петра I вражда с Меншиковым привела А. Л. Нарышкина к ссылке, и только в царствование племянницы Петра I Анны Иоанновны он был возвращён ко двору, в 1731 году назначен президентом Коммерц-коллегии, а впоследствии был определён президентом дворцовой канцелярии и директором императорских строений и садов. В конце XVIII века его внук и полный тёзка Александр Львович Нарышкин (1760–1826) стал владельцем еланских земель, на что указывается в «Экономических примечаниях к планам Генерального межевания Аткарского уезда Саратовской губернии за конец XVIII в.»: «Слобода Новодмитриевская, Елань тож с хутором Дубовым, владения... обер-камергера и разных орденов кавалера Александра Львовича Нарышкина... Грунт земля имеет местами черноземный, глинистой, солонцеватой... Хлеба родит рожь, овес, пшеница, проса, конопля. Сенные покосы – травой хороши. Лес растёт дровяной, листвяной. Крестьяне состоят на положенном помещичьем окладе, платят господину в год с душ по ста рублей, земель запахивают все на себя».

А. Л. Нарышкин был директором императорских театров при Екатерине II, Павле I, Александре I, а также «главным директором

А. Х. Ритт. Портрет Александра Львовича Нарышкина. 1790-е гг.

над зрелищами и музыкой». Как свидетелями являются источники, художественное развитие театрального дела достигло при нём значительных результатов: было установлено строгое наблюдение за тишиной и порядком на сцене, воспрещён вход на сцену поклонников и посторонних лиц, но самое главное административное нововведение состояло в том, что разрешалось «установление концертов во время Великого Поста». По другим сведениям, главный директор Императорских театров «театральными труппами пользовался для своих домашних развлечений», а также «не отмечался беспристрастием и справедливостью» в отношении к актёрам. Среди современников Нарышкина бытовали рассказы и анекдоты, повествующие о «занимательных историях, которые случались с обер-камергером Нарышкиным». По рассказам актёров, Нарышкин «при всегдашнем безденежье, расточительной жизни имел обыкновение частенько задерживать у себя подолгу суммы, отпускаясь на содержание театров и жалование артистам». Французский танцор Дюпор, «первостепенная хореографическая знаменитость», однажды отказался выходить на сцену Большого театра «до тех пор, пока дирекция не уплатит ему должных денег». Как злословили современники, «требуемая сумма оказалась в наличии только по счастливой случайности». Деньги были вручены Дюпору, он выступил на сцене и в «тот вечер очаровал публику больше, чем когда-нибудь».

Другой французский актёр – комик Калан – «попал в такую же беду томительного и долгого ожидания». Он попробовал другое средство: написал директору свою просьбу в стихах. Нарышкин, всегдашний любитель остроумных выходок и сам бонмотист, был очень доволен посланием и распорядился немедленно удовлетворить просьбу находчивого актёра. Доходы, которые Нарышкин получал от своих еланских вотчин, были малой каплей в море дорогих и блистательных развлечений обер-камергера при императорском дворе. Поэтому заложены были не только крепостные крестьяне слободы Елань, но даже высокие государственные награды. Так, в 1810 году государь Александр I пожаловал Нарышкину Андреевский орден с бриллиантовыми украшениями стоимостью 30 тыс. руб. Новополученный кавалер, вечно нуждавшийся в деньгах, поспешил этот орден заложить. Однако при дворе был объявлен приём, на который следовало явиться при всех регалиях. И тогда Нарышкин (не зря он был связан с театральной и актёрской средой), пустив в ход обаяние, убеждения, просьбы, любезности, убедил камердинера Александра I одолжить ему на время приёма звезду самого государя. По форме бриллиантов император узнал свой орден и обратился к Нарышкину: «Не знаю, кузен, ошибаюсь ли я, но скажу вам прямо: полагаю, что это моя звезда, сходство с нею просто поразительно». Ошеломлённый придворный признался в своих проделках, прося для себя заслуженной кары, а для царского камердинера – помилования. Снисходительный Александр милостиво успокоил кающегося директора императорских театров: «Успокойтесь. Мне самому не приходится уже употреблять этот орден, а остаётся подарить его вам, с условием, чтобы я впредь не подвергался подобным заимствованиям моих вещей». И у А. Л. Нарышкина появился ещё один орден Андрея Первозванного с груди самого царя и стоимостью 60 тыс. руб. Но судьба этой награды нам неизвестна.

Владелец еланских земель обер-камергер А. Л. Нарышкин был женат на Марии Алексеевне Сенявиной (дочери известного адмирала). Известна судьба троих детей, родившихся в бра-

П. Э. Строли. Портрет Марии Алексеевны Нарышкиной (урождённой Сенявиной) с ребёнком. 1790-е гг.

ке Александра Львовича и Марии Алексеевны Нарышкиных. В 1785 году у супружеской четы родилось двое детей – сын Лев и дочь Елена. Доподлинно мы не знаем, были эти дети погодками или родилась двойня. В следующем, 1786 году родился ещё один сын, который, так же как и Лев, был назван ещё одним фамильным именем – Кирилл.

Лев Александрович Нарышкин (1785–1846) – генерал-майор, герой Отечественной войны 1812 года, участник Бородинского сражения, заграничного похода, завершившегося победоносным маршем в Париже. Его портрет висит в Военной галерее Зимнего дворца, которая включает 332 портрета русских военачальников, написанных английским портретистом Джорджем Доу. Среди героев есть также портрет Матвея Ивановича Платова, генерала от кавалерии, атамана Войска Донского.

Лев Александрович Нарышкин получил домашнее воспитание. До 14 лет юношу воспитывал некий аббат Николя. Затем молодой аристократ был пожалован в действительные камергеры и был на службе при дворе. За годы военной службы находился в Преображенском, лейб-гвардии Гусарском, Изюмском гусарском полках. В 1812 году участвовал в Смоленском и Бородинском сражениях, был ранен в руку

Дж. Доу. 1822-1823 гг.
Лев Александрович Нарышкин, генерал-майор

и голову. После того как французская армия заняла Москву, проник в столицу, но был схвачен и арестован французскими властями, допрошен генералом Мортье, а затем и самим Наполеоном. Император направил пленного во Францию, но того под Витебском отбили казаки. Вместе с летучим отрядом из трёх казачьих полков (иногда их называли отдельным партизанским отрядом) участвовал в сражениях при Бауцене, Берлине, Гросс-Беерене, Денневице.

Дочь А. Л. Нарышкина – Елена Александровна Нарышкина (1785–1855) – была красивейшей женщиной своей эпохи. Её портрет кисти В. Л. Боровиковского, находящийся в Третьяковской галерее, известен не только посетителям музея, но и любителям шоколадных конфет кондитерской фабрики «Красный Октябрь». Помните, в 70–80-х годах XX века «конфетной» стала целая галерея портретов россиянок, «знаменитых в истории или достойных сей чести», работы не менее известных художников: Левицкого, Боровиковского, Тропинина?..

В 1800 году юная фрейлина Нарышкина вышла замуж за князя Аркадия Александровича Суворова. Брак этот был, однако, непродолжительным и вряд ли счастливым. Сын великого полководца был одарён от природы большими способностями и лучшими

В. Л. Боровиковский. Портрет княгини Елены Александровны Суворовой-Рымникской. Холст, масло. 1799 г.
Государственная Третьяковская галерея

качествами ума и сердца, но, подобно отцу, имел некоторые странности и не был создан для семейной и домашней жизни. Впрочем, юная светлейшая княгиня Елена Александровна Итальянская, графиня Суворова-Рымникская, не унывала и не мучила себя скукой. Поэт С. Н. Марин, влюблённый в Елену Александровну и осуждавший поведение её мужа, увлечённого охотой и часто забывавшего молодую жену в погоне за зайцами, не одобрял её равнодушия к мужу. «Кузина сделалась хоть брось, – писал поэт своему другу М. С. Воронцову в 1807 году, когда русские войска уже участвовали в сражениях с Наполеоном, – нельзя описать, что она делает. В этот день, когда получила известие, что муж ранен контузией в голову, она поскакала в маскарад». В 1811 году, всего 26 лет от роду, княгиня Суворова осталась вдовой с четырьмя малолетними детьми, но отзывы современников о Елене Александровне оставались восторженными: «Она соединяет в себе с замечательной красотой природную живость ума и обаяние нежной возвышенной души».

В 1814 году в Вене проходили непрекращающиеся балы всех европейских императорских дворов, победивших Наполеона. Директор Императорских театров А. Л. Нарышкин с семьёй во время Венского конгресса состоял при им-

ператрице Елизавете Алексеевне, венценосной супруге Александра I. На блестящих балах и праздниках, которыми сопровождался этот небывалый съезд императоров, королей и принцев всей Европы, княгиня Суворова благодаря своей красоте и любезности привлекала общее внимание и занимала видное место между красавицами венского двора и высшей европейской аристократии. Как в европейских столицах, так и на водах в Германии, где она проводила летние месяцы, Е. А. Суворова вела светскую жизнь и имела много друзей и поклонников. Она обладала хорошими музыкальными способностями и приятным голосом: Жуковский наслаждался её пением, а Россини написал в её честь кантату, которую потом включил в финал второго действия оперы «Севильский цирюльник». В 1823 году княгиня Суворова вступила во второй брак с князем Василием Сергеевичем Голицыным (1795–1856), действительным статским советником и камергером, и остальную часть своей жизни провела на юге в России, в Одессе и Симферополе и в крымском имении мужа Василь-Сарай, наслаждаясь тихим домашним счастьем с молодым супругом. Скончалась она в декабре 1855 года в Одессе, где и похоронена. Князь Голицын пережил её на несколько месяцев.

До самых последних дней жизни, почти потеряв зрение, княгиня Голицына сохранила свежесть ума и чарующую приветливость, которые делали её приятной и интересной собеседницей. Она была другом Жуковского и состояла в постоянной переписке с поэтом-слепцом И. И. Козловым. В издании великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII–XIX столетий» есть упоминание о том, что А. С. Пушкин посвятил княгине Е. А. Голицыной стихи «Давно об ней воспоминанье», датированные 1823 годом. Но в посвящении не совпадает первая буква инициалов: «Кн. М. А. Голицыной».

*Давно об ней воспоминанье
Ношу в сердечной глубине,
Её минутное вниманье
Отрадой долго было мне...*

Младший сын А. Л. Нарышкина – Кирилл Александрович (1786–1838) – обер-гофмаршал двора, член Государственного совета, от своего родителя, который был директором Императорских театров и знал весь цвет литературно-аристократического Петербурга, унаследовал любовь к театру, художественный вкус, способность остроумно импровизировать и каламбурить. Эта важная особенность его личности отмечена в дневнике А. С. Пушкина. Двоюродный племянник К. А. Нарышкина граф В. А. Соллогуб писал в своих воспоминаниях: «Отец мой был церемониймейстер и приводился двоюродным братом обер-гофмаршалу Кириллу Александровичу Нарышкину, вельможе большой руки, наружности барской, по уму и остроумию замечательному. Летом на даче в Сергиевском за Ораниенбаумом он подолгу принимал у себя известных актеров, поэтов, литераторов... Жили у него постоянно пиит Ераков (поэт Г. В. Гераков. – Г. Б.), писатель поэм во вкусе Тредьяковского, толстый и лысый драматический писатель князь Шаховской. Ими Нарышкин тешился. У себя был гостеприимен и весел, впрочем, жил не роскошно, но в свое удовольствие. В Петербурге он с семьей жил в Зимнем дворце на существующей поныне обер-гофмаршальской квартире». Супруга К. А. Нарышкина – Мария Яковлевна Нарышкина (1789–1854) – была дочерью малороссийского генерал-губернатора, обер-камергера, члена Государственного совета Я. И. Лобанова-Ростовского, «весьма симпатичная дама и всеми уважаемая».

Среди последующих отпрысков рода Нарышкиных наиболее известной будет одна из внучек А. Л. Нарышкина – Александра Кирилловна, названная в честь деда (дочь К. А. и М. Я. Нарышкиных). А. К. Нарышкина (1818–1856) вышла замуж за графа И. Воронцова-Дашкова, о чём писал её родственник, кузен, граф В. А. Соллогуб: «Самым блестящим, самым модным и привлекательным домом в Петербурге был в то время дом графа Ивана Воронцова-Дашкова благодаря очаровательности его молодой жены прелестной графини Александры Кирилловны... Много случалось встречать мне на моем веку женщин, гораздо более красивых, может быть, даже более

Джордж Доу. Портрет княгини Марии Яковлевны Нарышкиной. Холст, масло. 1822 г.

умных, хотя Воронцова-Дашкова отличалась необыкновенным остроумием, но никогда не встречал я ни в одной из них такого соединения самого тонкого вкуса, изящества, грации с такой неподдельной веселостью, живостью, почти мальчишеской проказливостью... Живым ключом была в ней жизнь и оживляла, скрашивала все ее окружающее. Много женщин впоследствии пытались ей подражать, но ни одна из них не могла казаться тем, чем та была в действительности».

Еланскими землями, жизнями и судьбами наших прадедов некогда владели представители старинного русского рода, потомки которого в нашем крае вряд ли отыщутся.

**Геннадий
БЕСПАХОТНЫЙ,**
академик РАН,
д. э. н., профессор

Наталья АДЛЕР

Профессиональный журналист со стажем работы 40 лет, член Союза журналистов СССР, ныне России, Международного союза писателей «Новый современник», Российского союза писателей, Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП), выпустила 14 книг (поэзия, проза, в т. ч. три книги для детей: стихи-раскраски, стихи, стихи-загадки).

Дважды номинирована на литературную премию «Поэт года», пять раз – «Наследие», награждена звездой «Наследие» третьей степени, медалями «Анна Ахматова» и «Георгиевская лента». Соавтор литературно-художественных альманахов «Созвездие», «Память храним» (Беларусь), международных сборников из серии «Библиотека современной поэзии» (редактор Лариса Кузьминская, Москва), альманаха «Мельница» (Россия), германского альманаха «Семейка» и др.

Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы – 2019». Награждена медалью этого конкурса.

ЛЮБОВЬ – НА ТРОН!

Вселенная мудра, великодушна
И блага нам радушно все дала,
А мы порой её, друг друга душим
И тонем в море мерзости и зла.

И нарушаем с наглостью законы
Её, не понимая, что творим...
И смотрит Бог задумчиво с иконы...
Его завет: люби и будь любим.

Нам надо помнить: на Земле мы гости,
А если перестанем дар ценить,
То сгинем все! И будут наши кости
Потомкам о безумстве говорить.

Вселенной не нужны её убийцы,
Она без нас прекрасна и чиста!
Любовь – на трон! Пора остановиться
И жизнь продолжить с чистого листа.

КАЙСЯ, ЛЮД!

Дни летят, бегут недели, месяцы и годы,
Но порой не понимаем мы язык природы...
Жизнь листает календарь так неумолимо,
Сыплет времени песок ласково, незримо,
С теми же, кто зол, жесток, жизнь непримирима.

Всех природа кормит, поит,
только просит скромно:
Берегите Божью милость – этот мир огромный.
Но взращённые во тьме, злобе и безверье
Есть безумцы на земле, кто подобно зверю,
В руки взяв над всеми власть,
в ад откроют двери...

Пусто станет на планете солнечной, прекрасной,
Нас она предупреждала запредельно ясно:
Наводнения, огонь и землетрясения,
Смерти сплошь, болезни, вонь.
Час настал прозренья!
Кайся, люд, чтоб наступил
светлый День Прощенья!
Жизни Воскрешенья!

РУСЬ ВЕНЧАЕТ

Васильковые просторы,
Зелень шёлковых лугов,
Алых лепестков узоры,
Серебристый звон подков.

А тальяночка выводит
Колокольчик-голоса!
Божья благодать нисходит.
Шлют любовь нам Небеса.

Родниковые напевы
Под есенинской ветлой.
И величием королевы
Русь венчает нас с тобой.

БЕРЁЗА

Берёза косы распустила,
Себя в серёжки нарядила.
Из лепестков венки плела,
Под сень свою меня звала.

В её уют легла на косы,
Вкусила с трав хмельные росы.
– Ты сердце красотой пленила,
Меня на песню вдохновила!

Пусть восхищение не ново,
Как превзойти Сергея слово?
И всё же славить я берусь
Берёзы и родную Русь!

ДАР

Не лучше ль радоваться жизни,
Что Бог даёт нам в мирный день,
Чем слёзы лить до самой тризны
И видеть лишь кошмара тень?

Всем солнце светит на планете,
Дарует ласково лучи.
Но вряд ли злой добро заметит,
Куя беды-войны мечи...

Что новый век тысячелетья
Несёт всем людям на Земле?
И каждый человек в ответе,
Под солнцем жить или во мгле.

Зову я в радости купаться!
Дарить любовь и сердца свет!
Вовеки жизнью наслаждаться!
То – Божий дар, что выше нет!

СОЛОВЬИ И АИСТЫ

Переполюет чувств тепло,
И льётся радость встречи с ними.
В душе моей опять светло
И ясно – стали мы родными!

Ах, белорусочки мои,
Идём одной дорогой мира.
И пусть России соловьи
В Полесье тронут струны лиры.

А ваши аисты несут
В страну берёз любви приветы.
Сияет творческий салют
В «Созвездии» миров поэтов.

ГОРОД ПЕТРА

Питер светится морем огней,
И, своей красотой маня,
Раствориться зовёт он меня
В куполах златоглавых церквей.

Пропитаться тем духом святым
И мятежностью грозных времён,
Когда камни кровавые стон
Издавали... И памяти дым

Не рассеялся, в сердце та нить.
Колокольный звучит блавест
И зовёт познавать тайны мест,
Чтоб истории ход изменить.

Чтобы здравствовал город Петра,
Чтобы жил миллионы веков,
Удивляя друзей и врагов!
Чтобы вечно шла мира пора!

В ПАЛЕСТИНЕ

Граница Иордании. Дальше Палестина. Нет. Дальше Израиль, в котором Палестина лишь неустойчивая автономия сего государства. Чиновник израильского посольства, с которым Олег Бавыкин вёл переговоры о въезде в Палестину, со злостью сказал: «Такой страны нет». Нас сразу поставили на место, указав на второстепенность пригласивших нас палестинцев. А отсюда – нет визы через Тель-Авив, главные авиаворота Израиля. Существенную разницу во въезде через закоулок мы почувствовали сразу.

Никакого имиджа свободного, открытого, либерального государства нет. Объясняем, что писатели, едем на международную встречу. Не важно. Получасовое ощупывание, выворачивание карманов, выкладывание авторучек и очков встречаем с пониманием. «Безопасность». Отдал фотоаппарат – положил капсулу с валидолом. Требуя снять ремень. Держу

брюки руками. Начинаю заводиться. Ну, может, на это и рассчитывают. Чемоданы с книгами и портфели с водкой просвечивали долго. Во втором зале выдают временные визы только на территорию палестинской автономии. «Моргнул многозначаше глаз носильщику». Визы выдали, а вещички водворяют на стол, и начинается длинное перетряхивание трусов, рубах, плавок, просмотр, судя по всему, опасной «Роман-газеты», по дешёвой бумаге смахивающей на ленинскую «Искру». («Завтра» не провозил.) Палестинцев, иорданцев давно уже пропустили, а русских писателей держат уже второй час. «Большая разрушительная сила!» Всерьёз спрашивают (почти все землячки – говорят по-русски): «Не везёте ли оружие, взрывчатку?» Дорогие, да вы уже три раза просветили чемодан рентгеном, неужели американская техника столь неэффективна? С самонадеян-

ным вызовом буркаю: «Наше оружие – слово». Переглядываются. Каменеют. Чувствую, что подтверждаю заключённую в нас опасность.

«Можете ли нести ответственность за то, что в вашем кофре?» Сержусь. «Да, могу, если ничего не подложили». Переглянулись. «Можете ли перечислить всё, что там находится?» – «В основном могу». – «Почему в основном?» Злюсь: «Да потому, что профессору университета необязательно помнить, куда положила ему носки жена». С удовлетворением переглядываются. Приказываю: не заводиться, шмон идёт целый час. Был в 40 странах мира, оказывался там в опасных ситуациях, во время переворотов, убийства Кеннеди, ГКЧП, чрезвычайных обстоятельств и положений, но такого обшаривания и обнюхивания не встречал. Помню, какой гвалт поднимали бывшие соотечественники, когда их задерживали на нашей границе с русскими иконами и антиквариатом: «Железный занавес! Где права человека? Попранье демократии!» Да уж, тут, на реке Иордан, демократией и не пахло. Для нас, по крайней мере. Удовлетворяюсь лишь тем, что читают, ибо демонстрируют знание того, что написали я и Юра Поляков. Но неужели это им кажется на уровне «Красных бригад»? Через три часа выпускают. Случайно (?) услышанная фраза: «Зря их так, как палестинских бандитов». Контроль палестинских пограничников проходим моментально. Выходим к автобусу, где уже давно сидят иорданские и палестинские писатели. Они встречают нас аплодисментами и виноградным соком, как узников. А нам бы хлопнуть по рюмашечке родненькой. Ладно, будем уважать местные обычаи. Уже три часа уважаем.

Едем. Каменистые холмы, низкие горы, небольшие стада овечек. Узкий Иордан, заросли и кущи. Всё в первый раз, и всё знакомо. Оттуда, из тысячелетий. Так и кажется: вон там, над горой, пролетит архангел Гавриил, пройдёт с посохом апостол и прозвучит: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога». Или загремят трубы и рухнут стены недоверия и отчуждения. Трубы не загремели, но Иерихон – вот он. Заполненный машинами, велосипедами, громко

взывающими к прохожим продавцами снеди, лепёшек, кебабчиков. Город типично восточный. Это город палестинской автономии. Тут палестинцы чувствуют себя не париями, а ответственными хозяевами. А вот интересная надпись: «Государственная собственность России». Да, это бывшая собственность ещё той, далёкой, поклонявшейся святым местам России. Отныне она наша. Большой участок в несколько гектаров и вековая смоковница.

Конечно, надо бы здесь построить церковь и восстановить странноприимный дом для русских паломников. Русская православная церковь ведёт эту работу, собирает средства. Это вызывает ненависть и озлобление у врагов православия. Несколько месяцев велась беспрецедентная кампания по дискредитации возродительных усилий, по экономическому собирательству Церкви. Особенно усердствовали «Московский комсомолец» и некий Бычков, пытаясь убедить общественность в торговле сигаретами и водкой Отдела внешних церковных сношений РПЦ. Всё оказалось клеветой, да ещё и злонамеренной, говорят и о сумме, которую выплачивают за подобные кампании. Даже «Российские вести» возмутились и показали, сколь лживы настойчивые информаторы. Кампания провалилась. Ждите другую. Архиерейский Собор разбирался внимательно и вынес Отделу внешних церковных сношений и его главе митрополиту Кириллу благодарность за неустанную и плодотворную работу во благо Русской православной церкви. И вот та благотворительность, которая приходит в церковь, как никогда, нужна и здесь, куда устремляются всё больше и больше русских паломников.

В Иерихоне и состоялось открытие первой международной встречи палестинских писателей. Затем она проходила в городе Рамаллахе. Палестинские писатели съехались из мест своего изгнания – Туниса, Марокко, Египта, Иордании, Омана, Сирии, Франции, США, Греции, Англии, Норвегии на свою родину. Представители 27 стран приехали к ним на международную конференцию: «Новые темы. Новая эра». Столь громогласно была заявлена повестка дня этой встречи. Действительно, хозяевам казалось:

наступает новая эра. После многих лет борьбы (с 1948 г.), после изгнания целого народа с его земель, после убийств, расстрелов, тюрем, взаимных обвинений они нашли силы, чтобы обсуждать своё будущее. Будущее созидания и возрождения.

Нет, палестинцы ещё не выиграли до конца свою битву. Они ещё в борьбе. Хотя всё время возникает вопрос: ну а можно ли выиграть эту битву окончательно и бесповоротно?

В зале на пересечении палестинских знамён портреты Арафата. Свет то гаснет, то зажигается, но вот звучит гимн Палестины, на первый взгляд, скорее на слух, это – боевой марш. Академик Челышев написал статью о соответствии гимнов характеру народов, об их соответствии историческому периоду. Действительно, «Боже, царя храни», «Интернационал», «Союз нерушимый...». Как отражали они состояние страны! А «Марсельеза», «Ещё польска не згинела», «Боже, храни королеву»... Традиция, вырастающая из вектора нации! У нас нынче всеобъединяющего вектора страны нет, и гимна поэтому нет. А у палестинцев есть. Есть боевой, непреклонный, неуступчивый гимн-марш. Такой он им нужен сегодня. А может быть, нужен будет и всегда.

Все готовились на конференции к разговору о новой эре (у нас это называлось в 80-х годах «новое мышление»), о новых темах. Министр культуры сказал: «Из окопа борьбы мы переходили в окоп созидания. В окоп свободы, равенства, разума». Но Нетаньяху, выполняя свои обещания, утверждал израильские поселения на землях палестинских арабов. Бульдозеры срывали хевронские соглашения. Окоп созидания пока пуст.

Палестинцы сумели донести миру свои боли и страдания, они показали жертвы и разрушения, возможно, они использовали приёмы своих собратьев израильтян (те же семиты). Израильские лидеры не дальновидны – они теряют ореол страдающей, терпящей насилие от других нации, они приобретают облик бесчеловечной агрессивной страны. Хотя первый отказ от такой политики (мирное соглашение) принёс ощутимый результат. Налаживались

связи, устанавливались контакты, приобретался созидательный облик. Но Нетаньяху должен был демонстрировать «ястребиный образ», и бульдозеры вызвали взрывы «интифады». Палестинцы заявляют: «Нетаньяху и ХАМАС действуют сообща, они нужны друг другу. Как антисемиты нужны сионизму для сплочения и эмиграции, так ХАМАС нужен Нетаньяху».

Так, под грохот выстрелов, в клубах слезоточивых газов, под лязг гусениц, и прошла эта встреча «О новой эре». Стало ясно, что с новой эрой, как и с новым мышлением, придётся подождать.

Министр культуры, представитель Арафата, приветствовал делегацию. «На этой святой, избранной Богом земле, в этом древнейшем городе мира увидите жертвы, взглянете на калек, на разрушенные дома. Здесь много горя. Здесь почти нет семьи, которая не имеет потерь. А ведь здесь зародилась любовь, здесь мужчина научился любить женщину. Вы, писатели, знаете основные ценности человечества. Вы знаете, что мир – это хрупкое дерево из надежды и страдания, и вы сможете изменить карту мира и сделать её картой справедливости. Писателям, где они честны и искренни, верят».

Постоянно звучало обращение к России: спасибо вам, что вы с нами в дни горечи и в дни надежд. Вот это перемежение тем прошлого, тем войны, тем жизни «под дулом фашистского, расистского пистолета» и тем возрождения, включения в арабскую культуру, приобщения к мировым ценностям звучало все три дня. Исса Газзеви – председатель Союза писателей Палестины – говорил о возможном окончании понятного всем периода борьбы и начале неизведанного, столь же беспокойного этапа созидания. Ещё вчера это была единая в борьбе нация. В Рамаллахе возводятся сотни новых домов, дорожает земля, но идёт быстрое расслоение общества. Готовы ли «новые палестинцы», в основном живущие в США, Европе, Египте и лишь наезжающие на родину, к таким же жертвам, как старые? Есть тревожные симптомы, говорили нам наши друзья. Приезжие готовы получать прибыль, если таковая будет, но сами, проникнутые духом конформизма,

преклонения перед американским образом жизни, изнежены. Те, кто самоотверженно боролся, порой устраниаются с постов (в частности, бывшие друзья Советского Союза, многие коммунисты). С долей горечи и цинизма один из них сказал: «А за что вас и нас любить? Россия предала арабов, ушла к Америке».

К сожалению, это мнение повсеместное. В Иордании водитель-палестинец (а палестинцев там чуть ли не больше половины населения) с презрением заметил: «Вы когда там перестанете всех продавать? ГДР, Польшу, Румынию, Болгарию продали. Потом Среднюю Азию, Прибалтику, Украину, Кавказ. И нас предали. Кто вам верить будет?» Горько слышать это в странах, где слово «русский, советский» произносилось с уважением. Даже наш рассказ о том, что нынешний министр иностранных дел пытается повернуть курс МИДа в сторону российско-арабских связей, не вызывает доверия. Как всегда, всё надо начинать сначала.

И всё-таки друзей и нынче у нас немало. Растёт и крепнет общество «Палестина – Россия». Его возглавляет мощный, спокойный, уверенный в себе соратник Арафата доктор Морей Абдарахман. Он создаёт Центр палестино-русской дружбы, собирается открыть курсы русского языка, проводит вечера соотечественников. Доктор аж подпрыгнул, когда мы выложили в подарок его Центру журналы «Роман-газеты», книги «Русская цивилизация» и «Светлое воскресение». «Наш батюшка (в Совет общества входит и православный священник. – В.Г.) обрадуется до невероятности».

Да, у России всё-таки там немало друзей, и мы должны соответствовать им. Об этом и русско-палестинских связях был наш доклад на конференции. Ибо новая тема и новая эра исходят всегда из старых тем и старых времён.

Россия всегда поддерживала борьбу многоликого народа Палестины за независимость, за свободу. Русские писатели поддерживали продвижение по этому пути с новой реальностью под руководством испытанного лидера Ясира Арафата.

Сегодня, когда Россия находится в тяжёлом положении, задачи, стоящие перед литерату-

рой русской, созвучны задачам палестинских литераторов. Разрушилось её производство, закрываются библиотеки, театры, журналы. 25 миллионов соотечественников оказались за рубежами России. Нам надо вдохнуть веру в возрождение, надо опереться на подлинные национальные святыни, надо извлечь исторические корни, надо показать величие и красоту свободы и справедливости, надо утверждать подлинную иерархию культурно-духовных ценностей, надо укрепить семью, надо утвердить доброжелательность и дружбу между людьми, утвердить понимание ценности человеческой жизни.

Среди важных утрат нашей культурной и духовной жизни в последние годы – разрыв тесных связей писателей России с писателями многих стран мира. Русские писатели особо ощущают утрату плодотворных и сердечных связей с близкими нам по духу арабскими писателями. Мы – представители самобытных неповторимых культур.

Поистине великое событие для наших культур произошло в марте. В присутствии послов и дипломатов Палестины, Египта, Сирии, Туниса, Йемена, Марокко, Катара, Лиги арабских стран и других был создан при Союзе писателей России Совет по культурным и литературным связям с арабскими странами. Совет поставил перед собой задачи собрать переводческие силы, подготовить к изданию лучшие произведения современных арабских писателей, собрать средства для их издания. Совет предполагает проведение вечеров арабской литературы, выставок, круглых столов. Мы будем собирать средства для выпуска альманаха «Ветка Палестины». Эти сообщения были встречены аплодисментами в кругу наших друзей.

Об Израиле и израильянах лично я сказать (за исключением хамской проверки на границе) почти ничего не могу. Что-то удалось увидеть. Много рассказывали палестинцы. Они считают, что Израиль находится в кризисном состоянии. Поток пассионарных иммигрантов, возбуждённых Герцелем на создание еврейского государства, почти иссяк. Новые приезжающие из республик бывшего Союза

или Восточной Европы ищут более лёгкой и спокойной жизни. А какое тут спокойствие, если в знаменитых поселениях, домах-дотах с окнами-бойницами, обращёнными в сторону арабов, как бы застыли опасность и тревога.

Мои коллеги позвонили Андрею Дементьеву, бывшему редактору «Юности», поэту, а ныне корреспонденту НТВ в Израиле, с просьбой приехать на конференцию писателей Палестины. Андрей заболел. «Что вы, – сказал сотрудник посольства, – его же в Москве сразу разжалуют». – «Почему?» – удивился я. «Ну, вся Палестина знает, что когда ваш комментатор НТВ Киселёв вел беседу с Арафатом, то его интересовали лишь вопросы, связанные с Израилем. И Арафат, возмущившись, сказал: где же я нахожусь – на телевидении Израйля или России? Ведь у Палестины и России много взаимных вопросов. Но вас это почему-то не интересует...»

Да уж, вопросами России и русских писателей наше телевидение не заинтересуется, тем более съездом палестинских писателей.

Ну а как же Иерусалим? Как Гроб Господень? Неужели же из-за высокомерия чиновника, не поставившего нам визу, мы не попадём в святые места? Быть рядом и не поклониться, не постоять, не вдохнуть воздух веков? Всё в нас протестовало против этого. Но хозяева разводили руками: «Мы не можем рисковать вашей безопасностью. Видите по телевизору, что творится». А творилось то, что называется в сегодняшнем мире «новый порядок». Лязгали бульдозеры, срывая дома арабов, гремели взрывы, трещали автоматы. Снова началась палестинская «интифада». Но как же Иерусалим?

Поэт и литературный критик князь Пётр Андреевич Вяземский в своём «Путешествии на Восток» провидчески писал: «Когда приближаешься к концу земного своего поприща и имеешь в виду неминуемое путешествие в страну отцов, всякое путешествие, если предпринимаешь его не с какой-нибудь социальной целью, в пользу науки, есть одно удовлетворение суетной прихоти, бесплодного любопытства. Одно только путешествие в Святые места может служить исключением из этого правила. Ие-

русалим – как бы станция на пути к великому ночлегу. Это приготовительный обряд к торжественному переселению. Тут запасаешься не пустыми сведениями, которые ни на что не пригодятся нам за гробом, но укрепляешь, растворяешь душу напутственными впечатлениями и чувствами, которые, если Бог благословит, пригодятся и там и, во всяком случае, несколько очистят нас здесь». Но очистит ли нас взирание на Иерусалим с расстояния 20 километров?

И тут один знакомый палестинец, окончивший в своё время московский вуз, чьё ухарство замешано было на палестинском партизанском мужестве и русском удалстве, сказал нам: «Ну их, этих израильских чиновников, подальше, я вас доведу...»

На следующий день в машине с иерусалимскими номерами мы выехали в Иерусалим. Трудно всё-таки передать те ощущения, которые охватывают вас при виде этого вечного и святого города. Сверху, от знаменитого Гефсиманского сада, мы взирали (другое слово трудно употребить) на панораму города, где возносились луковицы православных церквей, шпили католических храмов, овальные сферы и пики минаретов мусульманских мечетей. Крепостная стена, видевшая римлян, византийцев, крестоносцев, воинов Саладина, египетских мамлюков, английских колониальных солдат, израильских десантников, палестинских моджахедов, ограждала город только от ветров, ветры же истории разрушали её не раз.

Город имеет темноватый песочный оттенок. Сухо, жарко. А тут, в Гефсиманском саду, прохладно и зелено. В три-пять обхватов стоят оливковые деревья, их возраст – многие столетия, отсюда и название древнееврейское – Оливковый пресс – Гефсимания. Может быть, это те деревья, которые видел Иисус в последнюю ночь перед арестом. «Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду и помолюсь там» (М. 26, 36).

У оливок церковь всех наций, возведённая в начале этого века, смешавшая как бы все стили и приёмы архитектуры разных народов. Дол-

го стоим перед обломком скалы, окружённым колючим венком из кованого железа. Здесь Христос молился в последнюю ночь перед казнью. Едем на ту сторону от Гефсимании, но по дороге спускаемся в церковь Гробницы Девы Марии и грот Гефсимании, место, где был арестован Иисус. Какая-то неестественность, ирреальность в этих камнях, пещерах. Кто-то писал: память и сохранилась в пещерах (вертепах), если бы она была в храмах, их бы разрушили до основания.

Вот и начало Скорбного пути: он идёт от крепости Антония, где Христос стоял перед лицом Пилата, и до Лобного места. В путеводителях называют этот путь Виа Долороза – улица Скорби, по ней с водружённым на Него крестом во имя человеческого спасения шёл Сын Божий к месту своей мучительной смерти и Воскресения. Четырнадцать остановок сделал Он. Первая – возле монастыря Бичевания, где Иисус был осуждён. «Тогда Пилат взял Иисуса и велел бить его. И воины, сплетши венец из терна, возносили ему на голову и одели его в багряницу. И говорили: радуйся, царь Иудейский! И били его по ланитам» (Ин. 19: 1,3)...

Каждая христианская церковь пыталась отметить сей скорбный крестный путь. Тут, где Иисус первый раз упал под крестом на углу улицы Эль-Зад, польский скульптор Тадеуш Зелинский сотворил скорбный мраморный барельеф падшего под тяжестью креста, «ибо

далеко от меня Утешитель, который оживил бы душу мою» (Иер. 1:16).

А дальше трагическое место для всех матерей мира. Оно отмечено маленькой армянской часовней с головкой окровавленного сына, упавшего под тяжестью ноши, здесь Его увидела устремившаяся по кратчайшей дороге из дворца Пилата Мария, чтобы ещё раз встретить сына.

А вот и небольшая Францисканская часовенка, где Виа Долороза начинает подниматься на Голгофу. Тут проявились

милосердие и помощь, тут Симон Кириянин подставил плечо под крест, несомый Христом. На минуту Спасителю стало легче, и это человеческое плечо необходимо для людей, исполняющих свой земной долг.

Идём дальше. Кипит базарной толкучкой улица, россыпью лежат яблоки, груши, мандарины, заывают в лавочки арабские торговцы (эта часть города арабская). Торгуют всем: одеждой, майками, крестами, путеводителями, сладостями, деревянными фигурками зверей, эффектными блюдами, свечками, светильниками, утварью для всех вероисповеданий. Скажу откровенно, всё время приходилось отгонять эту реальность, как наваждение. Хотелось в одиночестве постоять у церкви, где Вероника вытирала пот с лица Иисуса. «Да прозрит на тебя Господь светлым лицом твоим» (Числа 6; 25). С VIII века этот плат в базилике Святого Петра в Риме. Помню, в своём прошлом, во многом чисто историческом восприятии, я, находясь в Европе, без душевного трепета воспринимал многие святые реликвии, утекшие после крестовых походов в костёлы и музеи. Обращал внимание на них скорее как историк. Сейчас же малое напоминание о святых деяниях – сохранившиеся мощи, вещи подвижников христианства, старинная русская икона – для меня не предмет материальной оценки, а свидетельство святого деяния, духовная ценность, требующая бережного и нерасплёскивающегося

отношения. И поэтому досадна была торговая суета возле храма, обсчёт греческого монаха при продаже иконок, постоянные вспышки фотоаппаратов при молитве.

Но вот и сама Голгофа. Вернее, её-то и нет. Она внутри храма – Базилики Гроба Господня. Какие-то потёртые господа предлагают провести внутрь храма, отмахиваемся. Нам надо самим, самим пройти по Его последним скорбным метрам пути. Девять раз падал, подходя к вершине Распятия, Христос. И вот десятая остановка, в часовне, уже внутри храма. Тут с Него срывали одежды. «От подошвы ноги до темени головы нет у Него здорового места, язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и не смягченные илеем» (Исайя, 1: 6). И, неся крест свой, Он вышел на Лобное место, по-еврейски – Голгофа. И тут прозвучали удары молотков, пробивающие тело Христово. «Пронзили руки и ноги Мои. Можно было бы перечесть все кости Мои» (Пс. 21:17–18). Так, безжалостно и торжествуя, распинают всё святое на земле. К тем, кто это совершал, приходит наказание, но это потом. В тот момент, забывая на глазах матери гвозди в тело сына, они торжествовали. А Иисус милосердно возгласил с креста: «Отче,

прости им, ибо не ведают, что творят». Это прощение постигается трудно, и только высота подвига духовного заставляет нас понимать, что тому надо следовать.

Здесь, на месте Голгофы, внутри храма двенадцатая остановка и две часовни. Одна католическая с Алтарём Гвоздей Святого Креста и двумя впечатляющими мозаиками «Христос, освобождаемый от одежд» и «Христос, прибиваемый гвоздями к кресту». Не знаю почему, но потянуло сразу к другой часовне, с рассеянным светом, с трепетом огоньков свечей и тремя поражающими и скорбными иконами во весь рост – Христа,

Девы Марии и Св. Иоанна. Это православная часовня. Коленопреклоненно стою несколько минут и вижу под безжизненно повисшим на кресте Христом часть скалы, где серебряным кольцом помечено место, где крепился крест.

Под фонарными плафонами с крестами длинный Камень Помазания, куда положили Христа после снятия с креста. Почему-то мне он показался одиноким, покинутым, паломники и туристы текли мимо него. А ведь это предпоследнее земное место, где лежал Иисус. Коленопреклоняюсь.

И вот самое святое место для христиан.

Рака Святой Гробницы. Входишь в полутёмную Ротонду Воскресения и замираешь в конце очереди, выстраивающейся вдоль чёрно-серой плиточной дорожки в гробницу. Американцы и немцы переговариваются, фотографируют, подошедшие паломники из России благоговейны и робки. Греческий монах перед входом предупреждает: «Будьте недолго». А как недолго? Может, это первый и последний раз. Вступаешь в первую комнату – часовню Ангела. Кусок скалы отмечает, что он сидел здесь и известил женщин и мир о Воскресении Иисуса. А дальше – Погребальная комната, где под мраморной плитой хранится камень с могилы Иисуса. Тихий свет: со стены разливается печаль, там икона Божьей Матери – серебряные светильники православных, католиков и армян исполнены в их канонах. Да и вся комната в каком-то серебристо-золотом сиянии. Склоняюсь, целую плиту Святого места. Монах тихо поторапливает.

Не знаю, удаётся ли кому-нибудь побывать здесь одному? Наверное, только этим православным монахам – хранителям гробницы Христа. После четырнадцатой остановки крестного пути, честно говоря, уже ничего не хочется смотреть. Но нет, вот ещё храм Святого Петра, напоминающий о трёхкратном отречении Петра от Господа. Как иногда любят у нас напоминать об этой измене, говоря о собственных ошибках, с надеждой исправить их в будущем. Да, все мы грешны, но и для исправления не следует ждать следующих грехов. Не буду вспоминать ни гробницы Давида, ни Базилику, где, по преданию, Дева Мария впала в «вечный сон», ни Капеллу Вознесения. Везде надо было постоять и побыть в одиночестве. Но время пребывания кончалось. Мы покидали Иерусалим.

1998

Валерий ГАНИЧЕВ

Андрей ШУТОВ

г. Шилка, Забайкальский край

* * *

В крае дождь капает,
А я читаю К. Капович.
Как же точны и тихи
Её прекрасные стихи!

* * *

...Так всегда было и будет:
Одних – ценят, других – судят.

* * *

Пусть днём холодней,
Пусть в мире пандемия,
А я всё думаю о ней,
Шепчу победное имя.

ПАМЯТИ В. И. ГАФТА

Автора едких эпиграмм
Не публикует Инстаграм.
Впрочем, это и не нужно –
Есть любовь и дружба.

ЖЕНЩИНА

Эта женщина несчастна.
Эта женщина одна.
К кому-то безучастна,
В кого-то влюблена.
Для ребёнка она мать,
Для других – коллега...
Эту связь не поломать
Никогда от века.

К 70-ЛЕТИЮ ГОРОДА ШИЛКА

*А этот город мной любим
За то, что мне не скучно с ним...*
Б.А. Ахмадулина

Весной ты цветёшь черёмухой,
Пахнешь сиренью и багулом.
Твои удачи и обидные промахи
Время ветром не задуло.
Летом ты покрыт саранками,
Пухом тополей и одуванчиков,
А на реке – пустыми банками...
Об этом не стоит умалчивать!
Осенью – золотом встречаешь,
Влюблёнными парами в парке
И с грустью порой замечаешь:
«У автомобилей другие марки».
Зимой – не дождёшься снега
В цветном ожерелье гирлянд
И просишь прощенья у неба –
Уж таков у тебя талант.
...Забывая о временах года,
И о том, что случилось тогда, –
Какая бы ни была погода,
Город любимый дорог всегда!

* * *

В забайкальские метели
К нам слетелись свистистели.
В хохолках устало сидят,
На людей с надеждою глядят.

* * *

Улица Ленина.
Райкомовский дом.
Мы жили там вчетвером.
Был папа молодой
И мама молодая.
...Прошла пора золотая.

«ЧИТА – ГОРОД ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ»

«Чита – город трудовой доблести».
Он живёт всегда по совести.
Сколько бы ни было преград,
Он принимает свой парад.
«Чита – город трудовой доблести».
О нём пишут песни и повести,
Чтобы не почёт заслужить –
Достойно жизнь прожить.
«Чита – город трудовой доблести».
Нас переполняет чувство гордости
За близких, работавших в тылу
И противостоявших фашизму-злу.
Так дальше процветай, столица,
И звание неси через года,
А забайкальцы, если так случится,
Святое имя защитят всегда!

ВЕРЛИБРЫ

Памяти Валентины Легкоступовой

Горький вкус ягоды-малины
уже не станет сладким.
Каплей в море
упадёт солёная слеза.

СОВРЕМЕННЫЙ АВТОР

Сам пишет.
Сам издаёт.
И сам читает.

* * *

Осень – рыжая лисичка –
приходит и уходит,
оставляя для нас
стихи и чувства.

* * *

Не люблю слово «поэтесса».
Напоминает закомплексованную женщину.
Для меня некоторые прекрасные авторы –
поэты.

* * *

Поэтов в России много.
Гениев всего четыре:
Пушкин, Лермонтов,
Тютчев, Мандельштам.

* * *

Белый снег оживает под ногами –
Не хочется по нему ходить.

* * *

Мачты тополей ломаются
под тяжестью ветра.
Наступила весна.

Екатерина ЮРЬЕВА

Мичуринск

В ОДИНОКОЙ ЦЕРКВУШКЕ...

В одинокой церквушке на краю деревушки
Одиноким священник литургию ведёт.
День сегодня воскресный,
но пришли две старушки,
И к нему на причастие не стремится народ.

Храм стоит у дороги, и к нему ведут ноги,
Только враг человека не пускает к нему,
И Христом причаститься удаётся немногим.
А спасение в нём. Он поверг сатану.

Отчего же так сложно побороть в себе лень?
Отложить все проблемы и войти посмотреть
На Распятие Христово. Ощутить свою бренность,
Помолиться немного и духовно прозреть.

Что мы скажем пред Богом?
«Суетились мы много,
И, прости, но к Тебе не успели прийти –
Мы на рынок ходили, мы друзей заводили,
А дорогу к тебе не хотели найти».

В одинокой церквушке на краю деревушки
На Распятии смиренно Иисус тебя ждёт.
И иконы заплачут, что пришли две старушки,
В воскресенье на рынок стремится народ.

* * *

Не может смириться натура
С утратой живого общения.
Бесследно исчезла культура,
Остались одни сообщения.

Мы голос друзей забыли,
Хотя их теперь миллионы.
Объятия на «лайки» сменили,
Сегодня такие законы.

* * *

Мы лучше не становимся с годами –
Крепчает в нас игристое вино,
На мир мы смотрим зрелыми глазами,
Не оттого ль так на душе темно?

Потеряны наивность и невинность –
Мы не хотели быть у них рабами.
Теперь свободны. Кончилась повинность.
Осталось всё уладить с небесами.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Сегодня заступил на пост
Простой солдат-христианин.
Все знают, пост не будет прост,
Но на войне он не один.

И день и ночь он ждёт врага,
И оттого он не уснёт,
Не дёрнется назад нога,
Он не покинет этот пост.

Стоит он долгих семь недель,
Держа в руке нательный крест.
И не страшна ему метель,
Он знает, что Христос Воскрес!

Его оружие – уста,
На помощь Бога призовут.
Он начал с чистого листа
И этот пост, и этот путь.

Великий пост несёт солдат,
И до победы далеко,
Но знает, что отступишь – ад,
Туда попасть как раз легко...

ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ

Как жаль, что время не вернуть
И не исправить тех ошибок,
Что усложнили дальний путь,
И он теперь опасно зыбок.

Мы не хотели долго ждать,
Мы не хотели слепо верить,
Мы не готовы жизнь отдать,
И вот теперь несём потери.

На помощь звали мы не тех,
Они взамен просили души,
В плену у пламенных утех
Мы потеряли наши ружья.

Обезоружена душа...
Ей воевать без Бога нечем,
Она упала не дыша,
И без неё нам стало легче.

И от утраты, пустоту
Заполнив грязными деньгами,
Мы покоряем высоту,
Зачем? Порой не знаем сами.

За целью новая сверхцель,
Но и она не успокоит,
От страха не пойти на мель
Нас начинает параноить.

Но вот конец. И мы летим,
Оставив только завещание,
Удобства даже здесь хотим –
Открылась тайна мироздания.

А что душа?! Её черед!
Теперь она наше богатство,
Ей уступаем путь вперёд
И просим показать нам Царство.

Но знает свой удел душа
И пролетает мимо Царства,
Когда мы здесь живём греша,
Надейся только на мытарства...

ТАМБОВСКИЕ КОРНИ ВОРОНЕЖСКОГО ПРОФЕССОРА ФИЛОСОФИИ:

К ПОРТРЕТУ ПРОТОИЕРЕЯ ИОАННА ЯКОВЛЕВИЧА ЗАЦЕПИНА

Наверное, каждый город гордится той или иной научной школой или научной традицией, сформировавшейся в его учебных заведениях. Так и Воронеж гордится своими философскими традициями, связанными с именами митрополита Евгения (Болховитинова), архимандрита Феофана (Авсенева), Д. В. Веневитинова, В. Н. Карпова, Н. В. Станкевича, П. Е. Астафьева... Большинство из них получили образование в стенах Воронежской православной духовной семинарии и прославили город как один из центров философской мысли России XIX века. У основания философской школы стоял выдающийся учёный, митрополит Евгений (Болховитинов, 1767–1837). Говорить о владыке как о чистом философе, наверное, было бы неправильно, в большей степени он оставил свой научный след как историк. И тем не менее, окончив Воронежскую семинарию, он вернулся в неё после окончания Славяно-греко-латинской академии в 1789 году в качестве преподавателя, одним из предметов которого была философия.

В 1800 году митрополитом Санкт-Петербургским Амвросием (Подобедовым) Болховитинов был приглашён в столицу как преподаватель философии и высшего красноречия в Духовную академию, что говорило о его авторитете как знатока и специалиста в области философской мысли того времени.

Передавая эстафету в области философского образования, Евфимий Алексеевич Болховитинов оставил после себя в Воронеже талантливого ученика, а затем и коллегу по преподавательской деятельности в семинарии, в будущем профессора философии протоиерея Иоанна Яковлевича Зацепина, ставшего своеобразным мостиком между выдающимся митрополитом и не менее талантливыми профессорами, выпускниками Воронежской семинарии архимандритом Феофаном (Авсеновым) и В. Н. Карповым.

Родился Иоанн Яковлевич около 1777 года в селе Шмаровка Усманского уезда Тамбовской провинции в семье священника. В числе 9-го

выпуска (1796–1797 гг.) он окончил Воронежскую духовную семинарию с аттестацией: «превосходных дарований».

Интересный портрет Зацепина оставил автор вышедшей в Воронеже в 1898–1899 годах «Истории Воронежской духовной семинарии» П. В. Никольский. Он писал, что «провёл молодые годы Иван Зацепин в бедности. Уже находясь в училище, он зарабатывал себе хлеб тем, что рубил дрова. Бедно одетый, в лаптях, он вызывал своей непривлекательной внешне-

Воронежъ. № 16.
Духовная Семинарія

стью насмешки со стороны товарищей. Но при таких неблагоприятных условиях он на школьной скамье заявил себя усидчивыми занятиями науками. Всё это – и насмешки товарищей, и постоянный труд – развило в нём необщительный, угрюмый характер. Ещё не окончивши курса, 3 октября 1797 года, Зацепин сделался учителем низшего грамматического класса Воронежской семинарии, а 9 октября перемещён в высший грамматический класс и назначен катехизатором. В 1798 году Зацепин окончил курс семинарии. В 1801 году назначен учителем синтаксического класса. 28 января 1802 года рукоположен во священника к Троицкой (Смоленской) церкви. 6 октября 1802 года определён учителем риторики и членом семинарского правления. 28 октября 1803 года сделался преподавателем философии и высшего красноречия. „За рачительное и успешное обучение философского класса произведён в протоиерея на священнической вакансии“. 1 сентября 1807 года он был определён учителем богословия и префектом семинарии. Быстрое повышение по службе свидетельствовало, что семинарское начальство высоко ценило дарования молодого учителя. Но эти повышения не удовлетворяли самого Зацепина. Ему хотелось учиться, но как возможно было сделать это префекту и протоиерею?». В добавление к тексту Никольского хотелось бы сказать, что в «Воронежских епархиальных ведомостях» сохранился текст указа преосвященного Арсения II «О возведении священника Зацепина в сан Протоиерея». «Уважая пользу для церкви и общества, происходящую от учения в Семинарии преподаваемого, и признавая достойными всякого приятия все способы, к чести ее спешествовать могущия; отдавая же справедливую похвалу прилежанию, трудам и успехам, а равно благонравию и честному поведению учителя философии Иерея Иоанна Яковлева Зацепина, во ободрение его к вящим плодам для Семинарии, основываясь на словах Апостола Павла, в 1-м послании к Тимофею главе 5-той стихе 17-м написанная: „прилежащие добре пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, пачеже труждающиеся в слове и учении“, дол-

гом поставляю почитать его Саном Протоиерея, с тем единственно, чтобы он, чувствуя, что сие ему не в пример прочих делается, никогда без воли Архиерейской не оставял трудиться при Семинарии всевозможно.

– Консистория, взяв от него в сем намерении подписку, сделает должное ему производство на означенный чин. Июля 13 дня 1804-го года. Арсений Епископ Воронежский и Черкасский».

Имеется упоминание об отце Иоанне в «Материалах для истории Воронежской епархии», опубликованных в «ВЕВ» № 3 за 1893 год, где в резолюциях Арсения II, епископа Воронежского и Черкасского, по семинарии от 23 января 1806 года указан «учитель философии протоиерей Зацепин».

Как указывал Никольский, Иоанну Яковлевицу «хотелось учиться, но как возможно было сделать это префекту и протоиерею?», и он нашёл выход, вследствие которого с ним произошло в какой-то степени курьёзное происшествие. В 1807 году Зацепин получил разрешение у воронежского преосвященного Арсения (Москвина), епископа Воронежского и Черкасского, выехать в село Сорочинцы Черниговской губернии для лечения. Вместо этого он отправился в Харьков и стал посещать лекции недавно открывшегося местного университета. Владыка Арсений, узнав об этом, доложил в Святейший Синод, откуда пришло распоряжение разрешить Зацепину находиться в Харькове, но с запретом на посещение лекций. Тогда протоиерей Зацепин стал приглашать харьковских профессоров с лекциями к себе домой, особенно профессора физики Шада (Опечатка П. В. Никольского. Имеется в виду Иоганн Баптист (в России Иван Егорович) Шад (1758–1834) – немецкий философ, преподававший в Харьковском университете с 1804 по 1816 год. – В. Р.). Вскоре деньги, потраченные на съёмную квартиру и профессоров, иссякли, тогда Зацепин начал продавать свою одежду. Между тем преосвященный Арсений не переставал звать его в Воронеж. И вот в 1811 году протоиерей явился домой в одном халате. Чтобы появиться на глаза вновь назначенному

преосвященному Анатолию I (Соколову), Зацепин выпросил рясу у отца Иоанна Скрябина. Владыка Анатолий вместо наказания поступил с ним как в евангельской притче о блудном сыне – обнял и расцеловал. После чего протоиерей Иоанн Зацепин питал к нему очень добрые, дружеские чувства.

В том же году он был назначен коротоякским протоиереем присутствующим в консистории и учителем при семинарии по математике и физике. В августе 1811 года назначен членом Оспенного комитета (*комитет занимался вопросами прививки от оспы, имея ещё название «Оспопрививательный»*. – В. Р.), 21 декабря – префектом и учителем философии в семинарии. 21 марта 1812 года определён на должность кафедрального протоиерея. 21 июля 1814 года награждён скуфьёю; 19 марта 1815 года – камилавкою.

При преобразовании семинарии в 1817 году Зацепин по предписанию Комиссии духовных училищ представил в неё свой конспект по философии. Конференция Петербургской академии нашла этот конспект лучшим из всех конспектов по философии, представленных из разных семинарий России. После этого Зацепин был назначен профессором философских наук преобразованной Воронежской семинарии. В том же году он был назначен смотрителем (*ректором*) Воронежских духовных училищ, а 20 ноября 1821 года утверждён в должности инспектора семинарии. 29 декабря 1821 года Зацепин был награждён золотым наперсным крестом.

И вот здесь необходимо ещё раз напомнить о непрерывности воронежской философской традиции. Если сам Иоанн Зацепин был учеником владыки Евгения (Болховитинова), то в эти годы его учеником стал выдающийся философ, литератор, переводчик на русский язык и комментатор сочинений Платона, впоследствии выпускник Киевской духовной академии, профессор Санкт-Петербургской духовной академии Василий Николаевич Карпов, окончивший Воронежскую духовную семинарию в 1820 году.

Как отмечает С. В. Ряполов, несмотря на то, что Карпов в юности, очевидно, испытал достаточно сильное влияние протоиерея Иоанна Зацепина, которого традиционно принято отно-

сить к представителям русского шеллингианства, т. е. оригинального направления в русской философии, развивавшего идеи представителя немецкой классической философии Шеллинга и его школы, «тем не менее В. Н. Карпов одним из первых в русской философии дал последовательную критику немецкого идеализма. С середины 1850-х гг. он опубликовал ряд текстов, в которых предпринял подробный разбор источников и сущности немецкого рационализма».

Говоря о философской традиции Воронежжа, необходимо отметить, что в эти же годы в Духовной семинарии обучался ещё один в будущем талантливый, самобытный философ, профессор Киевской духовной академии, архимандрит Русской православной церкви Пётр Семёнович Авсенов (в монашестве Феофан), окончивший её в 1828 году, на которого также оказал влияние отец Иоанн Зацепин, ещё во времена, когда Пётр Авсенов был учащимся Воронежского духовного училища. Протоиерей Георгий (Флоровский) отмечал, что «в ряду киевских философов всего ярче образ П. С. Авсенева, затем архимандрита Феофана (1810–1852), принявшего пострижение уже в профессорском звании, по внутренней склонности и влечению». Имея таких выдающихся учеников, отец Иоанн Зацепин стал своеобразным мостиком, или звеном, в цепи Воронежской философской традиции, неразрывно соединив собой митрополита Евгения, будучи его учеником, со своими учениками, выдающимися профессорами.

Вслед за утверждением в должности инспектора для Зацепина начались служебные неприятности, которые продолжались до самой его отставки от духовно-училищной службы. Человек науки, пользовавшийся уважением и архиереев, и сослуживцев, Зацепин не поладил с ректором семинарии иеромонахом Авксентием. Назначенный в 1819 году на должность ректора и прослуживший на ней до 1821 года отец Авксентий был человеком весьма глубоко верующим. По его мнению, семинарское образование должно было носить исключительно религиозный характер, где Священное Писание являлось альфой и омегой вообще всех знаний, потребных христианину. С такими настроени-

ями он стал ректором семинарии, в которой глубоким уважением пользовался инспектор, профессор отец Иоанн, преданный естествознанию и не любивший внешней набожности. Ректор не мог скрыть своего нерасположения к специальности преподавателя Зацепина, называя последнего на лекциях по физике «нечестивцем и безбожником».

В результате конфликта, в который были вовлечены и другие преподаватели семинарии, ректор стал обвинять инспектора в неповиновении своей власти и напрямую жаловаться правящему архиерею. Преосвященный Епифаний на эти жалобы отвечал, что ему «довольно известен отец инспектор как человек благонамеренный и по всем должностям бдительный».

Тем не менее 30 сентября 1822 года отец Иоанн был уволен за болезнью от должности при семинарии. Но семинарское начальство и после этого не оставило его в покое. Оно предъявило ему иск на 4 148 рублей «добровольных пожертвований», которые Зацепин обещал собрать для исправления ветхих училищных зданий. Снова пришлось отписываться и объясняться. Однако всё обошлось. Мало того, пользуясь уважением владыки Епифания и по его ходатайству, в январе 1827 года Зацепин был пожалован орденом Святой Анны III степени. В том же году он подал прошение об увольнении и от училищной службы, выставляя причиной сильную болезнь. Тогда же оно и состоялось.

После всех этих незаслуженных гонений отец Иоанн оставил Воронеж и переехал в свой деревенский домик недалеко от уездного городка Землянского, где мог предаться своей любимой науке – физике. Ещё раньше, 28 марта 1824 года, он был избран членом Общества наук при Харьковском университете, и уже тогда о нём составилось мнение как о необыкновенно учёном человеке. После отставки он почти не выходил из своего кабинета. Здесь стоял огромный стол, заваленный физическими инструментами, химическими составами, учёными книгами. Замкнутость и необщительность Зацепина, постоянные уединённые занятия, непостижимые для простого народа опыты создали ему репутацию чернокнижника, вызывателя

духов и т. д. Некоторые считали его отступником от православия, еретиком, атеистом, тем более что он как священник не всегда, говорят, с надлежащим уважением относился к церкви и её постановлениям и позволял иногда в беседе с другими высказывать свои, особые взгляды на церковные обряды. Впрочем, под старость Зацепин сделался религиознее. Проживая в своей деревне близ Землянского, он еженедельно по субботам приезжал в Воронеж и служил акафисты Божией Матери в кафедральном соборе. П. В. Никольский, работая над своей «Историей Воронежской духовной семинарии», уже в конце 80-х годов XIX века слышал много легенд о Зацепине, которые сохранились не только в простонародье, но и среди духовенства (преимущественно сельского). Передавалось, что он по своему желанию производил гром и молнию (вероятно, опыты по физике), умерщвлял и оживлял птиц и зверей. Рассказывают, что он на время воскресил свою жену. Слышали будто бы и разговор его с (покойной) женой. Соседние по имению его крестьяне рассказывали, что над его землёй всегда бывали благовременные дожди, а их нивы страдали от засухи. «На небе не видно ни тучки, ни облака, – рассказывали мужики, – а протопоп выйдет на свою ниву, помашет полую рясу или рукой – и откуда ни возьмётся дождь и прольётся только над его полосой». Не раз они из зависти хотели потравить его поля скотиной, но как ни придут на ниву, а протопоп уже тут, как нечистая сила, по их мнению, предупреждала его. Одно из начальственных лиц укоряло отца Зацепина, что он вследствие своего (раннего) вдовства живёт порочно, на что протоиерей заметил, что в кабинете его самого (т. е. начальника) женские платья – и действительно, показалось присутствующим тогда, что вместо ряс развешены женские платья, которые по уходе Зацепина опять превратились в рясы. Умер отец Иоанн у себя в деревне под Землянском. Точная дата его кончины не установлена, но предположительно, она в промежутке между 1855 и 1859 годами.

Владимир РЯПОЛОВ

Евгений ХАРИТОНОВ

Родился и проживает в г. Белгороде. Окончил Белгородский юридический институт МВД России.

Является победителем V Межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалея, поэт» в номинации «Поэзия» (г. Калининград, 2021); лауреатом Международного литературного конкурса «Большой финал» (2020–2021); лауреатом Всероссийского конкурса молодых поэтов на призы им. Бориса Богаткова (г. Новосибирск, 2020); лауреатом конкурса «Крылья Победы» (г. Шебекино, Белгородская обл., 2020); финалистом Международного литературного конкурса «На крыльях грифона» (г. Керчь, 2020). Публиковался в литературных журналах: «Звезда Востока», «Александръ», «Бийский Вестник», «Пять Стихий», «Наша Молодёжь», «Сибирский Парнас», «Причал», «Ротонда», «Рассвет» и т. д.

ДЕТИ ДОНБАССА

Война. Хроническая фаза.
Снаряды сыплются дождём.
В бомбоубежищах Донбасса
Взрослеют дети день за днём.

Заняв себя листом бумаги,
Держа в руках карандаши –
У них цветут в подвалах маки
И колосится поле ржи.

Ласкает солнышко макушки
Кудрявых, стройненьких берёз.
А толстобрюхие лягушки
Считают, квакая, стрекоз...

Дома над ними покорялись
Артиллерийскому огню.
И с каждым взрывом повторялось
На ушко мамино «люблю».

Они замёрзли и устали,
Подземной сыростью дыша.
В своей стране чужими стали...
Да только детская душа

Собой чиста, собой невинна.
И ей, пожалуй, не понять,

Как можно так вот, беспричинно,
Бомбить, сжигать и убивать.

Снаружи горький вкус обмана,
Стрельба, подобная хлысту.
А рядом братья, сёстры, мамы
И зов спасенья ко Христу.

НАЧАЛО ЛЕТА

Так быстро мир зазеленел,
Как будто так всегда и было.
И солнце жгучее застыло
Среди лохматых облаков –
Небесных плюшевых комков.

И знойный жар лучей слепящих
Уже не так желан и мил,
Им май, резвясь, перекармил.
И всё, что хочется, – скорей
Вдохнуть в себя ветра морей,

Склонив колени в пенных водах,
И, никуда не торопясь,
Цедить с лазурным морем связь,
Дрейфуя возле пышных блуз
Слегка бесформенных медуз.

ДУХ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Рождённый до развала в девяностых,
Впитав в себя советский кислород,
Я восхваляю до сих пор без тостов
Тогдашний, духом связанный, народ.

И лишь примерив на лицо морщины,
Ушедших стал ценить сильнее живых.
А дух народа бродит по лощинам,
Отвергнутый сознанием молодых.

МАРТ

О лживый март! Себе дороже
Довериться календарю.
Весна пришла? Да непохоже...
Весенним март не признаю.

Порою днём щебечут птицы,
В узлы завязаны ручьи.
А в землю солнце, будто спицы,
Вонзает тёплые лучи.

Но где ж весна, когда ночами,
Стучась в мою входную дверь,
Бранятся колкими речами
Всё те же вьюга да метель?

А поутру, трясаясь в бушлате,
С лихим упрямством битюга
Щекастой старенькой лопате
Скормлю осевшие снега.

И хоть разносится картова
По всем дворам кошачий гвалт,
Назвать я не имею права
Весенним лживый месяц март!

РАССВЕТ НА ОЗЕРЕ

Рассыпаются в небе звёздочки
Золотисто-молочным бисером.
И луна по воде на лодочке
Проплывает, дорожку выстелив.

Недовольный седой щетиною,
Белокурый туман печалится.
В колыбели своей паутиновой
Меж травинок паук качается.

Дремлют в звуках ночной мелодии
Вековые дубы лохматые.
На кувшинках концерт пародии –
Жабы в образе, хрипловатые.

Ивы кудри склонили ласково,
Прислонившись невольно к тополи.
Ночь рисует волшебной краскою,
Убегая с рассветом по полю.

* * *

Притаилась луна в полуночной тиши.
– Ты ведь тоже одна, уходить не спеши.
Будешь гостьей моей, предрассудки отбрось.
Заходи поскорей, в коридоре на гвоздь

Свою шляпку повесь. На пороге не стой.
Пред тобою я весь с приоткрытой душой.
Может, с пряником чай? Закипел только что.
Не молчи, отвечай! А она сквозь окно

Ухмыляясь глядит. – Я же здесь не одна! –
Мне в ответ говорит с восхищеньем луна. –
Рядом звёзды горят серебристым огнём
И кометы парят неизвестным путём.

Изо всех уголков мне планеты – друзья,
Миллионы веков мы большая семья!
– Отчего же тогда на лице твоём грусть?
– Просто я иногда заблудиться боюсь.

СОЧИ

Наконец-то наступило лето,
Не зови на отдых, зарубежье.
Нет прекрасней на земле рассвета,
Чем на Черноморском побережье!

Поутру туман расправит плечи,
Заиграют волны с тёплым бризом.
И под чаек трепетные речи
Мне махнут макушкой кипарисы.

На губах солёный привкус моря,
Незаметно пролетают ночи.
Я спокоен рядышком с тобою,
Мой родной, волшебный город Сочи!

Он обнимет солнечным загаром,
Покивает хвостиком дельфина,
Опоив божественным нектаром
Из цветов магнолий и жасмина.

Расставанье наше неизбежно,
Но я верю, свидимся мы снова.
И опять волна на побережье
Улыбнётся нежно-бирюзово.

НАШИ ДНИ

На скамеечке в центре города,
Где стрелою фонтаны бьют,
Малолеточки с чувством голода
Пиво горькое жадно пьют.

Не стесняются взгляда встречного,
Сигаретный пуская дым.
Выражаются беззастенчиво
Словом матерным, расписным.

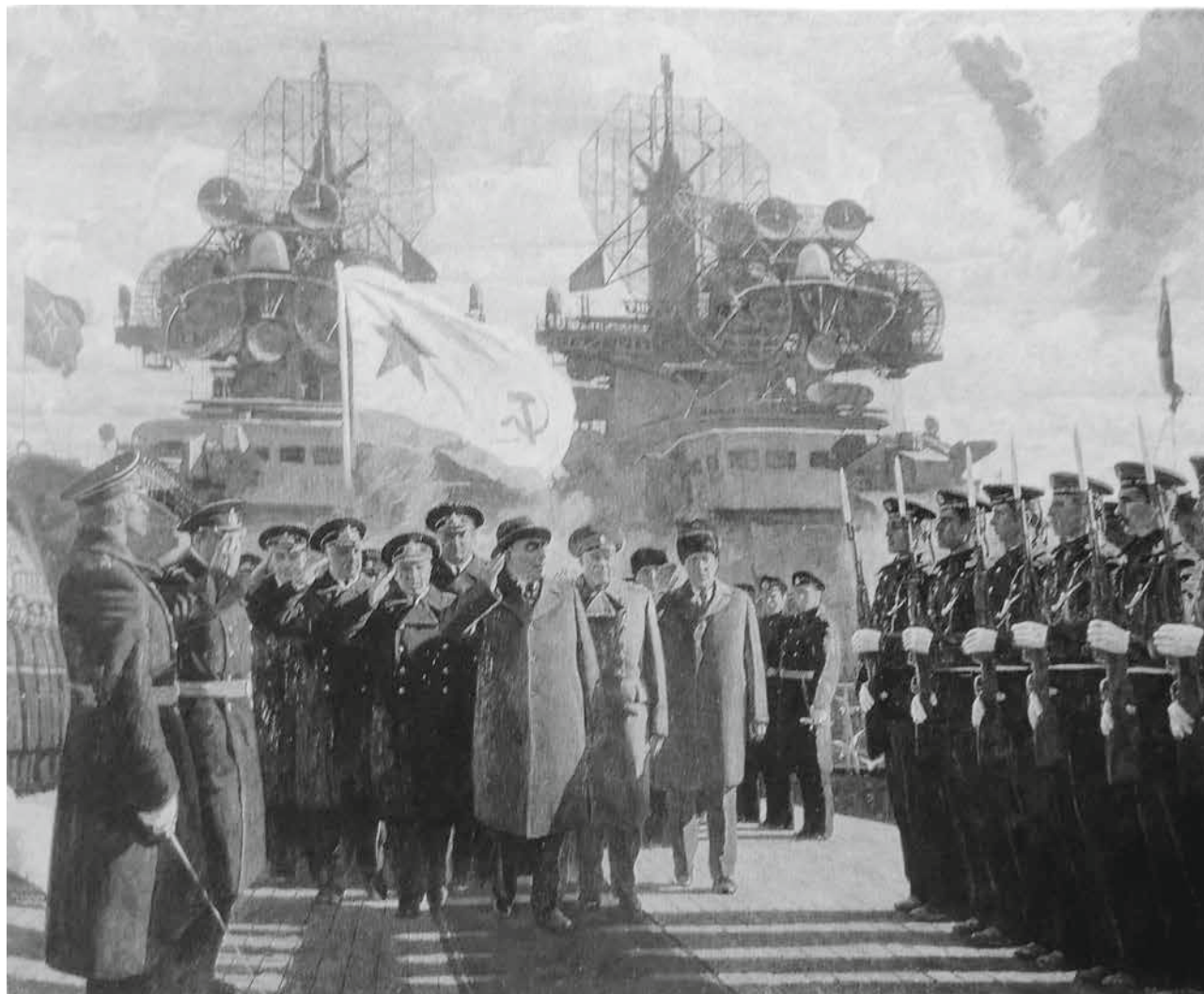
А напротив них, на скамеечке,
Не скрывая душевных ран,
Вековой старик в телогреечке,
В орденах вся грудь – ветеран.

Посмотрел в глаза поколению,
За которое кровь пролил,
Потекла слеза сожаления,
Вспоминая число могил,

Где друзья-бойцы отсыплются,
Жизнь отдав за свою страну...
А юнцы сидят, ухмыляются,
Наплевав на Победу ту.

Приподнял свой взгляд в небо синее
И побрёл домой не спеша.
А внутри, крича от бессилия,
Задыхалась его душа.

ПОТЁМКИНСКИЕ ДЕРЕВНИ

СМОТЯ ТВ И СЛЫША ВОСХИЩЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЖУРНАЛИСТОВ, КОТОРЫЕ С ВОСТОРГОМ ИЗРЕКАЮТ «ВПЕРВЫЕ», Я ВСПОМНИЛ СЛУЧАИ ИЗ СВОЕЙ ЖИЗНИ. ПОКАЗУХА БЫЛА И ЕСТЬ, ОНА НЕИСТРЕБИМА В КРОВИ ЧИНОВНИКОВ, КАК ВОЕННЫХ, ТАК И ГРАЖДАНСКИХ. Я НЕ ПРИВОЖУ СОВРЕМЕННЫХ ПРИМЕРОВ, С НИМИ НА КАЖДОМ ШАГУ ВСТРЕЧАЕТСЯ КАЖДЫЙ. Я ВСПОМНИЛ ПРОШЛОЕ, КОГДА УСЛЫШАЛ ПО ТВ, ЧТО ПРЕЗИДЕНТ ДАЛ УКАЗАНИЕ МО ПО ПРОВЕДЕНИЮ ВОЕННО-МОРСКОГО ПАРАДА В ЧЕСТЬ ДНЯ ВМФ. ЧТО У МЕНЯ ПОЛУЧИЛОСЬ – СУДИТЬ ЧИТАТЕЛЮ.

В богатом русском языке есть такие самобытные обороты, что их трудно перевести на другие языки и даже объяснить, что же они означают. К таким относится выражение «потёмкинские деревни» и слово «халява».

Про слово «халява» мне рассказывал мой покойный брат, который 15 лет проработал в

тогда ещё Восточной Германии и Западном Берлине, в советском торгпредстве. Однажды он как-то сказал одному из миллионеров Западного Берлина, Бауэру: «А кто же не любит на халяву?» Того это заинтересовало. Брат минут тридцать растолковывал ему смысл этого слова. А когда до того дошло, он целый час закатывал-

ся от смеха. Потом целый месяц, когда звонил брату, обязательно говорил: «Герр Володя, как на халяву?» – и закатывался хохотом. Оно и понятно, это сладкое слово «халява» ласкает душу бездельников.

Со вторым понятием посложнее. «Потёмкинские деревни» придумал не князь Григорий Потёмкин, они существовали в нашей крови и до него, просто масштабом не выделялись. А между тем с этим явлением, иначе его трудно назвать, связана вся наша жизнь. Попытка разоблачить его иногда, а вернее чаще, выражаясь языком народного артиста Бориса Новикова, часто приводила, да и сегодня приводит, к другому явлению – «Загремень под фанфары!». А ведь «потёмкинских деревень» сегодня тьма, стоит только глянуть в телевизор.

Не хочу утомлять читателя примерами «потёмкинских деревень», которые мы ежедневно зрим почти на всех каналах телевидения. Скажу только одно, что, будучи в провинции, услышал такой анекдот, который хорошо характеризует это чисто русское явление: «Если у вас в микрорайоне положили новый асфальт, покрасили дома, поставили новый забор, оборудовали детскую площадку и никто не приехал – значит, вы живёте в Германии!» Я всегда говорил, что народ у нас очень смывлённый и талантливый, вот только ему не хватает гордости и смелости перед начальством, а попросту – перед властью, которую он сам же и выбирает!

В России только через «потёмкинские деревни» и можно чего-то добиться. Гриша Потёмкин, показав императрице, как говорится, «товар лицом», добился её благосклонности для развития Малороссии. Как этот процесс развивался – это другой вопрос.

Я же хочу здесь рассказать сюжет из такой же оперы, который напрямую повлиял на развитие советского подводного флота в 60-е годы прошлого столетия. Этот ляпсус в истории флота повторяют многие молодые историки.

Сегодня мало кто помнит, что вытворял Никита Сергеевич Хрущёв с нашим Военно-морским флотом. И то, что наш флот в 60–70-е годы прошлого века достиг наибольшего расцвета, так это не благодаря, а вопреки воле генсека.

Никита был авантюристом, этого никто не отрицает. Многие его решения принимались под влиянием шоу, которые ему показывали устроители современных «потёмкинских деревень».

Летом 1962 года Никита Хрущёв посетил Северный флот, где ему устроили показное учение. Изюминкой этого учения был подводный старт баллистической ракеты с подводной лодки. Тогда все СМИ не преминули сообщить: «Атомоходы стреляют с глубин!» До этого ещё было далеко, но Хрущёв был доволен, а флот получил финансовую поддержку.

На самом деле это было так. Ниже приведу воспоминания командира подводной лодки, которая произвела этот пуск. Это была легендарная К-142 проекта 629Б, которой командовал тогда капитан 3-го ранга Сергей Иванович Бочкин, бортовой номер этой лодки был 777, в составе экипажа были офицеры Старкин и Наливайкин – чем не «водочная» лодка? За год К-142 произвела 29 испытательных пусков, в том числе и тот показательный, что позволило нам достичь паритета с американцами, обладавшими системой «Полярис». Я полностью подтверждаю эти воспоминания Сергея Бочкина, так как в то время проходил службу на лодке К-82 проекта 629, входившей в ту же дивизию, что и К-142.

«Мне памятен ещё один эпизод, – продолжил свои воспоминания Сергей Иванович, – и своей значимостью, и тем, как порой искажает события наша пресса, а потом это трактуют как исторический факт. В июле 1962 года на Северном флоте проводилось учение с показом высшему руководству страны новейших образцов военно-морского оружия. Н. С. Хрущёву и сопровождавшим его высокопоставленным лицам, находившимся на борту крейсера, следовавшего из Мотовского залива в Грениху, устроили "шоу" по полной программе. Были и пуск баллистической ракеты Р-13 (надводный старт с атомной подводной лодки проекта 658), и атака ракетных катеров, и уничтожение зенитным ракетным комплексом большого противолодочного корабля авиационного, и подныривание под крейсер атомной подводной лодки 627-го проекта... Но главным номером

был, конечно, подводный старт баллистической ракеты.

К этому мероприятию нас, командиров кораблей, участвовавших в учении, довольно долго готовили в штабе флота. Всё проигрывалось по минутам с участием самого главкома. Помню последний инструктаж Главкомандующего ВМФ адмирала флота Советского Союза С. Г. Горшкова, на котором он отметил, что всё, что планируется показать Н. С. Хрущёву, тот уже видел на Тихоокеанском флоте. А вот подводный старт – это ново!

Пуск ракеты следовало выполнить точно в назначенное время "Ч" плюс-минус одна-две минуты. На мои возражения, что это пуск испытательный и могут быть любые неожиданности, он ответил примерно так: "Ракета должна выйти точно в 12:15 и скрыться с глаз. Куда она у вас полетит, мне не важно!" Конечно, это была шутка, но она подтверждала категоричность требования. Надо понять и главкома. Крейсер следовал 20-узловым ходом, а главком вёл репортаж: "Посмотрите налево, сейчас всплывёт атомная подводная лодка, которая только что произвела пуск баллистической ракеты из-под воды, посмотрите по курсу – ракетные катера атакуют морскую цель..." и т. д.

Если задержаться с пуском ракеты на длительное время, Никита Сергеевич может его не увидеть по тому направлению, которое укажет главком, руководствуясь находящимся перед ним сценарием.

К счастью, пуск мы произвели точно в 12:15, всё мероприятие прошло гладко. Подводный старт – незабываемое зрелище. Среди свинцовых волн с рёвом показывается могучий цилиндр, ракета как бы нехотя выползает из воды. Немного зависает, из-под неё выбивается пламя. И вот она, набирая скорость и оставляя за собой грохот маршевых двигателей, устремляется ввысь... Никите Сергеевичу понравилось, и кадры с вылетевшей из-под воды ракетой прочно заняли место в выпусках кинохроники, рассказывающей о нашем ВМФ. Неожиданностью для меня и других специалистов оказался опубликованный на следующий день в газетах очерк "Атомоходы стреляют с глубин!".

Позже точно такое же искажение появилось и в книге «Н. С. Хрущёв, кризисы и ракеты», написанной Сергеем Никитичем Хрущёвым, очевидцем события. В этой книге он вспоминает: «Вдоль борта крейсера прошла и погрузилась, готовясь к стрельбе, одна из первых советских атомных подводных лодок».

Но стреляла-то К-142, а не атомоход! И атомные, и дизельные подводные лодки тогда имели на вооружении ракетный комплекс Д-2 с надводным стартом баллистических ракет Р-13.

Правда, на флоте все знали, что стреляла из-под воды «Портвейная». Такое неофициальное название получила наша К-142 с первых же дней по той причине, что имела бортовой номер 777 – название популярного в те времена портвейна «три семёрки».

Это то, что касается моря. А на берегу экипажи кораблей, не задействованных в учении, белили камни и красили траву. Проводилась операция «Палтус» по встрече высоких гостей... Это мероприятие похлеще Гришкиных «деревень»!

Не буду описывать «деревни» Северного флота, а обращусь к воспоминаниям тихоокеанца Николая Михайловича Балакирева на эту тему – страна у нас большая, но нравы одинаковые.

«УТС (учебная тренировочная станция. – В. К.) стояла на берегу, в заводе, на кильблоках. Среди ремонтируемых небольших рыболовных судов подводная лодка (УТС) выглядела внушительно. В то лето в Находке ждали Никиту Хрущёва. В этой связи в городе царил суматоха: что-то строили, что-то рушили, где-то красили, в другом месте краску сдирали, там яму рыли, здесь зарывали, и так бесконечно... В критический момент в помощь населению города из бригады подводных лодок были выделены моряки. Задача – убрать строительный мусор с главной площади города вокруг строящегося там какого-то здания. Я был назначен старшим над моряками. Здесь на площади располагалось здание горкома и горисполкома, перед ними намечались общегородской митинг и выступление на нём Никиты Сергеевича. Участвуя в привычной для подводников работе по уборке выделенной территории, я успевал наблюдать общую суету, которая творилась на

площади. Более десятка строительных рабочих, в основном женщин, штукатурили и тут же красили фасад недостроенного здания, другие рабочие откуда-то привозили и вставляли в пустые глазницы окон остеклённые рамы. Напротив горисполкома, через площадь, на краю обрывистого берега бухты стояло полдюжины хат. Около хат суматошно носились хозяева – вытаскивали домашний скарб и складывали на улице. Тут же грохотал бульдозер, возле которого с недовольным видом маялся мужчина в сером макинтоше и такого же цвета шляпе. Как только хозяева хаты прекращали работу, мужик в шляпе давал отмашку рукой, и бульдозер спихивал домик в обрыв, потом подъезжала грузовая машина и куда-то увозила жильцов с пожитками.

Во второй половине дня из штаба бригады прибыл рассыльный – командир бригады приказывал мне оставить за себя старшего из команды, а самому немедленно прибыть к нему. С чего бы это? – думаю, – вроде ничего дурного за этот день не совершал.

Прибыл. Комбриг приказал мне немедленно отправиться на завод и привести там УТС и личный состав в полный порядок. Завтра в 10:00 перед общегородским митингом на завод прибудет Никита Сергеевич Хрущёв. Около нашей подводной лодки (так и сказал: "около вашей подводной лодки", видимо, ранг корабля был повышен по соглашению с дирекцией завода – не показывать же генсеку какую-то УТС) состоится короткая встреча с рабочими завода, а мне с командой – по форме три (парадная) быть в строю на кормовой надстройке.

Пришёл на завод. Там бригада девчат уже орудовала пульверизаторами на лесах вокруг лодки. Остаток дня и вечер я потратил на смотры и пересмотры личного состава, чистку и утюжку своей одежды. К ночи наружная покраска корабля была завершена, а леса убраны. Утро мы встретили во всеоружии: корпус сверкал свежей краской, а моряки, опрятно одетые, сидели в курилке в ожидании команды построиться для встречи высокого начальства. За полчаса до назначенного времени мне позвонил директор завода:

– Встреча с товарищем Хрущёвым отменяется. Потраченную краску верните заводу, поскольку покраска корпуса лодки в ремонтной ведомости не предусмотрена.

– У меня нет краски, – бодро ответил я.

– Берите на своей береговой базе.

– Об этом вы, пожалуйста, договаривайтесь с комбригом сами, – вежливо ответил я.

Я твёрдо знал, что пытаться получить краску у Ивана Михайловича Колчина, нашего комбрига, – напрасный труд. Он был старый подводник, ещё военной закалки, и прекрасно знал цену шкиперскому имуществу в части поддержания вверенных ему кораблей в чистоте и порядке. Этому он неизменно уделял пристальное внимание, как, впрочем, и повседневной службе моряков, их быту, дисциплине, которая в последнее время стала не в почёте, каким до недавнего времени был патриотизм.

Кто-то возразит мне, что такое могло быть только при советской власти, и то в основном при Никите Хрущёве. Не буду переубеждать, приведу ещё один пример из тех времён, но при другом генсеке. Сегодняшние времена трогать не буду, только скажу – сравните картинку на ТВ с действительностью... и пусть каждый разбирается со своей совестью!

В своё время незабвенный генсек Леонид Ильич Брежнев осчастливил Дальний Восток своим посещением. Ему решили устроить «спектакль» с выходом в море на крейсере «Адмирал Сенявин». Вице-адмирал Н. В. Усенко (политработник) расписал те события как весьма и весьма благолепные: *«Л. И. Брежнев, Д. Ф. Устинов и сопровождающие их лица постоянно находились на мостике крейсера и очень внимательно следили за ходом учения. Адмирал Флота Советского Союза С. Г. Горшков пояснял отдельные эпизоды. Было видно, что настроение у высоких гостей хорошее»*.

Учение завершилось, тихоокеанцы показали в нём высокий уровень боевой подготовки. Все мы испытали удовлетворение» («Океанский максимум», Воениздат, 1980 г., стр. 265).

На самом деле учение в присутствии Леонида Брежнева больше походило на учение по пуску пыли в глаза.

Режиссура на крейсере «Адмирал Сенявин» соответствовала режиссуре, которая была отработана на крейсере Северного флота для Никиты Хрущёва, о чём читай выше.

К этому учению Тихоокеанский флот тщательно готовился. Заранее проводились соответствующие тренировки. «Чтобы, не дай Бог, торпеда не прошла мимо крейсера, – рассказывал Донат Ильич Герасимов, командир подводной лодки Б-213, непосредственный участник того "спектакля", – всё флотские мудрецы предусмотрели до мелочей».

Заранее в заливе Петра Великого была назначена точка погружения лодки, и там поставлена вежа, был задан боевой курс и скорость лодки, время и точка выстрела торпеды, и опять в той точке поставлена вежа. И, конечно же, время, место, курс и скорость прохождения крейсера строго регламентировались и были доведены до командира лодки.

Навигационным обеспечением атаки занимался флагманский штурман бригады, который вёл прокладку пути лодки, выстрел торпеды был задержан на пару минут от запланированного времени. За этот «вопиющий» промах флагманского штурмана сняли с должности. Кажется, какая разница, когда торпеда пройдёт под крейсером? Ан нет! Очевидно, по разработанному сценарию похода «Сенявина» с генсеком на борту все действия сил, участвующих в учении, были рассчитаны до секунды: «Гляньте, Леонид Ильич, в-о-о-о-т слева по борту открылся остров Аскольд, а справа, извольте видеть, на нас мчится торпеда!»

Слава Богу, при фактическом присутствии Брежнева на учениях всё прошло как по нотам, и Леонид Ильич наградил командира лодки Герасимова «Командирскими» часами (самый распространённый подарок того времени).

А я представил себе состояние «режиссёров спектакля», если бы вдруг Л. И. Брежнев обратился к главному:

– Сергей Георгиевич, когда там по плану атака подводной лодки?

– Через час, Леонид Ильич.

– А скомандуйте, Сергей Георгиевич, пусть крейсер район патрулирования лодки пройдёт

противолодочным зигзагом. Посмотрим, справится ли командир с поставленной задачей

Но Брежнев этого не предложил, да и никто из присутствующих ему, старому и больному, этого не подсказал. Конечно, опытный командир и в этом случае с высокой степенью вероятности атаковал бы крейсер. И радость экипажа и командира от внимания и подарка Верховного главнокомандующего удесятилась бы... Но этого, увы, никогда не происходит. Не знаю, что говорил Леонид Ильич на разборе учения, да и был ли такой разбор, но в книге почётных гостей крейсера он записал: «...С большим удовлетворением наблюдал за учениями кораблей Краснознамённого Тихоокеанского флота. Вы показали хорошую морскую выучку, умение владеть современным оружием и техникой...» И даже в этой записи брежневский только автограф, а остальное опять же сочиняли те же «режиссёры».

Всё тогда было при генсеках, но сегодня у нас президенты... А что изменилось?!

Вадим КУЛИНЧЕНКО,
капитан 1-го ранга в отставке,
ветеран-подводник, участник боевых действий

«ПОХЛЁБКА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ»

РАЗРУШИТЕЛЬНО-СОЗИДАТЕЛЬНЫЕ ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ

*Распятый! Укажи пути мне,
Дай знак, где истина, где ложь,
Услышь мой голос в тихом гимне.
И силы ангелов умножь...*

Георгий Иванович Чулков

ТРАГЕДИЙНЫЙ ЮБИЛЕЙ

2020 год... своеобразный юбилей... Столетие, прошедшее после 1920 года, вместившего в себя столько событий, судеб, трагедий и драм, что не хватит сотен и тысяч томов, чтобы о них поведать миру. Что мы теперь можем о них

знать и рассказать? Когда-то Иван Бунин говорил, что будущие поколения даже не смогут представить, как жила Россия, какой она была.

Однако кое-что мы всё же можем поведать, ведь по каждой семье прокатилось колесо истории, да и в силу профессии литератора исследовано некоторое количество материалов.

Годы хаоса и смуты, революции и постреволюционного синдрома... Бурлящие годы, когда одни кричали о гуманистической сущности революции, другие – о «бунте сатанинских сил», третьи – о гибели России, четвёртые – о конце света, пятые – о трагедии «русского исхода», шестые били в литавры, седьмые... просто умирали за неё – причём как со стороны белых, так и красных. Словом, как написал позднее Ярослав Смеляков:

*Когда-нибудь, пускай предвзято,
Обязан будет вспомнить свет
Всех вас, рязанские Мараты
Далёких дней, двадцатых лет.
Вы жили истинно и смело
Под стук литавр и треск пальбы,
Когда стихала и кипела
Похлёбка классовой борьбы...*

Для того чтобы понять, какими были двадцатые годы XX века, эта бурлящая «похлёбка классовой борьбы», надо сначала понять, что им предшествовало. Разве что-то возникает на пустом месте? Если говорить о том, что тогда происходило в России, то не хватит места перечислить литературу, написанную об этом. Крах, крушение, смена эпох, сотни и тысячи смертей, казни и расстрелы, бегство и жизнь в эмиграции – для одних, жизнь-малина – для других и разруха, разруха, разруха... Как говорится, кому война, а кому – мать родна.

Небольшой экскурс в недалёкое прошлое нам необходим, чтобы хоть немного приблизиться к тому, что предшествовало этим разрушительно-созидательным двадцатым годам XX столетия.

КОГДА НАЧАЛОСЬ?

Думается, что двадцатые годы были своеобразным апофеозом в развитии общественного сознания в России. Но говорить о начале и «учителях учителей» (по В. Я. Брюсову) мы сейчас не будем, у нас не та задача. Начиналось всё очень давно, так давно, что говорить об этом в небольшой статье не по-

лучится. Скажем лишь о XIX веке в России, во время которого уже наметилось чёткое противостояние славянофилов и западников, именно на таких два идеологических лагеря разделилось русское общество: если одни отстаивали исконный уклад жизни и прикладывали все силы к сохранению целостности русского государства (по принципу – в единстве сила), то другие ратовали за европейские ценности и упорно готовили раскол общества (в соответствии с другим принципом – разделяй и властвуй).

Отметим, что среди славянофилов были не только литераторы, среди них были выдающиеся русские учёные, например, одним из лидеров патриотическо-черносотенного движения являлся Дмитрий Иванович Менделеев. Выдающимся деятелем славянофильства был русский промышленник, железнодорожный строитель Фёдор Васильевич Чижов. Из литераторов – Алексей Степанович Хомяков, Иван Васильевич Киреевский, Константин Сергеевич Аксаков, Иван Сергеевич Аксаков, Юрий Фёдорович Самарин и др.

Среди западников того времени, как правило, называют имена русских литераторов, чьи якобы западнические убеждения мы давно ставим под сомнение. Как можно называть западниками таких писателей, как М. Е. Салтыков-Щедрин или И. С. Тургенев, И. А. Гончаров или Н. А. Некрасов? Или даже тех же Н. Г. Чернышевского с Н. П. Огарёвым? Все они были «печальниками» земли русской и её неустанными радателями, но ни в коем случае не разрушителями. Им бы и в голову не пришло, скажи им в их бытность, что их будут ставить на одну ступень с будущими литераторами-реформаторами-диссидентами разных мастей, чьей заветной мечтой было видеть Россию в руинах. Они мечтали о величии России, но не в узко-национальном смысле, а в контексте мировой цивилизации. Стоит открыть и прочитать две-три страницы И. С. Тургенева или И. А. Гончарова, и вы сразу забываете о том, что они причислены к представителям сторонников развития России по так называемому западному образцу.

И уж совершенно точно, что их ни в коем случае нельзя ставить на одну ступень с таким действительно западником, как некий, сегодня мало кому известный деятель Владимир Сергеевич Печерин, который имел подобные взгляды, будучи сначала профессором Московского университета, а затем – монахом католического ордена. Наверное, от него слышать славянофильские речи было бы действительно странно, ведь его даже называют одним из первых российских диссидентов и невозвращенцев – умер он за рубежом, в Ирландии, лишённый российского гражданства. Обратим внимание, что основное его сочинение имеет красноречивое название «Замогильные записки».

Следует сказать, что для XIX века, называемого золотым, тем не менее было характерно не только «золото» и не только противостояние славянофилов и западников, он был полон и настоящего мракобесия и гонений на науку. Достаточно вспомнить травлю Льва Николаевича Толстого, одна эта страница русской литературы способна испортить всю картину века, даже если бы она была полна внешнего благоговия. Кроме того, конец девяностых годов XIX века был связан с тайной подготовкой масонерией (по разным направлениям) проведения массовой русской бойни, ранее озаглавленной знаковыми событиями мировой истории: восстанием декабристов-масонов в 1825 году в России, французской революцией 1848 года (первая французская революция 1789 г. – дело их же рук).

НАЧАЛО XX ВЕКА: МАССОВАЯ БОЙНЯ ПОД ВИДОМ СТРАННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Начало XX века ознаменовало подготовку и осуществление мировым интернационалом невиданной в истории массовой русской бойни под видом «Великой Октябрьской социалистической революции», то бишь государственного переворота. «Моя иудейская гордость пела», – писал впоследствии Э. Г. Багрицкий. Это время физической расправы над патриотами и государственно мыслящими людьми, начало открытого террора и геноцида народа.

Именно с этого времени русская лите-

Борис Пастернак, Владимир Маяковский, Тамизи Найто, Арсений Вознесенский, Ольга Третьякова, Сергей Эйзенштейн и Лилия Брик, 1924 г.

ратура не просто раскололась на два непримиримых лагеря, она заполнилась именами новых людей, которых в ней исторически никогда не было, поскольку в царской России существовала «черта оседлости», установленная правительством. Но 1917 год стал той трагической точкой в русской истории, которая изменила «лицо» русской литературы. Именно тогда в русскую культуру внедрилось не всегда оправданное новаторство и экспериментаторство, проникая всюду – в поэзию, музыку, театр, искажая и нарушая традиции и нравы. Отчасти, возможно, поэтому и появились различные литературные направления и группировки.

Что касается русских литераторов – одни, чтобы спастись от этого нашествия и попрания рушащегося, по их мнению, мира, вынуждены были эмигрировать, что стало для них настоящей жизненной трагедией, ведь жизнь в захваченной большевистской России для них была невозможна и опасна, и жизнь вне России была для них тяжела, полна боли и скорби (Константин Бальмонт, Иван Бунин, Георгий Иванов, Иван Шмелёв и др.); другие приспособились, но впоследствии были уничтожены пришлой властью (Владимир Нарбут, Александр Блок).

Тогда же было создано странное общество изучения поэтического языка под названием ОПОЯЗ (1916–1925), это была некая «формальная школа», организатором которой выступил никому не известный Виктор Шкловский, а чле-

нами стали Григорий Винокур, Юрий Тынянов, Борис Эйхенбаум, Роман Jakobson и др. В эти годы появилось много разного рода уродливых аббревиатур, всем своим видом, звучанием и содержанием попирающих гармоничный лад русского языка.

В эти же годы продолжалась усиленная расстановка людей на основные места, в том числе и касающиеся пропаганды литературы и журналистики как грозного и действенного идеологического оружия. Об этом мы ещё скажем.

СТИХОТВОРНЫЙ ХАОС СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Двадцатые годы – время хаоса в отечественной культуре, начавшегося даже не в 1917 году, а очень и очень давно. Это время отмечено появлением многочисленных (около сорока) литературных групп (все как одна нетрадиционного направления): футуристы, эгофутуристы, кубофутуристы, имажинисты, конструктивисты и т. д. В числе теоретиков этих направлений – Осип Меерович Брик, Борис Анисимович Кушнер. В числе участников – Эдуард Годелевич Багрицкий (Дзюбан), Давид Давидович Бурлюк, Николай Давидович Бурлюк, Евгений Иосифович Габрилович, Вера Моисеевна Инбер (Шпенцер), Бенедикт Наумович Лившиц, Анатолий Борисович Мариенгоф, Матвей Давидович Ройзман, Илья Лейбович Сельвинский (Селевинский), Вадим Габриэлевич Шершеневич и др.

В 1923 году возникла такая литературная группировка, как ЛеФ – Левый Фронт Искусства (обратим внимание – левый, а не правый, что весьма показательно и символично), в которую вошли недавние футуристы во главе с Владимиром Владимировичем Маяковским. Их имена всем хорошо известны: Николай Николаевич Асеев (Штальбаум), Семён Исаакович Кирсанов (Кортчик), Борис Леонидович (Исаакович) Пастернак и др. Из критиков: Николай Фёдорович Чужак (Насимович), Осип Меерович Брик и др.

Были даже так называемые неоклассики, а ещё презентисты, акцидентисты, ничевоки, беспредметники, инструменталисты, люмини-

сты и даже акоитисты – отрицающие половые отношения между мужчиной и женщиной; правда, последователем этого направления был один-единственный человек, его провозгласивший, это Николай Павлович Хориков. Сочинения авторов этих разнообразных, но малочисленных и кратковременных группировок не оставили заметного следа в литературе, а порою на фоне высокой русской классики казались творчеством мало вменяемых людей.

Представители всевозможных литературных групп буквально заволокли литературу, внося в неё не только разнообразие, но и самый настоящий хаос. В чём это выражалось? В конкретике, в тех поэтических и прозаических текстах, которые они создавали. В том искусстве или псевдоискусстве, которое они провозглашали и культивировали. В том смешении добра и зла, в стремлении к загадочной и манящей бездне, в векторе разрушения, которому они следовали. Серебряный век жил этим внутренним хаосом, раздраем, желанием и готовностью эпатировать – была бы публика.

Георгий Иванович Чулков писал прекрасные и ужасные одновременно стихи, собственно, именно такие – в духе Серебряного века, сверхминорные, тяготеющие к мраку и отражающие состояние общества. «Живому сердцу нет отрады, / Когда в бреду безумный мир...»

В это время творил Тихон Васильевич Чурилин. Стихи Тихона Чурилина – талантливые словесные выверты, болезненная звукопись, туманный смысл, как следствие того внутреннего надлома, присущего Серебряному веку. Он часто использовал внутренние рифмы, что всегда красиво и свидетельствует о мастерстве автора, но при этом постоянно, уже как издевательство над читателем и русским языком, мы находим у него словесные экзерсисы. Без этого Серебряный век не мог, ему надо было эпатировать, даже если этот эпатаж всем до смерти надоел и хотелось простоты – ясной, классической и возвышающей.

Но не тут-то было, здесь появлялись свои слова и словечки: *ороснеть* – покрыться росой, *затучиться* – затянуться тучами, *инеить* – покрыться инеем. Можно оправдать это тем,

что перед нами, дескать, авторские окказионализмы, но когда они единичные, оправданные – это интересно, необычно, ярко, стильно. Но когда они появляются чуть ли не в каждом стихотворении, строфе, стихе – это начинает утомлять и раздражать: зачем они в таком количестве?

Владимир Иванович Нарбут в 1920 году в стихотворении «В огне» написал странные стихи: «Я буду, рубака грубый, раскраивать черепа», хотя здесь же у него возникают строки о предошущении беды – «горе простоволосым глядит на меня в окно». Видимо, он понимал, что за это «раскраивание черепов» придётся отвечать. Он прекрасно осознавал, кого и что он призывал, когда писал: «Кочуйте, Мор, Огонь и Глад, – бичующее Лихолетье!» А это значило, что Россия в эти годы была в огне и крови, шла братоубийственная война, горели селения, гибли люди, рушились экономика, народное хозяйство, культура, наука.

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА: КОГДА ВИНА – ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ...

Двадцатые годы отмечены ещё одним важным моментом: шла расстановка «своих» людей на «ответственные места». Любая попытка отстоять классическое, традиционное, созидательное искусство пресекалась на корню, ибо считалась инакомыслием и «отрыжкой» буржуазного мира. Так были уничтожены десятки талантливых поэтов и писателей – вдуваемся в эту цифру, ведь речь идёт о живых

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ ОТМЕЧЕНЫ ЕЩЁ ОДНИМ ВАЖНЫМ МОМЕНТОМ: ШЛА РАССТАНОВКА «СВОИХ» ЛЮДЕЙ НА «ОТВЕТСТВЕННЫЕ МЕСТА». ЛЮБАЯ ПОПЫТКА ОТСТОЯТЬ КЛАССИЧЕСКОЕ, ТРАДИЦИОННОЕ, СОЗИДАТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ПРЕСЕКАЛАСЬ НА КОРНЮ, ИБО СЧИТАЛОСЬ ИНАКОМЫСЛИЕМ И «ОТРЫЖКОЙ» БУРЖУАЗНОГО МИРА. ТАК БЫЛИ УНИЧТОЖЕНЫ ДЕСЯТКИ ТАЛАНЛИВЫХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ

людях! Среди репрессированных были, например, члены так называемого «ордена русских фашистов», литературной группы Алексея Ганина, чья вина заключалась лишь в любви к России. Следует отметить, что с поэтами этого круга был дружен Сергей Есенин.

Среди репрессированных поэтов и литераторов этой группы были: Алексей Алексеевич Ганин (1893–1925) – поэт, расстрелян; Владимир Михайлович Галанов (1895–1925) – поэт, расстрелян; Борис Александрович Глубоковский – драматург, актёр, дан десятилетний срок лагерей (1894–1934); Виктор Иванович Дворяшин – литератор и художник (1897–1925), расстрелян; Николай Николаевич Чекрыгин – поэт, родом из Жиздры Калужской области (1902–1925), расстрелян; Пётр Николаевич Чекрыгин – поэт, родом из Жиздры Калужской области (1901–1925), расстрелян. А также: Евгений Заугольников – судьба неизвестна; Иван Колобов – судьба неизвестна; Григорий (или Пётр) Никитин – судьба неизвестна; Александр Николаевич Александров-Потерехин (или Александр Потеряхин) – дан десятилетний срок лагерей. К великому сожалению, судьба многих литераторов до сих пор остаётся почти неизвестной, их творческое наследие требует широкой огласки и объективного изучения. Эту тему в 1992 году мужественно поднял в своей работе «Огонь под пеплом. Дело "сибирской бригады"» Станислав Юрьевич Куняев (Наш современник, 1992, № 7).

Загадочна роль Николая Степановича Гумилёва (1896–1921) в революции и судьбе страны (вероятнее всего, он был не только великим поэтом, но и служил в разведке, но это пока остаётся предположением); в 1921 году он был расстрелян якобы за участие в заговоре. Александр Александрович Блок (1880–1921), поначалу услышавший в грохоте и какофонии революционных перемен «музыку революции» и призывавший её слушать, вскоре ясно увидел её адское происхождение и тут же был убран с политической сцены в 1921 году инсценированной болезнью, которую никто не разгадал до сих пор. Сергей Александрович Есенин (1895–1925), близкий друг поэтов из патриотического общества Алексея Ганина,

воспевающий «шестую часть земли с названием кратким Русь», видимо, был устранён в 1925 году инсценированным самоубийством.

ОБЕД ПО РАСПИСАНИЮ...

Хаос хаосом, а обед, как говорится, по расписанию. Одни литераторы терпели бедствия, а другие преуспевали, получали всевозможные блага и наслаждались жизнью. Вот несколько примеров.

Осипу Мандельштаму Союз писателей выделяет большую комнату, активна и его литературная деятельность, у него, по сообщению П. М. Нерлера, «несколько договоров на переводы, десятки публикаций» [1, с. 10].

Другой представитель литературного или окололитературного мира – *Лариса Рейснер* – тоже прекрасно устраивается в новой действительности. Известно, что до революции она издавала с отцом журнал «Рудин», затем работала в Петрограде в комиссии по делам искусств, потом едет на фронт, становится комиссаром, возвращается, одновременно меняет мужей, предпринимает многочисленные поездки по стране. И всё это время она купается в роскоши, живёт в особняке, принимает гостей. А ведь всё это происходило в двадцатые годы, те самые, когда в России полыхала Гражданская война, и для народа это было время тяжелейших испытаний, голода, массовых смертей, потери крова. В стране был голод? Помилуйте, это не для неё. Для неё – всевозможные гастрономические изыски, приёмы и рестораны, прислуга и дамские капризы. А голод – это для других.

Примерно в то же самое время выходит и усиленно «раскручивается» роман *И. Ильфа и Е. Петрова* «Двенадцать стульев», представляющий собой злостную пародию на всю дореволюционную Россию с её вековыми устоями, трудолюбием, нравственностью, честностью, широтой души, генетическим добродушием. Вспомним образы классовых представителей, которые создали эти писатели: все они либо пьяницы, либо стяжатели, либо прохиндеи и мошенники. Согласитесь, что один образ предводителя дворянства в лице Кисы Воробьяни-

нова отталкивающе омерзителен. Но именно таким для авторов, не понимающих и не могущих понять исторических реалий России, виделось русское дворянство, то дворянство, которое обогатило науку и культуру великими именами: Льва Толстого, Фёдора Достоевского, Ивана Тургенева, Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Михаила Салтыкова-Щедрина, Николая Некрасова, Ивана Бунина и многих других столпов мировой культуры. Причём сейчас мы взяли только литературные имена, не говоря о композиторах, художниках, учёных, изобретателях, врачах, инженерах. Но не мог малообразованный человек, родившийся в семье, приехавшей в Одессу из маленького городка Киевской губернии, для которого было счастьем работать здесь бухгалтером, но после революции, в 1923 году, перебравшийся в Москву, понять, что для русского человека, дворянина ли, купца, крестьянина, важнее всего на свете были честь и достоинство.

Академик Игорь Ростиславович Шафаревич, характеризуя творчество авторов этого романа, считал, что оно давно требует переосмотра. Вот что он писал: «Это отнюдь не забавное высмеивание пошлости эпохи нэпа. В мягкой, но чёткой форме здесь развивается концепция, составляющая, на мой взгляд, их основное содержание. Действие их как бы протекает среди обломков старой русской жизни, в романах фигурируют дворяне, священники, интеллигенты – все они изображены как какие-то нелепые, нечистоплотные животные, вызывающие брезгливость и отвращение. Им даже не приписывается каких-то черт, за которые можно было бы осудить человека. На них вместо этого ставится штамп, имеющий целью именно уменьшить, если не уничтожить, чувство общности с ними как с людьми, оттолкнуть от них чисто физиологически...» [2].

В это самое время совершалось, пожалуй, одно из самых трагических действий истории – исход русских людей. *Бегство из России, но не от России, а от новой и непонятной власти*, когда уничтожались здоровые силы общества, рушились основы государства, совершалось посягательство на его вековые устои.

Такая коренная ломка, будучи намеренно спланированным и хорошо подготовленным грандиозным делом, могла окончательно уничтожить Россию. Особенно это было страшно после 1917 года, когда сначала под корень было уничтожено дворянство как класс. Но если с либеральной, действительно прогневшей, шаткой, испорченной западными революционно-разрушительными веяниями интеллигенцией совладать было проще, то класс-кормилец в этом смысле оказался гораздо устойчивее. Его нравственная суть выкристаллизовывалась веками, и её согнуть оказалось практически невозможно. И тогда в ход было пущено страшное оружие – раскулачивание под видом коллективизации, когда людей свободных, трудолюбивых, состоятельных стали бездумно загонять в некие аморфные объединения, словно в стадо. Ведь люди, пережившие раскулачивание, как писал Н. И. Тряпкин, были «только тем и виновны, что жили крепче других». Но это было уже чуть позднее, хотя подготовлено в двадцатых годах. И это – другая тема, правда, вытекающая из первой.

Да, в тридцатые годы XX века гонения писателей продолжались. Русская литература переживала тяжелейшие времена, всю деятельность РАПП (созданная в 1925 г.) – так называемая Российская ассоциация пролетарских писателей, куда входили: Леопольд Лейбович Авербах, Дмитрий Андреевич Фурманов (настоящая фамилия Фурман), Юрий Натанович Либединский, Владимир Михайлович Киршон, Александр Александрович Фадеев, Владимир Петрович Ставский (настоящая фамилия Кирпичников), Владимир Владимирович Ермилов. На глазах всего мира происходила чудовищная идеологическая схватка, становившаяся смертельной.

ПРОДОЛЖАЮЩИЙСЯ АПОФЕОЗ ТРАГЕДИИ?

Мы сказали, что двадцатые годы XX столетия были своеобразным апофеозом в развитии общественного сознания, но они не стали заключительным этапом, за которым последовали бы

надлежащие выводы. Они не были концом. А теперь, в двадцатых годах XXI века (по допетровскому календарю – века 76-го), думается, что такие трагические апофеозы, как ни странно, в истории происходили часто. Это звучит даже не странно – чудовищно, ибо нарушает все законы «жанра». Но такова амплитуда развития мирового сообщества, его лихорадит, трясёт, колотит. Кажется, оно не знает покоя с некоторых пор своего существования. Оно живёт и развивается по какой-то загадочной и внешне непонятной траектории, хотя объяснение этому есть и внутренние закономерности, безусловно, присутствуют.

Мы понимаем, что мир погряз в кризисе – цивилизационном, мировоззренческом, системном. Человечество пошло не по тому пути развития – не гармоничному ментально-духовному, а хаотичному потребительско-меркантильному. Теперь это ясно всем, и «стук литавр» и «треск пальбы» всё ещё раздаются с разных сторон. Вечный вопрос «что делать?» по-прежнему актуален.

Многое в этом смысле продемонстрировали обществу те самые двадцатые годы XX столетия – разрушительно-созидательные годы. Оказалось, что заваренная когда-то «похлёбка классовой борьбы» горчит и вообще трудно переваривается. И для нас важно извлечь какой-то полезный урок. Но какой? Молчит Русь...

Литература

1. Мандельштам О. Э. «И ты, Москва, страна моя, легка...»: Стихи, проза, воспоминания, материалы к биографии; венок Мандельштаму / Сост. и автор вступ. ст. и примеч. П. М. Нерлер. – М.: Московский рабочий, 1990. – 560 с. – (Московский Парнас).

2. Шафаревич И. Р. Русофобия [Электронный ресурс]. URL: <http://lib100.com/book/other/rusofobiya/%D8%E0%F4%E0%F0%E5%E2%E8%F7%20%C8.%D0/%D8%E0%F4%E0%F0%E5%E2%E8%F7%20%C8.%D0.%20%D0%F3%F1%EE%F4%EE%E1%E8%FF.htm> (дата обращения: 15.10.2013).

Любовь РЫЖКОВА

НА РОДИНУ ДЕДА

Как же долго я ждала эту поездку! Как долго я готовилась, примеряя свои самые нарядные платья! И вот этот день настал. Поезд мчал меня в мечту. Я уселась у окна купе и с наслаждением смотрела на пшеничные поля, на мелькающие деревья. И мне так было хорошо и сладостно на душе, что хотелось петь. Понимание того, что впереди ждёт долгожданная встреча с землёй моих предков, переполняло и без того наполненную счастьем душу. Ласковое солнце согревало своими лучами, заставляя улыбаться ему в ответ. И я улыбалась.

Вдруг тучи заслонили небо. Вдалеке слышались раскаты грома, сверкнула молния. Всё это звучало, как музыка Бетховена: торжественная, возрастающая и величественная. А вместе с ней поднимались, бурлили во мне эмоции. И в голове рождались строки, от которых бежала дрожь по всему телу.

*Покидаю я край белоствольных берёз,
Родников край, озёр синеоких.
И любовь к ним меня пробирает до слёз,
Растворяется в чувствах высоких.*

*Птицей кажутся вдруг в небесах облака,
Белым аистом тем, что у дома
Поутру клекотал: «Уезжай же! Пока!
Ты Россией любимой ведома!»*

*Покидаю я край... И колёса стучат,
Сердце бьётся им в такт неумело.
А дождинки мне письма от предков строчат,
Подставляя стеклу своё тело.*

*Одинокими будут поля без меня,
Будут ждать моего возвращенья.
Мне без них не прожить ни минуты, ни дня!..
И прошу у землицы прощенья.*

*Покидаю я край свой любимый, родной,
Чтобы встретиться с родиной деда.
И не станет помехою дождь проливной,
Ведь в Россию любимую еду.*

Всю дорогу я не сомкнула глаз. Мысленно рисовала встречи с родными, до сих пор незнакомыми мне людьми. Но самым главным было узнать, каким был мой дед. По воле рока мы с ним не смогли встретиться, не смогли обнять друг друга – погиб он в Великую Отечественную войну. Вернее сказать – пропал без вести. И где его могилка, я не знаю. Да и о том, откуда он родом, также до недавнего времени было неизвестно. А за шесть месяцев до этой поездки мне пришло письмо от незнакомой женщины, которая написала, что нас связывают родственные узы, так как её дедушка и мой – родные братья. Это ли не чудо? Это ли не промысел Господень?

А вот и пункт моего назначения – Санкт-Петербург. Подхватив свои сумки, я вскочила на перрон, на котором с огромными букетами роз стояли люди. «Наверное, какую-то делегацию встречают», – подумала я. И каким же было моё удивление, когда вся эта толпа окружила меня. Кто-то повис на моей шее с причитаниями, кто-то кричал «Ура!», а кто-то, отобрав у меня всё, что было в руках,

подталкивал всех к выходу. Мне оставалось только мило всем улыбаться.

Когда все немного успокоились, я смогла познакомиться с ними. Это была большая семья моей троюродной сестры. Не буду их описывать, так как это займёт очень много времени, но скажу только одно: это были огненно-рыжие уроженцы славной Северной столицы России. «Вот это да!» – мелькнуло в моей голове.

– Не удивляйся, сестричка. Вся наша порода такая, – сказала моя сестра, которую звали Ульяной. – И дед твой был рыжим, как и мой. Пойдём, дорогая моя находка, домой, туда, где родился и вырос твой дед.

Господи, как билось моё сердце! Как оно трепетало, плакало и радовалось одновременно в моей груди! Казалось, если бы оно могло, то мгновенно бы выскочило и вознеслось над нашими головами.

Отказавшись ехать, я шла по улицам города, восхищаясь им, впитывая всё, чем он жил, что нёс в себе. Я тонула в его величии, в роскоши его архитектурных решений.

*Холодный и гордый, омытый дождями,
Стоишь на реке, на каналах века.
Водою морей ты обвит, как сетями.
Тебя охраняет Петрова рука...*

– А вот и наш дом, – долетел до меня голос Ульяны.

Все мои родственники устремились во двор, а я, прильнув щекой к стене дома, закрыла глаза и представила своего дедушку Матвея.

– Так вот где ты рос, – шептала я ему. – Так вот где брал силы, оттачивал свой характер. Каким же ветром тебя занесло в Беларусь, в болотистый край Наровлянщины? Не отвечай, дедушка. Ответ я знаю сама. Это – любовь! Это твоя единственная в короткой жизни любовь, результатом которой явились семеро детей, наполовину таких же рыже-огненных, как ты.

Слёзы текли из моих глаз. Я отчаянно их вытирала, но они снова и снова появлялись и падали на краску, покрывающую стену. Она намокала и становилась тёмной, образуя какой-то рисунок.

Наконец я смогла совладать со своими чувствами, и мы поднялись в квартиру. Большие комнаты с высокими потолками поразили меня с первых минут.

– Ничего себе, – только и смогла я сказать.

– А то! – ответила гордо мне сестра.

Вскоре мы пили чай, ели вкуснейшие в мире пироги, знакомились поближе и рассказывали о своих семьях. Я поведала о своей семье, о семье бабушки, о той его жизни, неизвестной для семьи Ульяны. А потом... Потом, когда все разошлись, я смотрела старые семейные фотографии, на которых был мой дед, его родители, его братья. На меня смотрел то маленький рыжеволосый мальчик, то серьёзный и уверенный в себе юноша.

– Я знала, что когда-нибудь смогу тебя найти, мой дорогой, мой самый родной человек. Всю свою жизнь твоя доченька, а моя мамочка София искала тебя, искала твои следы, – сказала я вслух, не замечая присутствующих.

– Ну что ты, что ты, Томочка, – прижала меня к себе родственница.

Слёзы мешали мне говорить. Я задыхалась. Но всё это было от волнения, от осознания счастья.

Целую неделю я провела в компании своих родственников. Каждый день мы гуляли по городу, любовались его красотами. Не в первый раз я была в Питере, но сейчас он мне открывался по-другому, по-особенному. Я впитывала в себя его дыхание, его жизнь, осознавая, что любила его всегда, как и всю Россию-матушку.

Домой уезжала дождливым ранним утром. На небе, затянутом тёмными тучами, время от времени вспыхивали молнии, разрезая его пополам. «Опять гроза, как в день отъезда из Беларуси, – подумала я. – Наверное, это знак свыше. Значит, я сюда ещё не раз вернусь, как возвращаюсь сейчас домой».

Прощавшись с сестричкой, я заняла своё место в купе. Поезд тронулся, а я всё ещё жила теми семью днями, проведёнными в родных стенах моего деда Матвея, моего россиянина-белоруса, не пришедшего с войны.

*Я люблю тебя, матушка-Русь,
Я люблю твою мощь, твою силу.
Тем, что род мой – российский, горжусь,
Тем, что дочкой меня окрестила.*

*Родилась я на Белой Руси,
И любви к ней своей не жалею.
Ты меня, мать-Россия, прости –
По-другому любить не умею.*

*Для меня сёстры вы близнецы,
Пуповиною связаны прочной.*

*Вы – бессменные жизни творцы.
Знаю я это, матушка, точно.*

*Под твоим я крестилась крылом,
В день, когда слышен звон был курантов,
В день, когда возвышался над злом
Не один строй безусых курсантов.*

*Я люблю Беларусь всей душой,
Той, в которой России есть место.
Слышишь, Русь, мне с тобой хорошо!
Весь мой род от Камчатки до Бреста!*

МАРИЯ

С самого утра у Марии ничего не получалось. Руки её тряслись, голова кружилась, ноги не слушались. Она не знала, чем сегодня будет кормить своих деточек. Старшим сварила борщ из лебеды, а вот маленькой Анечке нечего было дать. Девочке вчера исполнился только один годик. Ну как такую малюточку кормить травой? Мария думала об этом и тихонечко плакала.

Немцы захватили всю Беларусь. Все кто мог поднялись на борьбу с фашистами. Вот и Николай ушёл в партизаны. А она осталась дома, ведь на печи сидели дети. А их было восемь. Поэтому Мария ночами пекла хлеб для партизан, штопала одежду, а днём ходила по соседним деревням, собирая сведения о расположении немцев. Раз в неделю приходил Николай, и она передавала всё это ему.

Вот и сегодня Николай пришёл под утро, приласкал её, детей и ушёл в лес. А она осталась здесь, среди врагов.

Её размышления прервал крик. Мария вышла во двор. По улице бежала её соседка Прасковья. Женщина прижимала что-то к груди. Растрёпанные волосы несчастной рассыпались по плечам. Она кричала.

– Что случилось, Прасковья? – спросила Мария.

– Немцы... Они флаг бросили... В грязь... Я... я его забрала, – задыхаясь ответила женщина.

– Зачем ты это сделала? Они же тебя убьют, Прасковьюшка, – заголосила Мария.

Но Прасковья её слов уже не слышала. Она побежала дальше. А за нею гнались немцы. Фашист в очках выстрелил, и Прасковья упала. Кровь потекла из-под её головы. Немецкие солдаты подъехали к женщине, зацепили верёвкой за ногу и потащили по дороге.

Мария вбежала в свой дом. Детям приказала спрятаться под печкой и сидеть тихо-тихо, что бы ни случилось. А через несколько минут зашёл каратель. Он схватил Марию и погнал на улицу. Там уже были все сельчане. Люди плакали. Немцы ходили вокруг с собаками. Один из них вышел вперёд. Маленькие глазки бегали, пальцы обнимали древко автомата.

– Вам захотелось поспорить с великая раса? Мы уже захватили половина Европа, дошли до Москов, а вы решили показать свой характер? Нихт у вас ничего, и Родина нихт. Сегодня мы покажем вам наше могущество.

Фашист поднял руку, и солдаты стали толкать людей, бить их. Кто-то кричал от страха, кто-то молча шёл. Послышались выстрелы, и одна женщина упала на дорогу. Люди бросились бежать. Мария также побежала и спряталась за сарай. Сердце её билось в тревоге. Ей было очень страшно за детей: не дай Боже, найдут их выродки... С такими мыслями она

поднялась и побежала дальше. Добежав до конца огорода, перелезла через жердь. Ещё немножко – и можно будет спрятаться во ржи. Но за спиной уже рычала собака. Мария обернулась. За ней стоял немец.

– Комм, комм, матка – сказал злодей и ударил Марию автоматом.

Женщина не удержалась и упала. Тяжёлый солдатский сапог влез в живот. В глазах потемнело. Мария потеряла сознание.

Очнулась она в сарае, где были все сельчане. Люди стонали, плакали. Никто не знал, что их ожидает. Мария попробовала подняться, но голова кружилась, и она прислонилась к стене, закрыв глаза. Вспомнила детей, и у неё сжалось сердце.

– Никто не видел моих детей, люди? – спросила она.

– Нет, Мариечка, не было твоих деток здесь. Может, спаслись твои все? – ответила Татьяна Ивановна, сельская учительница.

– Дай Бог, Татьяна Ивановна, дай Бог, – взмолилась Мария.

Она обвела взглядом всех, кто был рядом. Заметила раненых. Женщина поспешила им на помощь.

– Дядька Игнат, что с вами? Дайте посмотрю вашу руку, – обратилась она к старому человеку, который сидел, прислонившись к воротам. Рука его была вся в крови. Рубашка присохла к ране. Мария разорвала рукав, вытерла кровь. Затем оторвала от своего платья полоску ткани и перевязала рану.

– Ну вот и всё. А теперь отдыхайте, – улыбнулась она мужчине.

– Спасибо тебе, Мариечка, – ответил с благодарностью дядька Игнат.

Женщина стала обходить всех сельчан. На соломе лежала девушка. Мария узнала её. Это была Алеся, дочь Натальи Ефимовой. Лицо её было прикрыто, и Мария подумала, что девушка мертва. Но через минуту послышался тяжёлый хрип. Сбросив с лица ткань, она на секунду замерла от неожиданности: лицо раненой напоминало красное месиво. Мария перекрестилась. Она поняла, что не сможет помочь и спасти Алесю. Сердце её

болело, душа кричала от бессилия. В эту минуту она ненавидела фашистов, ненавидела их матерей. «Что они забыли на этой земле? Для чего им эти люди и их дома?» – думала женщина.

Вечерело. Темно стало и в сарае. Мария догадывалась, что жить им осталось только до рассвета. Немцы не оставят их в живых – не для того они загнали сюда людей. А ждать освобождения не приходится.

Всю ночь Мария просидела в раздумьях. Она старалась успокоить женщин и детей. И вот послышался лай собак. Фашисты подходили к сараю. Они разговаривали и смеялись. Им было весело. Ворота открылись. На людей смотрели дула автоматов.

– Комм, – крикнул немец.

Люди один за одним пошли к выходу. Но каждого, кто выходил, встречали пули. В сарае начался переполох, крики, плач. Люди не знали, как им поступать.

– Родненькие мои, не выходите. Пусть они сами идут к нам, – тихо сказала Мария.

И все, услышав её, замолчали. Нависла тишина. А Мария стала за столб, взяв в руки жердь. Наконец в сарай вошёл высокий худой немецкий солдат. Он с наглой ухмылкой смотрел на измученных людей. Ему нравилась эта игра со смертью. Фашист протянул руку к бабушке Наталье. Но в этот момент тяжёлая жердь опустилась ему на голову. Немец упал. Мария схватила автомат и стала у выхода.

– Оттащите этого выродка в солому, – прошептала Мария. Женщины выполнили её приказ.

А к сараю направлялись ещё два фашиста. Они подняли автоматы и угрожающе смотрели на беспомощных женщин.

– Хенде хох, – скомандовал один из них. Люди подняли руки вверх. А Мария нажала на курок. Послышалась автоматная очередь, и фашисты повалились на землю.

– Берите автоматы, женщины. Чего вы ждёте? Нам никто не поможет. Только мы сами можем себя освободить, – зло крикнула Мария.

Хромой Андрей и дед Матвей схватили оружие и также стали у стены сарая.

В этот момент спохватились и фашисты. На улице их оставалось ещё десять человек. Они бежали к сараю, не ожидая отпора. Но их встречали пули, выпущенные из оружия Марией, Андреем и старым дедом. Замертво свалились сразу шестеро фашистов. Трое залегли за колодой. Они начали стрелять. А один из фашистов вскочил на мотоцикл и уехал.

– Всем лечь! Быстро! – крикнула Мария. Люди попадали. Казалось, что никто из них не дышит. А Мария подползла к воротам и открыла огонь. Ещё двое фашистов отбросили свои головы на траву. Последний немец встал с земли и поднял руки вверх. Мария тоже поднялась. И только она сделала шаг, как немец выстрелил в неё. Пуля попала в плечо. Выронив оружие, женщина упала. Андрей выстрелил в немца, и тот покатился в ров. Марию боль сковала буквально на несколько минут. Но она быстро пришла в себя и скомандовала:

– Бегите все в лес. Совсем скоро здесь будут каратели.

Через некоторое время в сарае остались только убитые. Мария прикрыла ворота и по-

шла домой. Сначала она шла, потом побежала. Полная тишина пугала её. Деревня молчала. А женщина думала о своих детях. Уже целые сутки она не видела малышей, не знала, что с ними. А вот и родной дом... Дверь была открыта. Мария слышала, как бьётся сердце в её груди. В голове гудело. В таком состоянии она вошла в дом. И сколько было счастья и радости от того, что она увидела: из-под печи на неё смотрели глазки её деточек.

Мария достала детей и повела их через огороды в лес. Целую неделю она просидела с ними на островке среди болота. Детей кормила аиром и поила болотной водой – всё ж лучше, чем стоять под пулями. Их нашли партизаны и забрали в партизанский отряд.

А немцы сожгли деревню. И долго ещё рассказывали друг другу о бесстрашной женщине, которую прозвали Ведьмой. Они не могли понять, откуда у сельской женщины взялись силы и навыки в стрельбе. Они не могли понять того, что находятся на чужой земле и уничтожают невинный народ.

Тамара КОВАЛЬЧУК
г. Минск, Беларусь

Член Международной ассоциации писателей и публицистов, автор 13 сборников стихов и рассказов на русском и белорусском языках и одной детской книги (сказка в стихах), автор-составитель международных коллективных сборников «Память храним», «Пока звонят колокола». Литературный редактор международного литературно-художественного альманаха «Созвездие». Победитель многих международных литературных конкурсов, обладатель литературной премии им. В. Никитина (2020).

Публикации: в альманахах «Ступени», «Созвездие», «Родник», «Параллели», «Сентябрина», «SUN CITY», «Мир без границ», «Океан Сарматикус», «Славянское слово», «Наследие», «Поэт года», «Георгиевская лента» и др.; в коллективных сборниках «Память храним», «Пока звонят колокола», «Бессмертный взвод», «Бобруйский почерк» и др.; в журналах «Александръ», «Родник», «Метаморфозы», «Сова» и др.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЪ» В СЕВАСТОПОЛЕ

12 августа в Севастополе состоялось знаковое событие – презентация «севастопольского» выпуска популярного литературно-исторического издания Союза писателей России – журнала «Александръ». Авторы седьмого выпуска этого года, а среди них известные российские писатели Виктор Лановенко, Валерий Воронин, Вячеслав Беспалов (Бакулин), Сергей Крупняков, Людмила Пивень, Татьяна Корниенко, Николай Ярмо, собрались в тесном кругу в модельной библиотеке – Центре гуманитарно-технической информации – библиотеке-филиале № 5. Открыла встречу тёплыми приветственными словами директор РИБС для взрослых Е. А. Волкова. Она сообщила присутствующим, что Севастопольское региональное отделение ООО «Союз писателей России» связывают многолетние партнёрские отношения с НОО «Севастопольская библиотечная ассоциация». Всё, что связано с чтением, книгой, литературой и культурой, будь то литературно-музыкальные мероприятия, творческие встречи, презентации, литературные дискуссии, становится предметом общего интереса. В частности, по соглашению между РИБС для взрослых давно и плодотворно действует проект #Проли-тературу, в рамках которого как раз и проходит нынешняя презентация популярного литературно-исторического журнала «Александръ». Т. А. Воронина, председатель СРО СПР и один из авторов летнего выпуска, представила гостя – главного редактора журнала Анатолия Сергеевича Трубу, рабочего секретаря Союза писателей России, который привёз для участников выпуска авторские экземпляры, чтобы в торжественной обстановке вручить каждому из них пахнущий свежей краской журнал. Он рассказал о том, как пришла идея собрать их под одной обложкой: «Испокон веков великие поэты, писатели, знаменитые путешественники и государственные деятели приезжали в Севастополь за вдохнове-

нием, сочиняли стихи, писали прозу, прославляли русскую землю. В летнем "Александре" редакция попыталась раскрыть насыщенную палитру современной таврической литературы».

С большим интересом присутствующие ознакомились с историей создания журнала, которую поведал главный редактор, сопровождая своё выступление мультимедийным показом. Надо сказать, содержание номера впечатляет. Названия рубрик отражают суть представленных произведений, будь то проза или поэзия. Здесь есть всё – литература, история, духовный мир. Один за другим выступали поэты, зачитывая опубликованные тексты. Валентин Сорокин-Таврин, Татьяна Шорохова, Ольга Данилова (Старушко), Татьяна Халаева и Людмила Гусельникова сумели донести до слушателей разнообразие севастопольской поэзии. И пусть не все имели возможность выступить, но уже само участие в престижном издании дорогого стоит для популяризации творчества севастопольцев. На вечере прозаиков представил публицист профессор Михаил Колесов, а историческую часть выпуска – Владимир Стефановский, капитан 2-го ранга, отстаивающий справедливость в области сохранения исторической правды города морской славы Севастополя. Одним из авторов журнала стала Анжелика Фесенко – учёный секретарь ГБУК г. Севастополя «Региональная информационно-библиотечная система». В издании опубликовано её литературное расследование «Кто вы, поручик Лев Толстой?», посвящённое 120-летию Центральной городской библиотеки имени Л. Н. Толстого.

Встреча закончилась чествованием севастопольских писателей, которые этим летом отметили свои юбилеи. Были вручены почётные грамоты Союза писателей России А. Федосееву, Т. Шороховой – поэту, историку, публицисту, лауреату многих литературных премий и наград,

руководителю секции поэзии СРО СПР и Творческой мастерской поэзии им. Ю. Кузнецова, В. Пискайкину – поэту, прозаику, барду, обладателю медали «Константин Михайлович Станюкович», начальнику Дома офицеров Черноморского флота. Александр Федосеев был награждён также медалью «Николай Рубцов» – «за особый вклад в области литературы, искусства, краеведения и общественной деятельности».

Тамара АНДРЕЕВА
Севастополь

МОСТ ДРУЖБЫ

3 сентября в читальном зале Центральной городской библиотеки города Мичуринска состоялась конференция под названием «Мост дружбы». Инициаторами конференции стали Союз писателей России, представленный рабочим секретарём Анатолием Трубой, и Луганская молодёжная библиотека, которую представлял Марк Некрасовский, член Союза писателей России, лауреат премии «Молодой гвардии», победитель и призёр различных фестивалей и конкурсов».

Первым своё выступление начал инициатор конференции – Анатолий Сергеевич Труба, который отметил, что в 2020 году городу Мичуринску присвоено звание «Литературный город», а также упомянул, что Марк Некрасовский был награждён медалью журнала «Александръ».

Нельзя было не упомянуть о проекте «Дадим деревьям наши имена». Он реализуется с целью прославления имён русских писателей и произведений русской литературы. Данный проект поддержали учёные Федерального научного центра имени И. В. Мичурина, которые вывели новый сорт яблони и присвоили ему название «Шолоховская». Процесс по выведению новых сортов и присвоению имён писателей продолжается.

От лица литераторов Тамбовской области и, в частности, города Мичуринска непосредственное участие в конференции приняли: Валерий Семёнович Аршанский, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры, почётный гражданин Тамбовской области; Михаил Петрович Белых, член Союза писателей России, заместитель главного редактора газеты «Мичуринская правда»; а также Александр Юрьевич Трунов, поэт. Каждый из присутствующих читали стихи, и обсуждали вопросы сотрудничества.

Валерий Семёнович Аршанский затронул, на его взгляд, две важные темы, относящиеся к литературе в целом, – привлечение молодёжи и освещение людской жизни. Ведь именно они зачастую встречаются на творческом пути писателя. А вот Михаил Юрьевич Белых затронул ещё одну немаловажную тему – краеведения. Именно оно помогает нам находить истоки своей истории как в глобальном масштабе, так и малой родины.

Стоит отметить, что одной из важных тем конференции был вопрос «Молодой гвардии». Так, например, Ирина Чирниенко, старший научный сотрудник музея «Молодой гвардии» Краснодона, прочла замечательные стихотворения, посвящённые данной теме и не только. Она подчеркнула, что очень благодарна городу Мичуринску, особенно за журнал «Александръ», который находится в фонде музея «Молодой гвардии».

В стороне не остались сотрудники читального зала. Анжелика Ерогодская и Наталия Кондаурова прочли стихотворения тамбовских поэтов, таких как Валентина Дорожкина и Мария Знобищева.

О замечательном проекте «Территория слова» эмоционально поведал Александр Сигида. Поэтические выступления луганчан сменяли чарующие слух песни.

Среди присутствующих хотелось бы отметить и Василия Попова – российского поэта, переводчика, секретаря Союза писателей России, секретаря правления данной организации.

Конференция проходила в дружеской и творческой обстановке.

Анжелика ЕРОГОДСКАЯ
Фото: Сергей ТУРОВЦЕВ

#конференция #мостдружбы #союзписателей

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru